

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Исторические науки”

Том 23 (62). № 1

спецвыпуск «История Украины»

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2010

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н., проф., академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф.-м. н., доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф.-м. н., проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н., проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н., проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н., проф.**Климчук С. В.** – д. э. н., доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф.-м. н., проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н., проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н., проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н., проф.**Шоркин А. Д. д.** – филос. н., проф.**Юрченко С. В.** – д. полит. н., проф.**Редакционный совет серии "Исторические науки":****Айбабин А. И.**, доктор исторических наук, профессор**Ганкевич В. Ю.**, доктор исторических наук, профессор**Непомнящий А. А.**, доктор исторических наук, профессор (выпускающий редактор)**Петрова Э. Б.**, доктор исторических наук, профессор**Филимонов С. Б.**, доктор исторических наук, профессор**Юрченко С. В.**, доктор политических наук, профессор (редактор серии)**Редакционная коллегия спецвыпуска "История Украины":****Акулов М. Р.**, доктор исторических наук, профессор**Бачинская Е. А.**, доктор исторических наук, профессор**Ганкевич В. Ю.**, доктор исторических наук, профессор**Непомнящий А. А.**, доктор исторических наук, профессор (редактор спецвыпуска)**Смынтына Е. В.**, доктор исторических наук, профессор**Хмарский В. М.**, доктор исторических наук, профессор

Подписано в печать 03.11.2010. Формат 70x100 1/16. 16,58 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12/11-УЗ.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Історичні науки». Том 23 (62), № 1 : Спецвипуск «Історія України»

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2010

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету

ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

© Таврический национальный университет, 2010 г.

УДК 930.9/371.671

ПРОБЛЕМА ЭМИГРАЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»

Абибуллаева Д. И.

*Республиканское высшее учебное заведение
«Крымский инженерно-педагогический университет»
E-mail: dilara@ukr.net*

В статье проанализированы причины и последствия эмиграции крымских татар, а также публикации И. Гаспринского по данной проблеме на страницах газеты «Терджиман».

Ключевые слова: эмиграция, крымские татары; газета «Терджиман», Таврическая губерния, Исмаил Гаспринский, Турция.

ВВЕДЕНИЕ

В истории крымскотатарского народа трагическими страницами является эмиграция мусульманского населения в Турцию, которая началась после аннексии Крымского ханства Российской империей. Начавшаяся в конце XVIII в. эмиграция, продолжалась с перерывами до начала XX века, а своего пика переселение достигло на рубеже веков. Крымские татары, утратив покровительство Турции, обрели массовое обезземеливание, бесправие в сравнении с новопоселенцами, фактическое закрепощение крестьян, полный отрыв от центров всемирной мусульманской культуры.

Невыносимо тяжелым испытанием для всех без исключения крымских татар стали военные и послевоенные годы. В историографии о Крымской войне основное внимание уделяется дипломатам, ходу военных действий, экономике воевавших стран, но при этом совершенно справедливо указывается, что война стоила больших жертв народам нескольких стран. Но, к сожалению, ни одна работа не рассматривает вопроса: во что обошлась война населению края, где разворачивались главные ее военные действия. Недостаточно глубоко исследованы причины и последствия эмиграции для крымскотатарского народа.

Целью нашей статьи является освещение взглядов И. Гаспринского о проблеме эмиграции крымских татар, отраженных в его публикациях в газете «Терджиман».

И. Гаспринский известен прежде всего в качестве редактора-издателя русско-татарской газеты «Переводчик – Терджиман», которая стала первым периодическим печатным органом крымских татар и до начала XX века являлась единственной тюркоязычной газетой Российской империи. Эта газета издавалась с 10 апреля 1883 года по 23 февраля 1918 года, просуществовала 35 лет. И. Гаспринскому удалось превратить свою газету в наиболее авторитетное и влиятельное издание среди тюркомусульманской прессы в России [1].

КРАТКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ЭМИГРАЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР

В историографии по данной проблеме можно представить статью Н. Щербаня «Переселение крымских татар», опубликованную в начале 60-х годов XIX века. Следует заметить, что автор не пытается раскрыть причины и последствия начавшейся массовой эмиграции крымских татар в Турцию. Главным волнующим вопросом автора является заселение опустевшего Крыма путем переселения казенных крестьян из малоземельных Российских губерний или иностранцев из Европы, предоставляя им выгоднейшие льготы и даровые перевозочные средства.

При этом важно было правительственным структурам не стеснять отъезды, не прекращать выдачи паспортов и сделать отлив крымских татар постепенным, в соответствии с приливом славянского населения, чтобы в дальнейшем не возникали проблемы с обеспечением продовольствием, топливом и др. [2].

Одной из наиболее интереснейших статей, посвященных эмиграции крымских татар в Турцию после окончания Крымской войны 1853–1856 гг., является работа Г.П. Левицкого «Переселение татар из Крыма в Турцию». В его работе сосредоточен ценный материал и перечень причин, заставивших крымских татар покинуть землю своих предков [3].

Особую значимость в исследовании данной проблемы представляет статья А. Озенбашлы «Роль царского правительства в эмиграции крымских татар». Автор статьи путем научного анализа событий и фактов бескомпромиссно указывает на истинного виновника массовой эмиграции крымских татар, на власти, их колониальную политику в Крыму [4].

Современный ученый Д. Золотарев в своей статье «Особенности политики России по отношению к эмиграции и паломничеству крымских татар (60-е годы XIX – начала XX вв.)» представил анализ деятельности правительственных органов и вывод о том, что власти долгое время рассматривали вопросы эмиграции и паломничества в качестве единого комплекса проблем, связанных с выездом мусульман из империи. Автор отмечает, что изменения во взглядах на существо проблемы и в подходах произошли только на рубеже XIX–XX вв. и правительство осознало, что паломничество мусульман не имеет в себе существенной угрозы для государства. В своей работе Д. Золотарев отмечает, что, пересматривая свою прежнюю позицию и снимая в начале XX в. преграды на пути эмиграции крымских татар, правительство стремилось снизить накал социальной и политической напряженности в регионе, хотело избавиться себя от необходимости решения проблем крымскотатарского населения, надеясь использовать освобождаемые земли для дальнейшей колонизации Крыма [5].

Первая волна начавшейся эмиграции в 1792 году коснулась ногаев-степняков-скотоводов и была весьма разрушительной, отмечал А. И. Маркевич, из полумиллионного населения крымских татар выехало менее 100 тысяч, т.е. 1/5 их [6]. Следующая волна эмиграции была вызвана Крымской войной (1854-1856), но в начале 1860-го усиливается, охватывая уезд за уездом и пик переселения пришелся на 1863 год, когда опустели целые татарские деревни. И на этот раз уезжали в основном степняки – ногаи и крестьяне, которые прежде всего пострадали от войны. По подсчетам правительства покинули родину 141,667 человек, но сюда не внесли тех, кто

выехал без паспорта, а их было не мало. В 1893 году вновь началась эмиграция, своего пика она достигла на рубеже веков и в начале XX века и продолжалась с более разрушительной силой [7].

Наиболее ценная информация по данной проблеме представлена в отчете губернатора В.Ф. Трепова о состоянии Таврической губернии за 1902 год, где он отмечает, что основными причинами эмиграции крымскотатарского населения были политические, социальные, экономические и духовные проблемы, которые правительством не решались. Русские чиновники Таврической губернии не только не препятствовали эмиграции крымских татар, но и «подгоняли бежавших», завладевая их землями.

Далее губернатор В.Ф. Трепов отмечает, что в то же время Российское правительство обустроивало немцев, активно заселявших Крымский полуостров. Русское правительство не приложило ни труда, ни забот, чтобы прочно устроить земельный быт татар. Насколько заботливо, предусмотрительно мы устроили колонизацию немцев в крае, создав особую попечительную о них администрацию, настолько по отношению к детям степей – татарам правительство относилось безучастно и равнодушно; и следует ли удивляться, что ничем не руководимый, неразвитый, некультурный, беспечный и доверчивый татарский народ погибает от хищнических набегов на их права и имущества, [владельцев] всяким искусством обходить закон земельных паразитов-спекулянтов. Правительство по отношению к немцам проявило редкую заботливость и постаралось обставить их прочно и хорошо. Так, в Крыму немцами был создан попечительный комитет, в распоряжении которого находились смотрители колонии, обладавшие законами и административными способностями. Смотрителям удалось не только достигнуть того, что вся эта иностранная вольница вошла в рамки закона о порядке, но и достигла значительного благосостояния.

Губернатор В. Ф. Трепов отмечает: «Немцы были наделены не только 60 десятинными участками на двор, но еще про запас им были отведены так называемые овчарные участки, часто весьма значительного пространства» [8].

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО О СТРАШНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ЭМИГРАЦИИ

Исмаил Гаспринский хорошо знал причины и последствия эмиграции своего народа, глубоко переживал и посвящал многочисленные статьи этому вопросу, которые печатались на страницах «Терджимана». В декабре 1901 года И. Гаспринский напечатал свою первую статью об эмиграционном движении среди части крымских татар под названием «Почему уходят татары?». Видимо, это была реакция И. Гаспринского на статьи об эмиграции татар, опубликованные в столичных газетах «Крымский вестник», «Крым». Он пишет: «Некоторые из наших почтенных коллег видят стимул и причину эмиграционного движения в экономической необеспеченности, а некоторые в обстоятельствах морального и религиозного порядка. Какое из этих мнений ближе к истине? На этот вопрос пусть дают ответ следующие факты. Они говорят: «Крым видел не одну эмиграцию татар. Первая произошла по покорении страны, и ушли кочевавшие вне полуострова ногайцы и буджакцы. Вторая большая эмиграция была в 60-х годах XIX века. Тогда ушло до 200 тысяч жителей и

почти все из степных уездов Крыма, где татары-поселяне не имели и не имеют ни собственного клочка земли, ни собственного угла.

Сейчас эмиграционное движение началось опять в степи в Евпаторийском уезде и опять среди бездомного, бесправного деревенского пролетария. Очевидно, что эмиграцию питает недоля, лишения, необеспеченность, а не воля с антипатиями или симпатиями.

Если бы при покорении и устройении Крыма было обращено внимание на обеспечение землицей крымских поселян-работников в той же степени, как были обеспечены сословия мурз и мулл, то не было бы ни одной заметной эмиграции» [9].

В мае 1902 года была опубликована статья И. Гаспринского под названием «Об эмиграции», где он пишет: «Доходят слухи о том, что то в одной, то в другой деревне татары продают свои участки и скот, имея в виду переселиться в Турцию. Если это серьезно, то приходится пожалеть этих людей, не ведающих, что творят: чтобы покинуть родину надо иметь веские основания. Всякие неразумные необоснованные передвижения ведут к обеднению, разрушению и гибели. Мы не видим причин, которые оправдали бы уход из Крыма, мы не видим ничего, что могло бы привлекать людей в Турцию, откуда десятки тысяч людей идут сюда и на побережье Черного моря на заработки» [10].

Далее И. Гаспринский отмечает: «Турецкое правительство принимает в качестве переселенцев только тех, кто, получив на то разрешение своего правительства, имеют переселенческие паспорта, т. е. выход из русского подданства. А те простаки, которые, взяв паспорт для торговли или свидания с родственниками, думая поселиться в Турции на правах переселенца, глубоко ошибаются». Он предупреждает: «... прожив свои средства, придется бедствовать, и бедствовать тут, если, как часто бывает, они возвратятся в Крым». И. Гаспринский призывает «обо всем сорок раз подумать», прежде чем «распродаваться и пускаться в неизвестные путешествия с детьми и стариками» [10].

Эта тема продолжена в номере газеты от 15 мая 1902 года в заметке под заголовком «Еще по поводу эмиграции», где И. Гаспринский пишет: «Мы надеемся, что благоразумие населения и отеческая заботливость властей успокоят эмиграционное движение среди крымских татар. Не дай Бог, если движение это разовьется, и эмиграция примет широкие размеры, то последствия будут не радостные для уходящих и для края». Здесь он отмечает, что «эмигрировавшие в 60-х годах XIX столетия из Крыма в Турцию были поселены в Добруджи и в пределах нынешней Болгарии. Едва-едва успели эмигранты осесть и кое-как устроиться на новых местах, как грянула русско-турецкая война 1877 года, и они стали вновь уходить на этот раз в Анталию. Для края как окраины русского государства выселение татар тоже не принесло пользы.

Часто пресса в то время утешала себя тем, что Крым будет заселен кровными русскими людьми, но этого не произошло. Теперь, спустя сорок лет после большой эмиграции татар, крупное русское землевладение значительно убавилось, крестьянское увеличилось немного, но зато немецкое возросло в 20 раз и окрепло настолько, что будет расти и расти вполне естественным образом. Направить в Крым, на доро-

гие земли русских безлошадных поселенцев будет очень трудно, так как его легче устроить на сравнительно пустующих землях нашего Востока и Сибири» [11].

Автор делает вывод, что «благоразумие самого населения и отеческая заботливость властей могли бы избавить Крым от новой экономической и этнографической перетрубаии. Дай Бог, чтобы это так и было» [11].

В своей статье «Необходимый совет» И. Гаспринский говорит о том, что переселения бываюи и у других народов. Так, европейцы переселяются в Америку и другие страны. «Но они переселяются сознательно и умеючи, имеют достаточно сведений о той стране, куда направляются. Нельзя этого сказать о наших переселенцах-татарах. Им неизвестно, где их поселят, как поселят, и что они будут там делать». Далее он советует: «Прежде чем распродавать тут свои имущества и земли, думая эмигрировать, они должны получить разрешение министра внутренних дел по оставлению русского подданства. И только после получения такого разрешения можно будет получить заграничный паспорт».

Здесь он напоминает своим соотечественникам, которые все же намереваются покинуть Крым, что «по законам Турции, ранее летнего пребывания там, она никого не принимает в подданство, если желающий не уволен из подданства своим правительством».

В конце статьи он пишет: «Мы просим наших читателей передать наш совет тем, кто не читал. Мы просим духовных лиц наставлять прихожан нашим советом. Надо стараться, чтобы народ не шел слепо на разорение» [12].

В октябре 1903 года вышла еще одна статья И. Гаспринского под названием «К эмиграции татар», где он пишет: «Теперь сама жизнь, уже первый, но надемся, последний раз, громко протестует против этой социальной болезни. Прислушайтесь, добрые люди, к голосу жизни, присмотритесь к фактам ее. В Турцию вас никто не звал и не зовет: нищие турки, обходящие наши деревни из года в год, тысячи рабочих турок, живших между нами, без слов, но красноречиво говорят нам о том, где есть работа, деньги и лучшая жизнь. Из ушедших в прошлом многие уже вернулись, еще большее число готовится возвратиться, если найдет средства. Но, увы, огромная часть ушедших гибнут там, на чужбине, болея целыми семьями малярией, о чем получают в Крыму десятки писем с предупреждениями. Но все же десятки рабочих семей поднимаются со своих мест и идут навстречу верной гибели. Есть все данные, что уходящие ныне - последние жертвы эмиграционной болезни» [13].

С проблемой эмиграции крымских татар И. Гаспринский выступил на очередном дворянском собрании Таврической губернии в январе 1903 года. В своей речи он выделил две серьезные причины эмиграции: первое - затянувшееся разрешение и устройство вакуфного дела, неразрывно связанные с религиозными учреждениями и учебными заведениями мусульман, и второе - размещение новобранцев-татар по 2-3 человека в разные полки, где уже не раз случалось, что они умирали без религиозного напутствия и хоронили их без религиозного обряда. И. Гаспринский предложил собранию воспользоваться своим законным правом и обратиться с прошением к императору. Собрание, внимательно обсудив это дело, после оживленных дебатов единогласно одобрило следующую резолюцию: «о прощении дворянства Таврической губернии о ходатайстве о том, дабы было повеление Высочайшего ускорить

разрешение вакуфного дела, согласно шариата и современных нужд населения, и развернуть крымскотатарский дивизион, имеющий своего муллу в полку или же группировать татар новобранцев Крыма в какой-либо одной части из двух частей с назначением к ним по одному духовнику для религиозных требований солдат-мусульман» [14].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, И. Гаспринский на страницах своей газеты рассказывал людям о трудностях жизни эмигрантов, предупреждал о страшных последствиях эмиграции для народа, а властям объяснял причины, эмиграции крымских татар. Последствия эмиграции были катастрофическими был нанесен невосполнимый урон генофонду, народ терял землю, терялись этнокультурные традиции крымских татар.

Следует отметить, что И. Гаспринский воистину был сыном крымскотатарского народа, так как он знал его проблемы, и вся его многогранная деятельность была посвящена повышению образовательного, культурного уровня и укреплению материального благосостояния своего народа.

Список литературы

1. Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению: Краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851 – 1914) / В. Ю. Ганкевич. – Симферополь : Доля, 2000. – 328 с.
2. Щербань Н. Переселение крымских татар / Н. Щербань // Забвению не подлежит... (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). Научно-популярные очерки. – Казань : Татарское книжное издательство, 1992. – С. 36–55.
3. Левицкий Г. Переселение татар из Крыма в Турцию / Г. Левицкий // Забвению не подлежит... (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). Научно-популярные очерки. – Казань : Татарское книжное издательство, 1992. – С. 118–162.
4. Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар / А. Озенбашлы // Забвению не подлежит... (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма) : Научно-популярные очерки. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – С. 69–74.
5. Золотарев Д. Особенности политики России по отношению к эмиграции и паломничеству крымских татар (60-е годы XIX – начала XX вв.) / Д. Золотарев // Репрессивное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры : мат-лы Межд. конф. 28–29 мая 1999 года. – Симферополь, 2001. – С. 98–104.
6. Маркевич А. И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму / А. И. Маркевич // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. – 1928. – С. 47.
7. Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар / В. Е. Возгрин. – М. : Мысль, 1992. – 446 с.
8. ГААРКФ. Ф. 26, Оп. 1, Д. 28233, Л. 16-32.
9. Гаспринский И. Почему уходят татары? / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1901. – 15 дек.
10. Гаспринский И. Об эмиграции / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1902. – 7 мая.
11. Гаспринский И. Еще по поводу эмиграции / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1902. – 15 мая.
12. Гаспринский И. Необходимый совет / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1902. – 31 мая.
13. Гаспринский И. К эмиграции татар / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1903. – 20 окт.
14. Гаспринский И. Дворянские выборы / И. Гаспринский // Переводчик-Терджиман. – 1903. – 31 янв.

Абібуллаєва Д. І. Проблема еміграції кримських татар на сторінках газети "Терджиман"
/ Д. І. Абібуллаєва // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 3–9.

У статті проаналізовані причини і наслідки еміграції кримських татар, а також публікації І. Гаспринського з цієї проблеми на сторінках газети «Терджиман».

Ключові слова: еміграція, кримські татари, газета «Терджиман», Таврійська губернія, Ісмаїл Гаспринський, Турція.

Abibullaeva D. I. Problem of emigration of Crimean Tatars on pages of newspaper "Terdzhiman"
/ D. I. Abibullaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : "History of Ukraine". – P. 3–9.

The article deals with the reasons and consequences of Crimean Tatar immigration as well as I. Gasprinsky's works on the topic mentioned in the newspaper "Terdzhiman".

Key words: immigration, Crimean Tatars, newspaper "Terdzhiman", Tavrida Guberniya, I. Gasprinsky, Turkey

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 39(477.75):001.891–057.4 1920–1930

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В КРЫМСКОЙ АССР В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Асанова У. К.

*Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Одесса, Украина
E-mail: musaeva_ulker@mail.ru*

В научный оборот вводится новый корпус архивных документов, посвященный истории музейного строительства в Крыму в первой половине 20-х гг. XX в., выявленный в фондах ГАРФ (г. Москва). Анализируется участие центральных органов Народного комиссариата просвещения РСФСР в этом процессе, представляются формы взаимодействия руководящих органов и их региональных подразделений в обеспечении организационной, методической, материальной, исследовательской инициативы в процессе работы крымских музеев.

Ключевые слова: музеи, Крымская АССР, Главмузей Наркомата просвещения РСФСР, КрымОХРИС, Н. И. Троцкая, А. И. Полканов, археологические раскопки.

Судьба культурного наследия различных исторических эпох, проблема сохранности памятников народов и цивилизаций, создания универсальных классификаций артефактов и формирования устойчивых, логически обоснованных экспозиций и коллекций относятся к актуальным заданиям современного музееведения. В этом контексте территория Крыма является одним из показательных примеров успешного синтеза: на локализованной территории полуострова сосуществуют значительные памятники природного, ландшафтного, материального, духовного происхождения, которые получили статус музеев либо являются экспонатами музейных коллекций. Отсутствие последовательного и исчерпывающего освещения этой проблемы в историографии, недостаточность документального обеспечения данной темы, необходимость выявления новых документов по исследуемой проблеме – в частности по истории функционирования крымских музеев в 20-е–30-е гг. XX в. – формулирует **актуальность** нашего исследования.

Формированию устоявшейся стабильной музейной сети в Крыму предшествовал длительный и содержательный процесс ее создания и становления, который проходил в течении XIX – начала XX вв. Теоретические основы, методологические принципы и ход этого процесса подробно отражен в современной историографии: в монографии профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, доктора исторических наук А. А. Непомнящего «Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование» [1] представлен очерк организационных мероприятий по созданию музейных учреждений в Керчи, Севастополе, Симферополе, Феодосии, проанализированы основные принципы их работы, показан уровень научного обеспечения работы крымских му-

зейщиков, представлены биографические сведения о подвижниках музейной работы в досоветский период. Своим скрупулезным масштабным исследованием профессор А. А. Непомнящий сформулировал методологию дальнейших исследований по озвученной проблеме.

Представленные в историографии разрозненные публикации по истории развития музейного дела в Крыму в 20-е–30-е гг. XX в. [2] не соответствуют необходимому исследовательскому уровню, зачастую основаны на привлечении незначительной части архивных документов по теме, являясь, по сути, компилятивными, либо локально рассматривающими отдельные сюжеты темы вне связи с общим процессом музейного строительства в Крыму и СССР. В свою очередь, в последние годы появились также публикации, которые рассматривают родственную процессу музейной работы в 20-е–30-е г. XX в. активную памятникооохранительную деятельность, которая также имела свою методологию и достижения, выразившиеся в создании системы государственной охраны памятников. В этом контексте для нашего исследования актуальны материалы диссертационного исследования директора Научного центра историко-краеведческих исследований и Свода памятников Украины по АРК, кандидата исторических наук А. В. Хливнюка [3], основанного на привлечении новых материалов из фондов архивов Москвы, также отраженные в ряде статей [4].

Основной **целью** нашей публикации является обзор и анализ корпуса архивных документов по указанной теме, выявленный нами в ходе работы в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва). Это продиктовано необходимостью расширения источниковой базы по истории музейного дела в Крыму в 20-е–30-е гг. XX в. Документы ГАРФ по исследуемой теме сконцентрированы в фонде А-2307 («Главное управление научными и научно-художественными учреждениями Наркомата просвещения РСФСР», Главнаука Наркомпроса РСФСР) и являются синкретическими документами, включающими в себя различные виды источников. Данные материалы относятся, прежде всего, к организационной, распорядительной документации, включают в себя протоколы, служебную переписку, учетную документацию.

Выявленный корпус документов ГАРФ подразделяются на документы Главмузея Наркомпроса РСФСР (г. Москва) и документы Крымского отдела по делам музеев и охране памятников старины, искусства, природы и народного быта (КрымОХРИС, г. Симферополь). Первая группа материалов концентрирует источники, освещающие руководящую роль Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы Главнауки Наркомпроса РСФСР (Главмузей Наркомпроса РСФСР) восстановлением музейной сети в Крыму в первой половине 20-х гг. XX в. Как программный в этом отношении, демонстрирующий планы и пути реализации задач, определенных руководящим государственным органом, может рассматриваться «Протокол № 7 заседания Совета Главмузея от 6 октября 1921 г.» [5]. В рамках мероприятия, проходившего под председательством заведующей Главмузеем Наркомпроса РСФСР Н. И. Троцкой (Седовой), был заслушан доклад заведующего отделом искусств Наркомата просвещения Крымской АССР, искусствоведа и организатора памятникооохранительной работы в Крыму в первые годы Совет-

ской власти Якова Александровича Тугендхольда (1882–1928) «О музейной работе и охране памятников искусства и старины в Крыму». Смежность тем, отраженная в теме доклада объясняется параллельностью процессов непосредственно музейной работы и защиты памятников материальной, духовной культуры, природного происхождения от уничтожения или разграбления, которую осуществляли как специальные уполномоченные органы – в частности, созданный в конце 1920 г., КрымОХРИС – так и представители ВЧК, милиции, сами музейные работники. Решение Совета Главмузея Наркомпроса РСФСР от 6 октября 1921 г. носило многоплановый характер: как явствует из текста документа, оно затрагивало вопросы организации в Крыму постоянной археологической станции, для работы которой предлагалось воспользоваться опытом Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, г. Петроград) – единого методологического центра всех археологических исследований в РСФСР на тот период. Также руководящий орган Главмузея считал необходимым предложить КрымОХРИСу провести съезд представителей учреждения в течение февраля 1922 г., а также разработать декрет, препятствовавший проведению самовольных раскопок. Кроме того, руководство Главмузея Наркомпроса РСФСР считало необходимым вменить в обязанность своему региональному подразделению организацию совместных действий с представителями наркомата внешней торговли РСФСР по недопущению вывоза «предметов музейного назначения» за границу. Озаботился руководящий орган и проблемами материального обеспечения работы по воссозданию музеев Крыма. Отдельным пунктом постановляющей части протокола от 6 октября 1921 г. значится «усиление средств» на охрану памятников и выделение таковых на «фотографирование, зарисовки и ремонты», то есть на мероприятия по музеефикации. Не осталось без внимания и социальное положение работников крымских музеев: в документе, подписанном Н. И. Троцкой, указывается на необходимость «организовать в Крыму общежитие для музейных работников и составить смету. Принять меры к улучшению материального положения крымских музейных работников путем распространения на них пайков» [6]. В целом, следует отметить стратегический характер постановляющей части протокола: чиновники Главмузея Наркомпроса РСФСР комплексно подошли к оценке ситуации в музейной сфере Крыма, определили ее ключевые проблемы, связанные в 1921 г. не столько с непосредственным функционированием музеев, сколько со спасением памятников – будущих экспонатов музейных коллекций – от разграбления или вывоза за пределы РСФСР. Вместе с тем, стремление изыскать средства на организацию музеефикации памятников свидетельствует о переходе и к непосредственно музейной работе. Также важным является зафиксированное стремление руководящего органа осуществлять организацию как исследовательской деятельности (раскопки, создание постоянной археологической станции в Крыму), находившейся в рамках ведения ГАИМК, так и обеспечить минимальную социальную защиту сотрудников музеев путем выделения им места для проживания и организации их питания – в разоренном и голодном после Гражданской войны Крыму это было в прямом смысле вопросом жизни и смерти.

Сохранившиеся в деле тезисы доклада Я. А. Тугендхольда на заседании Совета Главмузея Наркомпроса РСФСР 6 октября 1921 г. [7], позволяют расширить пони-

мание задач развития музейного дела, которые необходимо было решить руководящему органу в срочном порядке. Так, важным представляется особое качественное отношение к памятникам Крыма, зафиксированное искусствоведом. В тезисах отмечалось «огромное мировое научно-художественное значение Крыма как сокровищницы прошлого» и делался акцент на том, что «Главмузею необходимо обратиться на него совершенно особое, гораздо большее, нежели до сих пор, внимание в смысле охраны памятников старины, искусства и природы». Данная дефиниция Я. А. Тугендхольда лишний раз подчеркивает важность мероприятий Советской власти по охране памятников и организации музейного дела в Крыму в первой половине 20-х г. XX в., т. к. она фиксирует однозначный государственный патронат данного процесса, что обеспечивало защиту памятников и формирование музейных коллекций путем сложения усилий не только специализированных органов, подотчетных Наркомпросу РСФСР, но и подразумевало участие всего управленческого аппарата властей Крымской АССР в этом важном процессе. В тезисах доклада Я. А. Тугендхольда содержалось также предложение об организации в рамках КрымОХРИСа специального товарообменного фонда, который позволял бы сотрудникам отдела получать в сельской местности Крыма памятники историко-бытового, этнографического профиля. Кроме этого, в отношении развития этнографических исследований, Я. А. Тугендхольдом была выдвинута идея направления в Крым специальной «этнографической экскурсии» и создания «особой Этнографической комиссии» [8]. Стоит отметить, однако, что эти предложения исследователя не были отражены в постановляющей части протокола. Вместе с тем, материалы заседания Совета Главмузея Наркомпроса РСФСР от 6 октября 1921 г. демонстрируют масштабность и системность задач, которые были сформулированы руководящим органом, являются своеобразным итогом первого года работы КрымОХРИСа, фиксируют необходимость решения комплексных задач.

Характерной иллюстрацией разрешения острых проблем охраны территории крымских музеев и их памятников от разрушения является переписка чиновников Наркомпроса РСФСР, посвященная выселению красноармейцев 7-го стрелкового полка с территории городища Херсонес в Севастополе. Информация о разрушениях и беспорядках, виновниками которых являлись красноармейцы, поступала в Главмузей Наркомпроса РСФСР на протяжении 1921 г. от КрымОХРИСа. Реакцией на эти обращения стало письмо Н. И. Троцкой на имя уполномоченного Главмузея Наркомпроса РСФСР по Крыму Александра Ивановича Полканова (1884–1971) [9]. В нем указывалось, что кроме обращений к руководящему органу дирекцией Херсонесских раскопок не было предпринято попыток взаимодействия с командованием полка или штабом Севастопольской крепости в вопросах недопущения беспорядков, а также в проведении соответствующей разъяснительной работы. В связи с этим, Главмузей Наркомпроса РСФСР предлагал следующий вариант урегулирования конфликта: определение часов посещения усадьбы и раскопок Херсонесского городища и порядка посещения, гарантировавшего сохранность памятников; установление посещения территории раскопок красноармейцами только в организованном порядке, что можно считать проявлением разъяснительной и просветительной работы; устранение всех недоразумений путем переговоров с командирским соста-

вом полка, а в случае неудачи – обращение в штаб Севастопольской крепости и к командующему войсками Украинского военного округа. Вместе с тем, руководство Главмузея Наркомпроса РСФСР брало на себя инициативу переговоров с Революционным военным советом (РВС) СССР на предмет вывода подразделений 7-го стрелкового полка с территории Херсонесского городища. Кроме решения проблемы сосуществования с красноармейцами и их командованием, Н. И. Троцкая поднимала в своем письме перед руководителем КрымОХРИСа вопросы непосредственной деятельности отдела и просила «спешно уведомить» о «состоянии охраны Херсонесских раскопок в настоящий момент» и «о мерах, посредством которых Вы предполагаете поднять эту охрану на должную высоту». Данные замечания свидетельствуют о желании руководства Главмузея Наркомпроса РСФСР предоставить инициативу по охране музейных территорий непосредственно в компетенцию органа республиканского значения, следовательно – этим действием еще более подчеркивалась приоритетность его работы. Свидетельством серьезности намерений Главмузея Наркомпроса РСФСР является копия письма, подписанного заместителем Народного Комиссара Просвещения РСФСР и заведующим Главнаукой Наркомпроса РСФСР (копия документа не зафиксировала фамилии чиновников, однако, мы можем предположить, что письмо могли подписать занимавшие на тот момент ответственные посты выдающийся советский историк М. Н. Покровский и Н. И. Гливенко соответственно) в адрес РВС СССР [10]. Чиновники Наркомпроса РСФСР высказывали настоятельную просьбу о необходимости вывода подразделений 7-го стрелкового полка с территории городища, мотивируя это наличием свободного помещения в казармах полка. Также высказывалось мнение о принципиальной нежелательности и нецелесообразности размещения «казармы и общежития на территории исторических памятников громадного культурного и исторического значения». В свою очередь, Наркомпрос РСФСР принимал на себя обязательство предпринять меры к «ограждению Херсонесских раскопок от случайных повреждений со стороны посетителей». Для красноармейцев 7-го полка чиновники Наркомпроса РСФСР считали необходимым также проведение разъяснительной работы и неукоснительное выполнение ими всех требований администрации Херсонеса. Данные документы ГАРФ наглядно демонстрируют сложность условий, в которых проистекала работа крымских музеев в начале 20-х г. XX в., приоритетность решения задач сохранения памятников над их исследованием или формированием экспозиции. К концу 1922 г. Главмузей Наркомпроса РСФСР смог решить проблему сосуществования армейских подразделений и музея на территории Херсонесского городища: 4 декабря Н. И. Троцкая сообщала в письме к заведующему Севастопольским ОХРИСом Лаврентию Алексеевичу Моисееву (1882–1946) о том, что ей направлено письмо на имя командующего Украинско-Крымской армией М. В. Фрунзе о необходимости перевода воинских частей [11]. Учитывая взаимоотношения в руководстве страны на тот момент – муж Н. И. Троцкой – Л. Д. Троцкий занимал пост руководителя РВС СССР – можно предположить, что обращения руководителей Наркомпроса и непосредственно Н. И. Троцкой имели значительное влияние и имели перспективу быстрого исполнения.

Разносторонняя руководящая работа Главмузея Наркомпроса РСФСР отражена в письмах от 4 и 6 декабря 1922 г., адресованных М. Н. Покровскому [12] и КрымОХРИСу [13]. В первом документе Н. И. Троцкая с уважением говорила о заслугах главы крымского подразделения Главмузея Наркомпроса РСФСР А. И. Полканова, подчеркивались его «исключительная энергия и подчас героизм в деле сохранения музейных ценностей» и констатировалось бедственное материальное положение исследователя. В связи с этим, «оценивая его труд, как незаменимого администратора и музейного работника», Н. И. Троцкая ходатайствовала о предоставлении А. И. Полканову академического пайка с получением такового в Симферополе. Второе письмо касалось спасения ценностей и коллекций библиотек, сформированных до советскими органами власти и в дворцах Крыма. КрымОХРИСу было предложено перевезти библиотеку Таврического губернского земства в Центральный музей Тавриды, «как отвечающую общему характеру собраний этого музея», а библиотеку Алушкинского дворца переместить в Ялту (в документе не указывался конечный пункт перемещения).

Необходимость содержания и ремонта музейных зданий отражена в следующих документах Главмузея Наркомпроса РСФСР. 22 августа 1923 г. Н. И. Троцкая сообщала в КрымОХРИС о выделении 135.000 рублей на ремонтные работы в помещениях Бахчисарайского дворца, в котором расположился Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры, и аналогичной суммы на восстановительные работы ограды сооружений Херсонесского городища. Также в письме указывалось, что просьба КрымОХРИСа об отпуске средств на проведение ремонта мечети Хан-Джами в Евпатории, может быть решена либо «силами верующих», либо, в случае отсутствия такой возможности предлагалось выделить необходимые средства из уже переведенной на нужды других памятников суммы [14]. Документы ГАРФ также отражают контроль над выделением средств на ремонт крымских музеев со стороны руководства Главмузея Наркомпроса РСФСР: 17 августа 1923 г. заместитель заведующего Главмузеем Наркомпроса РСФСР С. П. Григоров обращался к заведующему финансовой частью Академического центра Наркомпроса РСФСР Скудобиченко с просьбой дать справку о выделении средств на «экстренный ремонт стены Картинной галереи Айвазовского в Феодосии, когда именно и сколько» [15]. Вариантом осуществления реконструкций и ремонта музейных помещений для Наркомпроса РСФСР стало также предоставление помещений музеев в пользование различным организациям и учреждениям. Свидетельством такой практики является «Соглашение», подписанное в 1924 г. заведующим Главнаукой Наркомпроса РСФСР Ф. Н. Петровым и заведующим Административно-организационным управлением этого же Наркомата А. П. Чаплиным [16]. Из текста документа явствует, что Главнаука передавала подразделению Наркомпроса РСФСР в пользование сроком до 31 декабря 1925 г. Шуваловский флигель и Старый дворец Воронцовых, входивших в ансамбль комплекса Воронцовского дворца в Алушке, в котором располагался Историко-бытовой музей. Помещения передавались со всем находящимся в них имуществом, инвентарем и оборудованием. Здесь должен был разместиться «Дом отдыха работников просвещения». Административно-организационное управление Наркомпроса РСФСР брало на себя обязательства по проведению ремонта в предоставленных ему помещениях, а также наружного ремон-

та помещений дворца, в которых располагался музей. Оговаривалось в тексте «Соглашения» соблюдение всех необходимых мер предосторожности при проведении ремонта во избежание порчи или уничтожения музейных экспонатов, переданные имущество и инвентарь вносились в специальную опись с оценкой их стоимости по ценам периода, предшествовавшего Первой мировой войне. Также арендатор брал на себя обязательства поддержания чистоты и порядка на территории дворца, а также обязывался любые ремонтные работы производить только по указанию и под контролем представителя Главнауки «в целях сохранения научно-художественной целостности этих зданий и парка» [17]. Главнаука сохраняла право осмотра предоставленных помещений своими представителями, а также право расторжения договора в случае неисполнения арендатором своих обязательств. В целом, следует отметить, что практика передачи в пользование музейных зданий, была, очевидно, вынужденной мерой со стороны Главнауки, вызванной недостатком средств на содержание музейных помещений. В пользу этого предположения говорят четко выписанные рамки соглашения и приоритетность прав Главнауки в вопросах регулирования взаимоотношений с арендатором.

Материалы ГАРФ, посвященные работе музеев в Крымской АССР, и формирующие вторую группу документов по исследуемому вопросу, представлены перепиской, отчетной документацией КрымОХРИСа и крымских музеев, которая позволяет оценить их состояние в первой половине 20-х гг. XX в. Также документы КрымОХРИСа содержат плановую документацию.

Приоритеты организационной и исследовательской деятельности КрымОХРИСа подробно представлены в тексте программы Первого Всекрымского съезда организации, запланированного к проведению в октябре 1922 г. Согласно тексту документа [18], повестка дня мероприятия определяла проведение заседаний в течение 5 дней. В первый день предполагалось открытие съезда, представление вступительного доклада заведующего КрымОХРИСом А. И. Полканова на тему «Искусство, наука, марксизм», также планировалось заслушать его же отчет о деятельности КрымОХРИСа за 1920–1922 гг. Доклады с мест должны были озвучить заведующие городскими ОХРИСами: У. А. Боданинский (Бахчисарай), А. Г. Корнев (Ялта), Ю. Ю. Марти (Керчь), Л. А. Моисеев (Севастополь), П. Я. Чепурина (Евпатория). Вопросы технического характера должны были озвучить А. И. Полканов, Я. А. Тугендхольд, Н. Л. Эрнст. Во второй день планировалось рассмотреть административные вопросы работы КрымОХРИСа, а именно: взаимоотношения с местными музеями, с Главмузеем и Наркомпросом РСФСР, вопросы снабжения ОХРИСов и музеев, изыскание местных средств на хозяйственную и производственную деятельность. Докладчиками по этим проблемам должны были стать А. И. Полканов и Я. А. Тугендхольд. В третий день предметом рассмотрения были запланированы научно-плановые вопросы, выносился на обсуждение «План музейного строительства в Крыму» (докладчики – А. Г. Корнев и Н. Л. Эрнст), также вниманию съезда предлагались доклады по охране памятников архитектуры и природы (Н. Н. Клепинин, А. А. Фомин) и проблемам крымоведения – археологии, этнографии, изучению природы (У. А. Боданинский, Н. Н. Клепинин, Ю. Ю. Марти, Л. А. Моисеев). В четвертый день предлагалось решить вопросы, связанные с просветительской работой

крымских музеев: организацией передвижных выставок (Я. А. Тугендхольд), экскурсионного дела (Н. Н. Клепинин), изданием путеводителей по Крыму (Н. Н. Клепинин), научных сборников по крымоведению (А. И. Маркевич) и бюллетеня КрымОХРИСа (А. И. Полканов). Также предлагалось обсудить инициативу создания в Крыму отделения ГАИМК (Н. Л. Эрнст), археологического института (Л. А. Моисеев), издания Археологической карты Крыма (А. И. Маркевич). Последний день съезда должен был быть посвящен научным докладам У. А. Боданинского «Памятники татарского искусства», А. И. Маркевича «Судьба памятников древности в Тавриде», Н. Л. Эрнста «Каменный век в Крыму».

Стоит отметить, что программа проведения Первого съезда КрымОХРИСа отражала стремление учреждения закрепить за собой приоритет руководства организацией музейного дела и памятникоохранительной работой в регионе. Также подчеркивался приоритет обеспечения высокого исследовательского и научного уровня этого процесса. Можно сказать, что КрымОХРИС в начале 20-х гг. XX в. заявлял о себе, как о самостоятельном научном крымоведческом центре.

Подробную картину объективного материально-технического и имущественного положения крымских музеев содержат их анкеты, представлявшиеся КрымОХРИСом в Главнауку Наркомпроса РСФСР. Так, в августе 1922 г. были представлены анкеты Таврического естественно-исторического музея и Центрального музея Тавриды (ЦМТ). Документ первого учреждения [19] подчеркивал статус музея как отдела Центрального музея Тавриды и констатировал подчинение КрымОХРИСу. Также указывался год основания (1900 г.) и отсутствие отдельного помещения. Источником бюджета музея были обозначены «случайные единовременные поступления их Главмузея и других источников». Ответственным лицом музея назывался заведующий ЦМТ. Количество экспонатов учреждения исчислялось цифрой более чем в 200.000 предметов, из которых в выставочном отделе были представлены только 12.677. Отмечалось, что остальные экспонаты музея хранятся «в специальных закрытых шкапах и представляют основные научные коллекции или научные материалы». В анкете приводилось разделение музея на 7 отделов: энтомологический, зоологический, геологический, почвенный, садоводственный и пчеловодственный, указывалась численность экспонатов каждого подразделения. Отмечалось также, что музеем производилась культурно-просветительная и научная работа, однако, ее содержание раскрыто не было. Посещаемость музея была определена цифрой свыше 2000 человек в месяц. Анкета была подписана хранителем музея А. С. Дойчем. Аналогичный документ был также представлен в Главнауку ЦМТ [20]. Его составил заведующий учреждением Н. Л. Эрнст. В анкете отмечалось временное отсутствие помещения у ЦМТ ввиду утраты прежнего помещения, в связи с чем имущество Музея было сложено в подвалах Естественно-исторического музея. Было зафиксировано существование археологического отдела с 1878 г., чем подчеркивалась преемственность археологической коллекции ЦМТ от Музея древностей Таврической ученой архивной комиссии. Общее количество экспонатов определялось в 11.900 предметов, сосредоточенных в археологическом, художественном и этнографическом отделах. В отношении наличия научно-справочного аппарата было зафиксировано наличие библиотеки, музейного фонда и архива раскопок. Посе-

щаемость музея также была определена в среднем в 2000 человек в месяц. В числе сотрудников Естественно-исторического музея в Симферополе были названы четыре человека, в ЦМТ – шесть.

Заполненная в сентябре 1923 г. сотрудниками КрымОХРИСа анкета, содержащая материалы ЦМТ, [21] представляла более развернутую информацию. Это было связано, прежде всего, с предоставлением музею нового помещения в бывшем здании Офицерского собрания 51-го Пехотного Литовского полка (ул. Долгоруковская, д. 35, ныне – помещение Симферопольского художественного музея). В связи с этим основное содержание анкеты было сосредоточено вокруг оценки состояния помещений и их пригодности. В пунктах анкеты были представлены все технические данные здания, вплоть до состояния электричества (не работало) и водопровода (работал частично), наличия противопожарных приспособлений и охранной сигнализации (отсутствовали). Очевидно, акцент на состояние помещения ЦМТ при составлении анкеты для Главнауки делался с расчетом на выделение средств для проведения реконструкции здания.

Свидетельством стремления крымских музеев к осуществлению исследовательской деятельности является поданный в Главмузей Наркомпроса РСФСР заместителем заведующего КрымОХРИСа Яном Петровичем Бирзгалом в июне 1924 г. «План археологических раскопок в Крыму на 1925 год» [22]. В документе представлены программы археологических раскопок, намечавшиеся к осуществлению Керченским историко-археологическим музеем им. А. С. Пушкина (заведующий – Юлий Юльевич Марти) и Центральным музеем Тавриды (инициатор – заведующий археологическим отделом ЦМТ Николай Львович Эрнст). Планы Керченских исследователей сводились к исследованию городища древнего Пантикапея, в той его части, которая была занята современными частными постройками. Ввиду голода 1922 г. многие из них были разорены и разрушены, вследствие чего не возникало препятствий для раскопок. Объектами исследований должны были стать участки ул. Эспланадной, Госпитальной, Институтской, Воронцовской, склон горы Митридат, территория Предтеченской площади в районе Греческой церкви. Такие масштабные исследования требовали 5 месяцев работы при минимальном количестве рабочих в пять человек. Расчет оплаты их труда определял сумму затрат на проведение экспедиции в 1500 рублей [23].

Планы ЦМТ относительно археологических раскопок сводились к исследованию древностей в окрестностях Симферополя. В плане раскопок указывалось, что после успешных исследований памятников палеолита в 1923 г., проведенных Н. Л. Эрнстом совместно с научным сотрудником Русского музея (г. Ленинград) Глебом Анатольевичем Бонч-Осмоловским, необходимо продолжение исследований пещер, в которых могут быть обнаружены древнейшие следы пребывания человека в Крыму. Как объект раскопок называлась пещера Аджи-Коба у подножья Караби-Яйлы. Для обследования памятника предполагалось привлечение 4 рабочих, время раскопок ограничивалось 10 днями. Также ЦМТ предполагал произвести раскопки курганных погребений, расположенных к северо-востоку от Симферополя. Данные памятники исследовались в XIX в. профессором Н. И. Веселовским, однако, им не были произведены соответствующие зарисовки и фотографирование исследований, это

объясняло необходимость повторного обследования памятников. Для осуществления раскопок планировалось 5–6 дней при наличии 3–4 рабочих. В соответствии с этим, смета работ по исследованию обоих объектов в окрестностях Симферополя, представленная ЦМТ к утверждению составляла 520 рублей.

Подводя итоги нашего исследования, необходимо отметить, что анализ нового корпуса документов ГАРФ по истории музейного дела в Крыму в 20-е гг. XX в., позволяет сделать следующие выводы:

- Объединенным органом управления музейными учреждениями РСФСР, в том числе – Крымской АССР, был Главмузей Наркомпроса РСФСР, который обладал всей полнотой полномочий относительно распорядительной, плановой, учетной и отчетной деятельности крымских музеев и обеспечивал эффективный организационный процесс, а также способствовал осуществлению исследовательской инициативы;

- Положение крымских музеев, их материальные нужды в годы после окончания Гражданской войны были предметом постоянного рассмотрения Главмузея Наркомпроса РСФСР, который в своих решениях подчеркивал особый качественный статус памятников и музейных экспонатов региона, их сохранение становилось приоритетным;

- Руководители Главмузея Наркомпроса РСФСР оказывали как методическую, организационную, материальную, так и социальную поддержку музеям Крыма и их сотрудникам;

- Единым органом, уполномоченным руководить восстановлением музейной сети в Крымской АССР с 1921 г. стал КрымОХРИС. На учреждение были возложены задачи оперативного реагирования по организационным, методическим, материальным аспектам деятельности музеев. КрымОХРИС получал право представления интересов крымских музеев перед органами власти Крымской АССР, Главмузеем Наркомпроса РСФСР;

- Через структуру КрымОХРИСа происходило организационное становление музейной сети в Крымской АССР, что выразилось в проведении в октябре 1922 г. Первого Всекрымского съезда КрымОХРИСа, в ходе работы которого были определены задачи и формы направлений дальнейшей работы крымских музеев;

- Исследовательская инициатива работников крымских музеев по изучению прошлого региона выразилась в проведении самостоятельных археологических раскопок Керченским историко-краеведческим музеем им. А. С. Пушкина на городище Пантикапей и Центральным музеем Тавриды в окрестностях Симферополя. Финансирование данных исследований было осуществлено благодаря материальной поддержке Главмузея Наркомпроса РСФСР при посреднической роли КрымОХРИС;

- Руководящая, организационная, методологическая работа Главмузея Наркомпроса РСФСР, взаимодействие с КрымОХРИСом, как с полномочным представителем интересов центральных профильных органов, создала благоприятные условия для развития плодотворной научно-исследовательской и экспозиционной деятельности крымских музеев в 20-е–30-е гг. XX в.

Список литературы

1. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование / А. А. Непомнящий; Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – 360 с.
2. Дубилей Л. П. Страницы истории Крымского краеведческого музея по материалам ЦГА Крыма / Л. П. Дубилей // Архив – Музеям Крыма: Мат-лы науч.-практич. конф., посв. 75-летию Центрального государственного архива Крыма, 19 мая 1994 г. – Симферополь, 1995. – С. 31–33; Дубилей Л. П. Центральный музей Тавриды, 1921–1940 гг. / Л. П. Дубилей // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. – 1996. – № 14. – С. 95–98; Дубилей Л. П. Страницы истории Центрального музея Тавриды / Л. П. Дубилей // II Таврические научные чтения: Сб. ст. / Крымский респ. краеведческий музей. – Симферополь, 2002. – С. 4–9; Андросов С. А. Деятельность Крымохриса по созданию и развитию музейной сети в Крыму (1920 – 1926 гг.) / С. А. Андросов // II Таврические научные чтения: Сб. ст. / Крымский респ. краеведческий музей. – Симферополь, 2002. – С. 27–32; Антонюк А. А. Создание и деятельность Центрального музея Тавриды в первые годы становления (1921–1924) / А. А. Антонюк // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 16. – С. 120–127.
3. Хлівнюк О. В. Охорона культурної спадщини в Криму (1887 – 1941 рр.) / О. В. Хлівнюк. – Автореф. дисс. ... канд. іст. наук / 26. 00.05. – музеєзнавство; Пам'яткознавство; Центр пам'яткознавства НАНУ. – К., 2009. – 20 с.
4. Хлівнюк О. В. Кримський відділ у справах музеїв і охорони пам'яток мистецтва, старовини, природи й народного побуту та пам'яткоохоронна робота (1920–1927) / О. В. Хлівнюк. – Питання історії науки і техніки. – 2007. – № 3-4. – С. 47-62; Хлівнюк А. В. Неизвестные страницы памятниксохранительной работы в Крыму в 20-е – начале 30-х годов XX в. По материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга / А. В. Хлівнюк // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 9–29.
5. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 8, д. 135, л. 79.
6. Там же.
7. Там же, л. 80.
8. Там же.
9. Там же, оп. 3, д. 316, л. 6–6 об.
10. Там же, л. 5.
11. Там же, оп. 3, д. 166, л. 443.
12. Там же, л. 442.
13. Там же, л. 413.
14. Там же, оп. 3, д. 170, л. 85.
15. Там же, л. 156.
16. Там же, оп. 3, д. 316, л. 11–12.
17. Там же, л. 11 об.
18. Там же, л. 127–127 об.
19. Там же, оп. 3, д. 130, л. 256.
20. Там же, л. 257.
21. Там же, оп. 8, д. 180, л. 115–115 об.
22. Там же, оп. 2, д. 83, л. 158–160 об.
23. Там же, л. 158–158 об.
24. Там же, л. 158 об.–160.

Асанова У. К. Нові документи з історії музейної справи у Кримській АСРР в 20-ті роки ХХ ст. з фондів Державного архіву Російської Федерації / У. К. Асанова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 10–21.

До наукового обігу вводиться новий корпус архівних документів, присвячений історії музейного будівництва у Криму в першій половині 20-тих рр. ХХ ст., виявлений у фондах Державного архіву Російської Федерації (м. Москва). Аналізується участь центральних органів Народного комісаріату освіти РРФСР в цьому процесі, репрезентуються форми співпраці керівних органів та їх регіональних підрозділів у забезпеченні організаційної, методичної, матеріальної, дослідницької ініціативи в процесі роботи кримських музеїв.

Ключові слова: музеї, Кримська АСРР, Головмузей Наркомату освіти РРФСР, КримОХОПІС, Н. І. Троцька, О. І. Полканов, археологічні розкопки.

Asanova U.K. New documents on stories of museum business in Crimean ASSR in 20th years of the XX century from funds of the State archive of the Russian Federation / U. K. Asanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 10–21.

The new case of archival documents devoted stories of museum building in Crimea in first half 20th XX century is entered into a scientific turn, revealed in funds the State Archive of Russian Federation (Moscow). Participation of the central bodies of the State commissariat of education of RSFSR in this process is analyzed, forms of interaction of directing bodies and their regional divisions in maintenance of the organizational, methodical, material, research initiative in the course of work of the Crimean museums are represented.

Keywords: museums, Crimean ASSR, Glavmuzej of the State commissariat of education of RSFSR, KrymOHRIS, N.I.Trotskaya, A.I.Polkanov, archeological excavations.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 001.89 (477.75) “1917 / 1920”: 902 / 904

СЪЕЗДЫ ТАВРИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КРЫМА (1917–1920)

Аулин Б.С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
E-mail: natsarkekia@yandex.ru*

В работе прослеживается роль съездов Таврической научной ассоциации в научной и культурной жизни Крыма в годы революции и Гражданской войны в России. В статье характеризуется политическая и экономическая ситуация на полуострове накануне создания ассоциации. Кроме того, очерчиваются основные векторы деятельности организации, направленные на консолидацию научных сил, охрану историко-культурного наследия и т.д.

Ключевые слова: Таврическая научная ассоциация; Гражданская война; история науки; охрана памятников; Крым; краеведение.

ВВЕДЕНИЕ

Сюжеты, связанные с революционными событиями и Гражданской войной в Крыму, являются одними из наиболее противоречивых и неоднозначных в отечественной истории. Во многом это связано с тем, что в исторической науке по сей день не разработано единого подхода к их изучению и не сформирована единая оценка этих событий.

Немаловажным аспектом истории данного периода является история науки. При комплексном изучении вопроса данная проблема учитывается не всегда. Очень часто она «теряется» на фоне масштабности изменений и преобразований в сфере экономики и политики. Однако игнорирование научных реалий того времени не позволяют осуществить комплексный анализ ситуации на полуострове в эту эпоху. В период с 1917 по 1920 год в Крыму продолжал функционировать ряд научных организаций с многолетней историей, осуществивших в науку и культуру вклад, который сложно переоценить. После окончания же Гражданской войны большинство из этих организаций были кардинально преобразованы или прекратили своё существование. Это фактически привело к постепенной ликвидации прежней научной школы. Поэтому, масштабы изменений, затронувших местную науку, были колоссальны.

Таврическая научная ассоциация (ТНА), или Комитет объединённых научных учреждений и обществ Таврической губернии, была создана летом 1917 года, во время, когда уже отчётливо наметились признаки политического и экономического кризиса. По своей сути она представляла объединение научных и научно-практических организаций и учёных Тавриды. Ассоциация должна была предоставить больше возможностей для консолидации научных сил в условиях крайне неблагоприятных для науки. Кроме того, ТНА возлагала на себя функцию посредника между научным миром Крыма и учреждениями власти. Помимо прочего, Комитету вменялась в обязанности работа по организации действенной защиты памятников науки и культуры. В

качестве основного способа реализации этих задач рассматривались т.н. «всеобщие съезды Комитета», регулярно созывавшиеся в городах Крыма.

В условиях разразившегося экономического и политического кризиса, а позже и вспыхнувшей Гражданской войны, эти проблемы были насущными, поскольку их разрешение носило жизненную необходимость для научных обществ, культурного наследия, да и самих учёных полуострова. В этой связи, игнорирование этого сюжета в краеведении приводит к неполному отражению исторической действительности.

На данном этапе вопрос о причинах создания ТНА, характере её деятельности и объективном вкладе в развитие науки в Крыму остаётся одним из малоизученных. Несмотря на активное развитие крымоведения в течение двух последних десятилетий, комплексное исследование, которое было бы посвящено данной проблеме, отсутствует. В ряде работ можно встретить лишь отдельные упоминания. Так, в совместной работе А. А. Непомнящего и А. В. Синичкина «Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма» [1] содержатся отдельные данные о роли общества в жизни Ассоциации. В коллективном исследовании «Открыватели земли крымской» [2] приведена информация о научной деятельности учёных, занимавшихся в области естественнонаучных исследований и входивших в Ассоциацию. Интерес представляет книга «Евгений Владимирович Вульф – крупнейший крымский флорист XX века» [3], в которой, среди прочего, рассматривается вопрос научной деятельности учёного в годы его членства в ТНА. Классическое исследование по истории Гражданской войны А. Г. и В. Г. Зарубиных «Без победителей» интересно в том отношении, что в нём прослеживаются способы взаимодействия научных организаций с государственными учреждениями Крыма, что в контексте данного исследования имеет немалую ценность [4].

Источниковая база исследования также имеет специфику: основная масса необходимой информации содержится в корпусе архивных источников. Однако среди опубликованных следует выделить такие: протоколы заседаний Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК), опубликованные в выпусках «ИТУАК» (ТУАК являлась членом Ассоциации) [5]; дневники и работы В. И. Вернадского [6]; первый выпуск «Известий Таврического университета» (по причине активного участия ТНА в организации вуза) [7]; работа директора Севастопольской биологической станции П. С. Гальцова «Русская наука и учёные в Крыму (1917–1920)» [8]. Особо в этом отношении следует выделить корпус русскоязычной периодической печати («Крымский вестник», «Таврический голос», «Прибой» и др.).

Общий корпус архивных источников следует разделить на три больших группы: фонды научных организаций, входивших в состав Комитета; фонды административных учреждений правительств (краевых) Крыма и Советской республики; личные фонды членов организации.

Цель работы – комплексно осветить деятельность ТНА и определить её вклад в консолидацию, развитие и поддержание науки и культуры на полуострове.

Задачи: рассмотреть причины создания ТНА; проследить специфику проведения общих съездов Комитета; очертить круг вопросов, рассматривавшихся на съездах, путём их детального анализа.

1. СОЗДАНИЕ ТАВРИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ АССОЦИАЦИИ

Причины создания Комитета объединённых научных учреждений и обществ Таврической губернии следует искать в первую очередь в условиях развития науки в Крыму периода революционной смуты. Период с 1917 по 1920 год характеризовался всё более усугубляющимся кризисом политической и экономической системы государства, кризисом идеологии, радикальной ревизией устоявшихся ценностей.

Период между двумя революциями 1917 года характеризуется стремительным нарастанием экономического и политического кризиса. Экономика наполняется обесценившейся эмиссионной валютой «керенками», по всей стране в десятки раз возрастают цены на продукты первой необходимости. В это же время в Крыму начинают активную деятельность первые большевистские Советы. К октябрю 1917 года они представляли значительную политическую силу на полуострове. К январю 1918 года здесь уже в полной мере ошутима и политическая нестабильность [4, с. 97–98].

В январе в Симферополе вооружённым путём была установлена советская власть. Была создана Советская Социалистическая Республика Тавриды во главе с Антоном Слуцким. Новое руководство не пользовалось в Крыму широкой поддержкой, поэтому делало ставку на революционно-силовые методы воздействия. В Крыму начались политические репрессии. Кроме того, увеличилось количество грабежей и разбоев. Однако уже 18 апреля украинские войска, поддерживаемые Германией, во главе с Петром Болбочаном атаковали Республику и на время установили здесь своё влияние, а 1 мая Крым был оккупирован германскими войсками непосредственно. Через два месяца по инициативе оккупационных властей было создано Крымское краевое правительство во главе с генерал-лейтенантом М. А. Сулькевичем. В ноябре в Германии происходит революция, в ходе которой была свергнута власть кайзера, на штыках которой держалось краевое правительство М. А. Сулькевича. Лишившись внешней поддержки, оно было смещено, и 15 ноября 1918 года приступило к деятельности второе Крымское краевое правительство во главе с С. С. Крымом. Тем не менее, уже в апреле 1919 года почти вся территория Крыма была занята советскими войсками, вследствие чего на полуострове была провозглашена власть Крымской Социалистической Советской Республики в составе РСФСР [4, с. 101–102].

Республика просуществовала до 1 июля, когда полуостров был полностью занят Добровольческой армией А. И. Деникина. 4 апреля 1920 года его приказом Главнокомандующим Вооружёнными силами на Юге России был назначен генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. После заключения Советской Россией перемирия с Польшей в октябре 1920 года, Красная Армия начала массированное наступление на полуостров, а в ноябре советская власть устанавливается в Крыму окончательно.

Такая военно-политическая ситуация ставило местную культуру в отчаянное положение. Кроме того, с оккупацией Юга России германскими войсками Юг оказался отрезанным от центра. Это не могло не отразиться на научной жизни Крыма. Учёные оказались отделёнными от крупных научных центров, а краевые организации, являющиеся отделениями каких-либо центральных, были предоставлены сами себе [8, с. 122–123].

Таким образом, создание Таврической научной ассоциации (ТНА) было необходимо для научных обществ полуострова, вопрос о её создании был для них первоочередным.

Кроме того, сложившаяся в стране политическая ситуация вынуждала многих учёных переезжать из крупных центров (Москва, Петроград, Киев, Одесса) в Крым и продолжать свою работу здесь, ведь, как уже упоминалось, власть большевиков окончательно была установлена на полуострове лишь в ноябре 1920 года. Таким образом, в рассматриваемый период в Крыму находились многие выдающиеся деятели науки и среди них: Д. В. Айналов, В. И. и Г. В. Вернадские, Б. Д. Греков, Н. П. Кондаков, И. А. Линниченко и др. Подобная концентрация научных сил ускорила создание Ассоциации.

Идеи относительно создания некоего объединения научных организаций и обществ Таврической губернии появились в апреле 1917 года. 8 марта на очередном заседании Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК) было доложено отношение Московского археологического общества с воззванием к объединению всех научных и научно-практических союзов и обществ, небезразличных к сложившейся ситуации [9]. На заседании ТУАК 12 июля С. С. Крымом было подготовлено сообщение о «целесообразности и важности» объединения и совместной деятельности местных культурных организаций в сотрудничестве с учреждениями краевого, земского и городского самоуправления. Тогда же было решено выслать научным обществам полуострова приглашения вступить в создаваемую организацию.

Учредительный съезд Комитета состоялся 25 июля 1917 года, возглавил организацию энтомолог С. А. Мокржецкий. На момент создания ТНА её вошло десять научных организаций: Таврическая учёная архивная комиссия, Севастопольская биологическая станция, музеи и раскопки в Керчи и Херсонесе, зоопарк Ф. Э. Фальц-Фейна, Симеизское отделение Пулковской астрономической обсерватории, Карадагская научная станция, Национальный заповедник, Салгирская помологическая станция, Естественноисторический музей в Симферополе и Морская обсерватория [10, с. 7].

2. СЪЕЗДЫ АССОЦИАЦИИ

С первых дней существования Комитет объединённых научных учреждений и обществ Таврической губернии начал вести активную деятельность, которая реализовывалась в первую очередь через общие собрания, или съезды, Таврической научной ассоциации.

Всего за период существования организации (лето 1917 – осень 1920) было созвано семь съездов [11]. Благодаря им, учёные могли осуществлять обмен научным опытом, говорить о проблемах научных организаций и намечать пути их разрешения.

Съезды носили, как правило, универсальный характер – помимо сугубо научных вопросов, на них обсуждались общие проблемы науки на полуострове, поднимались вопросы о тех или иных трудностях исследовательских обществ.

Первый съезд Комитета объединённых научных учреждений и обществ Таврической губернии состоялся 26 июля 1917 года, то есть на следующий день после создания Комитета. На нём было заслушано три доклада.

Профессор Н. И. Кузнецов, выступивший с первым докладом, говорил о необходимости реформирования Никитского ботанического сада, затем выступил А. И. Маркевич, с докладом «О бедственном положении Тавр[ической] уч[ёной] архивной комиссии в материальном положении». Третьим был доклад В. А. Лонцкого – представителя Ялтинского городского самоуправления – о необходимости создания высшего учебного заведения в Ялте. Также на первом съезде было решено принять Соломон Самойловича Крыма почётным членом ассоциации, как одного из инициаторов её создания [10, с. 10].

Второе общее собрание делегатов Таврической научной ассоциации проходило в Ялте 17–18 сентября 1917 года и было организовано главным образом членами комитета, жившими в Ялте – проф. Н. И. Кузнецовым, Е. В. Вульфom и Н. А. Зевакиным. В съезде принимали участие следующие организации: Симеизское отделение Пулковской обсерватории, Салгирская помологическая станция, Ялтинская городская дума, Ялтинское общество сельского хозяйства и садоводства, Ялтинский комитет виноградарства и виноделия, Ялтинское медицинское общество, Никитский ботанический сад, Феодосийское и Ялтинское отделения Крымско-Кавказского горного клуба, Партия крымских водных изысканий, Ялтинское уездное земство, Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, Гидрологический отдел губернского земства и Севастопольская биологическая станция. Председателем был избран С. С. Крым, а главным секретарём – Е. В. Вульф [10, с. 12].

Главной темой стал вопрос создания в Ялте университета. С докладами выступили проф. Г. Деккер («Об условиях научной работы в Крыму») и А. Г. Лонцкая («Об открытии университета в г. Ялте»). После прений было решено войти с ходатайством в Таврическое губернское земство об открытии в Ялте университета и воспользоваться для этого помещениями, имеющимися в Ливадии; просить об эвакуации в Ялту физико-математического факультета Петроградского университета. Кроме того, были заслушаны доклады С. А. Мокржецкого «Салгирская опытная станция, её задачи и производственные работы» и Н. А. Григоровича «Нужды Салгирской плодородственной станции» [8, с. 123–124].

Лейтмотивом данного собрания было обсуждение «опасности, грозящей науке со стороны некультурной части населения». Было указано на попытки реквизиции и неоправданную порчу имущества Феодосийского лесничества. В ответ на это Комитетом было решено просить Таврическое губернское земство, уездные и волостные земства, городское самоуправление, советы крестьянских, солдатских и рабочих депутатов и мусульманский комитет об охране научных учреждений.

В заключении были заслушаны доклады А. С. Моисеева «О новых находках доисторического человека в Крыму», Н. Ф. Голубова «О полезном влиянии на здоровье и нервную систему занятий астрономией», Я. И. Френкеля «Строение атома» и А. И. Понамарчука «*Nicotina tabacum* и законы наследственности», после чего второй съезд Таврической научной ассоциации был официально закрыт [10, с. 12].

Третий съезд Комитета проводился в Симферополе с 3 по 6 января 1918 года.

Учитывая количество людей, прибывших на съезд, число докладов было большим, чем на предыдущих собраниях. Набор докладов был следующим. 3 января: А. И. Маркевич «О мерах к сохранению архивных материалов Таврической губер-

нии»; П. С. Гальцов «О согласовании деятельности биологических станций на Чёрном море»; Е. Ф. Скворцов «Севастопольская морская обсерватория»; В. К. Смирнов «Гидромодульная часть отдела земельных улучшений и её работы в Крыму». 4 января: С. А. Мокржецкий «Вопрос о заповедных местах в Крыму и сохранении памятников природы и старины в связи с аграрной реформой»; В. Э. Мартино «Крымский заповедник, его задачи и условия работы»; А. А. Яната «Об организации при Крымском заповеднике Ботанического сада»; Ф. В. Конради «Гидрологический отдел Губернского земства, его задачи и деятельность». 5 января: В. Д. Гейман «О необходимости собирания и хранения всех печатных изданий и материалов по крымоведению и созданию книгохранилища «Таврида»»; Е. В. Вульф «Ботанический кабинет Никитского ботанического сада, задачи его и деятельность»; Н. Г. Неймин «Симеизское отделение Пулковской обсерватории»; Л. А. Моисеева «О древнем городе Каркините» [10, с. 15–19].

В заключении третьего съезда было вынесено несколько резолюций, обрисовавших бедственное положение некоторых научных учреждений – Севастопольской биологической станции Академии наук, Симеизского отделения Пулковской обсерватории, Естественноисторического музея Губернского земства, археологических раскопок вблизи Евпатории и др.). Шестого января 1918 года третье общее собрание членов Комитета было закрыто [12].

Таким образом, за первый год своего существования Комитетом было проведено три общих съездов.

Почти весь 1918 год съезды Ассоциацией не проводились. Это, по всей видимости, было вызвано кратковременным периодом установления власти большевиков в Крыму, а затем немецкой оккупацией. Этот сюжет крымской истории характеризуется, помимо прочего, активным вывозом с полуострова материальных и культурных ценностей [4, с. 364–426].

Четвёртый съезд Таврической научной ассоциации состоялся в ноябре 1918 года. Информации об этом съезде в нашем распоряжении недостаточно. Есть данные о докладе П. А. Двойченко «О связи гидрологического отдела Губернского земства с геологическим кабинетом Таврического университета». В нём учёный говорил о научной необходимости учреждения геологического бюро при геологическом кабинете Таврического университета. После обсуждения по предложению проф. Н. И. Андрусова была принята резолюция, в которой признавалось, что «геологическая служба в Крыму до настоящего времени была представлена на месте наиболее слабо по сравнению с другими отраслями естествознания, а в данный момент, после прекращения в Крыму деятельности Геологического комитета, выясняется насущная необходимость в учреждении геологического бюро при геологическом кабинете Таврического университета». Создаваемое бюро должно было взять в свои руки широкий спектр мероприятий, связанных с проведением геологических изысканий на полуострове [13].

Также на съезде была рассмотрена проблема медицинской и санаторной деятельности в Крыму. Было решено созвать отдельный съезд, посвящённый этим вопросам, который должен был «положить начало широкому и планомерному развитию <...> края в курортном отношении» [14].

Пятый съезд ТНА проходил в Севастополе 14–18 января 1919 года. Местным уполномоченными по созыву съезда были избраны: заведующий Севастопольской биологической станцией Павел Семёнович Гальцов, директор Херсонесского археологического музея Лаврентий Алексеевич Моисеев, секретарь совета Института физических методов лечения доктор А. З. Лемперт, заведующий морской обсерваторией Евгений Фёдорович Скворцов.

Утром 14 января рассматривались цели и задачи Таврической ассоциации, а также программа деятельности Биологической станции Российской академии наук, Морской севастопольской обсерватории, Херсонесского музея и Института физических методов лечения. Вечером того же дня слушались следующие доклады: академик проф. Н. И. Андрусов «Геологические основы происхождения органического мира Крыма», проф. Н. И. Кузнецов «Задачи предстоящего ботанического изучения Крыма», заведующий Севастопольской биологической станцией П. С. Гальцов «Проблемы дальнейшего исследования Чёрного моря» [15].

15 января с утра была озвучена серия докладов делегатов казённых и общественных учреждений на тему реорганизации метеорологической службы в Таврической губернии. Участие в съезде принимали учреждения, имеющие свои метеорологические сети и отдельные станции в пределах Таврической губернии (Феодосийская центральная гидрометеорологическая станция, Севастопольская морская обсерватория, Таврическое земство, Лесное ведомство и Партия крымских водных изысканий). Вечером прозвучали доклады академика проф. Н. И. Андрусова «Геологическое бюро при Таврическом университете и задачи ближайшей деятельности его», инженера-гидролога Губернского земства П. А. Двойченко «Артезианские обсерватории и наблюдательные пункты по изучению режима артезианских вод в связи с развитием артезианского бурения в Таврической губернии» и доклад «Современное состояние вопроса об иммунизации растений по опытам Салгирской помологической станции» заведующего этим учреждением – С. А. Мокржецкого.

Утром 16 января слушались доклады о научных работах и программе деятельности иногородних учреждений и обществ (Карадагской научной станции, Симеизской обсерватории, Ялтинского и Феодосийского отделения горного клуба и др.). Вечером состоялось закрытое заседание Комитета. 17 и 18 января были проведены морские и сухопутные экскурсии [16].

Шестое общее собрание ТНА проходило с 28 по 30 октября 1919 года в Симферополе. 28 октября были прочитаны доклады организационного характера, сделаны отчёты о деятельности научных организаций и сообщения «научного характера, имеющие широкий общественный интерес» [17]. Был сделан доклад об археологических находках в Ласпинской бухте и около Фороса [18]. Также была представлена работа профессора Гуревича, которая являлась результатом экспериментального изучения вопроса о делении клеток. На этом же съезде представителями Крымско-Кавказского горного клуба был сделан отчёт о деятельности Естественноисторического музея. В течение следующего дня были рассмотрены заявления и ходатайства делегатов, после чего состоялось делегатское совещание по разработке резолюций, а 30 ноября состоялась общая экскурсия в деревню Кият [19].

Последний, седьмой по счёту, съезд Комитета объединённых научных учреждений и обществ Таврической губернии проходил в 1920 году. Открытие съезда было запланировано на 22 октября на 12 часов, оно должно было состояться в зале губернской земской управы. Лекции должны были пройти 22, 25 и 28 октября. Занятия распределялись на семь секций – математическую, земельно-геодезическую, естественноисторическую, метеорологическую, агрономическую, медицинскую и секцию гуманитарных и социальных наук. Также предусматривались общие собрания, на которых с речами должны были выступить профессор А. А. Байков, Ф. Г. Яновский, Н. М. Крылов, И. П. Четвериков и другие [20].

На этом съезде планировалось разработать «воззвание к учёным всего мира» [21] от имени русских учёных в Крыму. Рассчитывалось обратить внимание на положение русской культуры и указать на необходимость в оказании посильной помощи.

В первый же день заседание ознаменовалось печальным событием. Прямо в зале здания губернского земства от кровоизлияния в мозг скончался Людвиг Оттонович Струве – выдающийся астроном, заведующий кафедрой астрономии в Таврическом университете. Тем не менее, все запланированные мероприятия были проведены. В газете «Таврический голос» было опубликовано детальное описание собрания:

«Работ съезда открылась в 6 час[ов] вечера проникновенной речью академика В. И. Вернадского, заявившего, что, несмотря на то, что фронт приблизился к нам [Крым был взят большевиками через месяц], и, может быть даже поэтому, работа научной мысли не должна прерваться ни на минуту. Россия будет, во что бы то ни стало, и ей мы должны подготовить кадры сильным научным знанием работников» [22]. Затем С. А. Усовым было произнесено приветствие съезда от имени городского самоуправления, С. А. Мокржецким был сделан краткий очерк работ Таврической научной ассоциации и Н. И. Кузнецов выступил с речью, посвящённой памяти умершего Л. О. Струве. Затем были заслушаны доклады проф. П. П. Сушкина «Русские зоологи и их участие в мировой науке» и проф. Ф. Я. Яновского «Общественная борьба с туберкулёзом». Председателем съезда был избран В. И. Вернадский.

Работы съезда протекали при атмосфере необычайного оживления и повышенного внимания к нему со стороны общества. Общие и секционные заседания привлекли массу слушателей.

«27 октября в вечернем заседании были прочитаны доклады проф. Н. К. Гудзия «История культуры и история литературы» и проф. А. П. Кудрявцева «Судьба русской философии XIX века»».

Утром 25 октября заседание решено было посвятить докладам В. И. Вернадского и профессора А. В. Репрева. Наибольшее впечатление на слушателей произвёл доклад А. В. Репрева «Неполное голодание», нарисовавший «...мрачную картину питания современных горожан, как в Крыму, так и в Совдепии, питания, имеющего все признаки неполного голодания, влекущего за собой вырождение и гибель» [23].

Вечером были заслушаны доклады проф. Смирнова «Памяти двух великих русских математиков» и Б. П. Вологодина «Роль государства, земли и общества в деле народного образования» [24].

Седьмой съезд Комитета объединённых научных учреждений и обществ Таврической губернии, или Таврической научной ассоциации, по праву можно назвать

апогеем её деятельности. Не будет преувеличением то, что никогда прежде и никогда впредь научная жизнь не была объектом столь пристального внимания общественности. Вскоре после занятия Крыма большевиками (ноябрь 1920) активность ТНА сходит на нет, после чего она прекращает свою деятельность, а ряд организаций, до этого входивших в её состав, в ноябре переподчиняются Таврическому университету [25].

ВЫВОДЫ

Таким образом, съезды Таврической научной ассоциации были призваны рассматривать широкий круг вопросов. В их компетенцию входило предоставление учёным возможности производить обмен научным опытом. Это было весьма актуально, так как в условиях высоких цен на бумагу, публикация была доступна далеко не всем, право же устного доклада перед широкой аудиторией в известной степени помогало разрешить проблему. На общих собраниях рассматривались просьбы и ходатайства научных организаций и самих учёных, связанные с разрешением имущественных, организационных и административных вопросов. По результатам этих заявлений составлялись запросы в государственные учреждения, призванные обратить внимание властей на те или иные проблемы. Кроме того, на этих научных форумах поднимались вопросы, связанные с организацией историко-культурного наследия Тавриды.

Актуальность и важность этих мероприятий становится более очевидной, если брать во внимание условия Гражданской войны. В данных обстоятельствах игнорирование проблем научного мира могло стоить жизни многим научным организациям, а также могло привести к необратимым потерям памятников культуры и старины. Так или иначе, вклад ТНА в сохранение науки на полуострове в эту непростую эпоху колоссален.

Для более адекватной оценки места Ассоциации в истории крымской науки необходима дальнейшая планомерная работа по выявлению письменных свидетельств, анализ эпистолярного наследия, более детальное рассмотрение периодики указанного периода. Всё это должно послужить основой комплексной работы, посвящённой данной проблеме.

Список литературы

1. Непомнящий А. А. Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма / А. А. Непомнящий, А. В. Синичкин // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 87. – С. 35–46.
2. Ена В. Г. Открыватели земли Крымской / В. Г. Ена, Ал. В. Ена, Ан. В. Ена. – Симферополь, 2007. – 520 с.
3. Евгений Владимирович Вульф – крупнейший крымский флорист XX века / Ред. кол. : Л. Н. Слизик-Маслова, Ан. В. Ена, В. Г. Рудницкая. – Киев : Стило, 2002. – 218 с.
4. Зарубин А. Г. Без победителей : из истории Гражданской войны в Крыму / А. Г. Зарубин, В. Г. Зарубин. – 2 изд. : испр. и доп. – Симферополь, 2008. – 728 с.
5. Известия Таврической учёной архивной комиссии. – Симферополь, 1919. – № 56. – 358 с.; Известия Таврической учёной архивной комиссии. – Симферополь, 1920. – № 57. – 428 с.
6. В. И. Вернадский и Крым... / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др. – К. , 2004. – 312 с.
7. Открытие Таврического университета // Известия Таврического университета. – Симферополь, 1919. – Кн. 1.

8. Гальцов П. [С.] Русская наука и учёные в Крыму (1917–1920) / П. Гальцов // Непомнящий А. А. Арсений Маркевич... / А. А. Непомнящий. – Симферополь, 2005. – С. 120–130.
9. Протокол заседания Таврической архивной комиссии 13 апреля 1917 г. // ИТУАК. – Симферополь. – 1919. – № 56. – С. 309.
10. Отчёт о деятельности Таврической научной ассоциации (Комитета объединённых научных учреждений и обществ Таврич. губ.) за 1917–1918 гг. : год I. – Симферополь, 1919. – 26 с.
11. [Вернадский В. И.] О научной работе в Крыму в 1917–1920 годах // В. И. Вернадский и Крым... / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др. – К., 2004. – С. 246.
12. ГААРК, ф. Р-3415, оп. 1, д. 3, л. 8–8 об.
13. Там же, ф. 661, оп. 1, д. 18, л. 1–1 об.
14. Там же, л. 2.
15. Там же, л. 6–6 об.
16. Там же, л. 5–7.
17. Там же, ф. 673, оп. 1, д. 2, л. 7.
18. Там же, ф. 661, оп. 1, д. 18, л. 4.
19. Там же, ф. 673, оп. 1, д. 2, л. 5 об.
20. Съезд научной ассоциации // Таврический голос. – Симферополь, 1920. – 21 окт. (3 нояб.).
21. Обращение к учёным всего мира // Крымский вестник. – Севастополь, 1920. – 21 окт. (3 нояб.).
22. VII съезд Таврической научной ассоциации // Таврический голос. – Симферополь, 1920. – 24 окт. (6 нояб.).
23. Съезд научной ассоциации // Таврический голос. – Симферополь, 1920. – 27 окт. (9 нояб.).
24. Съезд научной ассоциации // Таврический голос. – Симферополь, 1920. – 21 окт. (3 нояб.).
25. ГААРК, ф. Р-1188, оп. 3, д. 163, л. 6.

Аулін Б. С. З'їзди Таврійської наукової асоціації: місце в науковому житті Криму / Б. С. Аулін // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 22–31.

У роботі простежується роль з'їздів Таврійської наукової асоціації в науковому та культурному житті Криму в роки революції та громадянської війни в Росії. У статті характеризується політична та економічна ситуація на півострові напередодні створення асоціації. Крім того, окреслюються основні вектори діяльності організації, спрямовані на консолідацію наукових сил, охорону історико-культурної спадщини і т.д.

Ключові слова: Таврійська наукова асоціація; Громадянська війна; історія науки; охорона пам'яток; Крим; краєзнавство.

Aulin B. S. Taurical scientific association's congresses: the place in the academic Crimean life / B. S. Aulin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : "History of Ukraine". – P. 22–31.

The paper traces the role of the congresses Taurical scientific association in the scientific and cultural Crimean life during the Revolution and Civil War in Russia. The article characterizes political and economic situation in the peninsula before the establishment of the association. In addition, paper outlines the major vectors of the organization, aimed at consolidation scientific forces, protection of historical and cultural heritage, etc.

Keywords: Taurical Scientific Association, Civil War, History of Science, protection of monuments; Crimea; local history.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 94(477.75)«19»

**ФЕОДОСИЙСКИЙ ГРАДОНАЧАЛЬНИК
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КАЗНАЧЕЕВ:
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Бобков В. В.

*Таврический гуманитарно-экологический институт, Симферополь
E-mail: v-bobkov@mail.ru*

В данной публикации на основе репрезентативного корпуса источников воссоздан фрагмент исторического портрета выдающегося крымского администратора, чиновника А. И. Казначеева, относящийся к его деятельности на посту феодосийского градоначальника. Определен его вклад в благоустройство города, развитие городского хозяйства, системы образования.

Ключевые слова: А. И. Казначеев, М. С. Воронцов, градоначальник, Феодосийское градоначальство, таврический губернатор.

На современном этапе в крымской исторической науке продолжает ощущаться устойчивый интерес к биографическим изысканиям. Этот процесс следует считать вполне логичным. До сих пор исследователи пытаются компенсировать недостаточное внимание к роли отдельных личностей в истории, наблюдавшееся в советской историографии. Лишь за последние годы свет увидели многочисленные публикации, раскрывающие новые грани деятельности крымских ученых, общественных, государственных деятелей, людей искусства. При этом приходится констатировать, что обилие научных и любительских разработок практически не приводит к расширению списка изучаемых персоналий, а, главное, кардинально не расширяет источниковую базу крымских региональных биографических исследований. Налицо определенный перекос интереса в сторону изучения жизненного и творческого пути представителей крымской интеллигенции. Тогда как чиновный мир практически выпадает из поля зрения специалистов. Подобные недостатки видятся вполне существенными, так как они приводят к «обмельчанию» исследований, увеличению доли компилятивных изысканий, а также к искажению социальной исторической среды, которая оказывается наполненной исключительно учеными, деятелями искусства, культуры. При этом чиновная история Крыма не менее богата на образы успешных администраторов прошлого. Особое место в числе выдающихся управленцев прошлого, несомненно, занимает личность таврического губернатора, феодосийского градоначальника, а впоследствии одесского градоначальника и сенатора Александра Ивановича Казначеева (07.11.1788 – 20.06. 1880).

Исходя из этого, **цель** данной исторической разработки состоит в рассмотрении основных вех административной деятельности А. И. Казначеева на посту феодосийского градоначальника.

Личность А. И. Казначеева давно заинтересовала исследователей, что и не удивительно: находясь на главных административных постах в Таврической губернии в течении 9 лет (1828–1837), он внес неоценимый вклад в развитие транспортной инфраструктуры полуострова, становление крымской экономики, образования, культуры. Его деятельность в целом способствовала поднятию авторитета губернской администрации. Исторический портрет таврического губернатора писали, как досоветские историки, так и современные исследователи. Однако первыми о необходимости перехода от биографических очерков к более детальному изучению административной деятельности А. И. Казначеева в своей публикации заявили крымские ученые А. А. Непомнящий и В. Ф. Шарапа [1]. На необходимость широкого использования эпистолярного наследия администратора указывал московский историк А. К. Афанасьев [2]. При этом все публикации, посвященные личности А. И. Казначеева, носили обзорный характер. В них не конкретизировались его достижения на ниве благоустройства Новороссийского края, детально не рассматривался личный вклад в развитие инфраструктуры крупнейших городов региона, недостаточно анализировались рабочие и дружественные связи. Тогда как именно совокупность этих знаний позволит нам лучше узнать личность администратора, результаты деяний которого до сих пор являются украшением не только Крымского полуострова, но и всего Юга Украины.

Александр Иванович Казначеев родился 7 ноября 1788 года в Рязанской губернии в небогатой дворянской семье. Впоследствии он отмечал, что «происходит от древних дворян предков своих, кои будучи в государственных чинах, от Царей и Великих князей Михаила Федоровича, Иоанна и Петра Алексеевичей, жалованы за службу различными вотчинами и землями; в том числе землю в Рязанской губернии при деревне Козловке» [3, л. 81]. Он получил хорошее домашнее образование, а затем продолжил обучение в Рязанской гимназии.

Служебную деятельность Александр Иванович начал в феврале 1807 г., когда был определен на службу в канцелярию попечителя Санкт-Петербургского учебного округа [3, л. 3]. В 1809 г. А. И. Казначев был переведен в Комиссию по составлению законов [3, л. 4]. В период работы в ней молодой чиновник познакомился со своим ровесником выпускником Казанского университета, в будущем известным русским писателем Сергеем Тимофеевичем Аксаковым (1791–1859), с которым Александра Ивановича с тех пор связывали крепкие дружеские отношения [4, с. 162–163].

В 1812 г. А. И. Казначеева ожидал новый служебный перевод в Департамент государственных имуществ. Однако полностью освоиться на этом месте ему не удалось – разразилась Отечественная война 1812 года. Сформировавшийся в славянофильской среде, движимый патриотическими настроениями уже 1 июля 1812 г. А. И. Казначеев вступил в Санкт-Петербургское ополчение [3, л. 4]. На его долю выпало участие в крупнейших сражениях 1812 – 1814 гг., служба в экспедиционном корпусе в 1813 – 1819 гг. В частности, по этому поводу в формулярном списке чиновника было записано: «В походах против неприятеля и в самых сражениях был: 1812, начиная с августа при отступлении наших войск и потом при преследовании нами французских войск в Герцогстве Варшавском, Германии и Франции. Был в

действующих сражениях: 1812, августа 26 под Бородиным, октября 6-го под Тарутиным. 1813, августа 14 при осаде города Дрездена, октября 1-го при Борне. В авангардном деле 4, 5, 6 и 7 числа под Лейпцигом. 1814, января 2-го под городом Брин Лешато. В 1814 г. из под Ар Сюр он был послан с отрядом казаков для открытия сообщения с прусским фельдмаршалом Блюхером, чего и достиг; находился во втором походе во Франции до города Парижа; был на Высочайшем смотре под г. Верто 30 и 31 августа. 1815, с 1815 по 6 ноября 1818 года состоял во Франции в отдельном корпусе под командою генерал-адъютанта графа Воронцова<...>» [3, л. 2–4].

В июле 1823 г. А. И. Казначеев вернулся в гражданское ведомство и был определен на должность правителя канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора М. С. Воронцова [3, л. 9]. В этом назначении не последнюю роль сыграла совместная служба Александра Ивановича с новым Новороссийским генерал-губернатором в период наполеоновских войн. С 1823 г. на долгие десятилетия князь М. С. Воронцов стал для А. И. Казначеева начальником, наставником и товарищем. В их взаимоотношениях были различные периоды; не обходилось и без конфликтов. Однако главным чувством, вокруг которого строилась совместная работа, оставалось уважение.

В январе 1828 г. произошел знаковый служебный перевод – А. И. Казначеев был назначен на должность Феодосийского градоначальника. Переезду Казначеева в Крым предшествовал незначительный конфликт с Новороссийским генерал-губернатором, а потому назначение 1828 г. следует рассматривать как определенное понижение в статусе (отдаление от центра), хотя оно и сулило большую самостоятельность в принятии решений.

Деятельность А. И. Казначеева на посту феодосийского градоначальника можно условно разделить на два этапа (первый – 1828–1829 гг.; второй – 1829–1837 гг.). Фактически в этой должности он находился лишь год. Уже весной 1829 г., сначала в частном послании в марте, а затем в официальном письме от 17 мая генерал-губернатор М. С. Воронцов уведомил А. И. Казначеева о назначении его на пост таврического гражданского губернатора с сохранением обязанностей по Феодосии [5, с. 245–246]. Эта перспектива шла в разрез с планами феодосийского градоначальника, а потому в своем ответе А. И. Казначеев не сдерживал эмоций: «Самое представление о перемещении меня без сношения со мной, не могу я иначе принять как знаком вашей ко мне доверенности, которую в продолжение 8-ми летней службы моей под лестным начальством вашим я постоянно старался заслуживать<...> Не я, но стечение обстоятельств было причиною, конечно кратко-временною, изменения вашего ко мне благорасположения – чувствования мои к вам остались неизменны» [6, л. 1]. Свое нежелание следовать указаниям начальника он мотивировал следующим образом: «я никогда не считал и не считаю Градоначальнического места ниже Губернаторского, которое, исключая времен Екатерины Великой, по несчастью в России досель еще без должного веса, без способов и едва только не бесполезно, тогда как Градоначальническое по крайней мере дает средства и жить безбедно, и служить, и приобретать надежных подчиненных и быть полезным. Лучше принести каплю меду в соты общего добра, нежели почти ничего» [6, л. 2].

Конечно, А. И. Казначеев не мог прямо говорить обо всех причинах своего нежелания соглашаться на предложения М. С. Воронцова. Так, в другом послании своему старому военному товарищу, министру внутренних дел А. А. Закревскому (1786–1865) он отмечал: «Как граф, умный человек, мог представить меня без моего согласия, после всего между нами случившегося? Поистине надобно быть слишком или бессовестному или слишком надеянну на мою глупую доброту <...> Приму ли я Таврическое губернаторство, в нем же не [сче]сть числа гадов и беспорядков? Весьма понятно, что меня суют сюда для исправления и молчания о том, что может быть ускорило сумасшествие Нарышкина» [7]. Действительно, столь спешная замена губернатора была вызвана целым рядом причин. Главная из которых – фактическая неспособность выполнения своих обязанностей действующим губернатором Дмитрием Васильевичем Нарышкиным (1792–1831), который приходился троюродным братом М. С. Воронцову [8].

Однако, как ни старался А. И. Казначеев демонстрировать неприступность, все же ему пришлось смириться с приказом влиятельного начальника и приступить к исполнению обязанностей таврического губернатора. Более того, М. С. Воронцов фактически реализовал свой проект по ликвидации Феодосийского градоначальства в качестве самостоятельной административно-территориальной единицы, слив полномочия таврического губернатора и феодосийского градоначальника. В истории полуострова опыт подобного сочетания уже имел место – в 1822–1823 гг. эти обязанности одновременно исполнял Николай Иванович Перовский. Однако в 1829 г. произошло упразднение градоначальства, которое просуществовало вплоть до окончания служебных полномочий А. И. Казначеева, т.е. до 1837 г. [9]. Таким образом, А. И. Казначеев являлся последним градоначальником Феодосии [10, с. 100].

Перевод А. И. Казначеева на службу в Крым не сулил ему спокойной жизни: в 1828–1829 гг. имел место очередной русско-турецкий конфликт и через Феодосию осуществлялись стратегические поставки продовольствия и вооружения. О сложностях, сопровождавших первые дни работы в новой должности, А. И. Казначеев написал следующие строки в письме другу С. Т. Аксакову: «Ради бога прости меня, что не на все письма твои отвечал я тебе. Беспрестанные мои разъезды еще не кончились: военные обстоятельства с каждою почтою прибавляют мне хлопот и турят меня из одного конца в другой. Три дня как возвратился я в Феодосию и не знаю, долго ли пробуду на месте» [11].

В первой четверти XIX века городское хозяйство Феодосии находилось в явном упадке. В Отделе письменных источников Государственного исторического музея (г. Москва) сохранилось письмо А. И. Казначеева генерал-губернатору М. С. Воронцову, датированное маем 1828 г., т.е. фактически временем прибытия его на новое место службы. В нем градоначальник изложил собственное видение проблем города и определил возможные пути их решения. Приведем наиболее красноречивые выдержки из этого послания: «Все что находится в Феодосии и на земле ей принадлежащей, я успел обозреть. Обревизовал карантин, таможду, коммерческий суд, магистрат, думу, полицию, комитеты и все места им подведомственные. В каком состоянии нашел их увидите из моего рапорта. Не оставил без освидетельствования и казначейства, без посещения судов уездного и земского, училища и всех

заведений, в качестве местного хозяина <...> Между тем не поскучайте выслушать то, о чем могу не вдруг входить бумагами и о чем нельзя официально писать: я попал в Феодосию едва ли не в самое бедственное для нее время. Все предместники мои, кроме Броневого и Андрея Васильевича <Богдановского> содействовали к приготовлению ей разрушения. Теперь она без коммерции, почти без купцов (нет ни одного 1-й гильдии), без достаточной воды (молчащие каменные фонтаны стоят как бы надгробия умерших источников), почти без дерев, без доходов, без способов, без благоустройства, в развалинах, в недоимках; завалена старыми нерешенными делами и спорами, опустошена разбродом повсюду многих жителей. <...> Феодосия в упадке, но есть средства поднять ее и поднять до нельзя, особенно при таком начальстве, как вы. Смею думать, что я вам помогу в этом – лишь не оставляйте меня в забвении<...>

Новое разграничение градоначальств лишило Феодосию лучшего основания торгового: арбатская стрелка ближе ко мне нежели к Керчи. Если бы она с проливцем тонким отделена была в мое градоначальство, то послужила б надежнейшим сообщением колоний с Феодосийскими торговцами. От Керчи это не отнимает выгод водяных сообщений. Сия мысль занимала многих; но я выдаю ее за свою потому, что она у меня родилась прежде, нежели я узнал о подобных предположениях чужих<...>» [12, л. 3–6].

Также в своем письме А. И. Казначеев описал состояние наиболее важных в хозяйственном и административном отношении городских объектов. «Новая наша пристань будет очень недурна; <...> Карантин бы хорош; да чумного квартала нет <...> Казармы, как обыкновенно все инженерные строения, снаружи – палаты! А внутри хуже хаты. Четыре каменные фонтана в казарменной ограде – мертвы. Жалость! Кабы их воскресить!

В городском училище обрадован я был более всего тем, что дети разных сословий и наций, довольно хорошо знают правила русского языка, основания чистой математики и препорядочно изучены читать и писать по турецки и гречески. Лучших учеников причислил я с директором к себе обедать и это им чрезвычайно понравилось. Вода у нас кой где появляется, пробивается сквозь землю. Я надеюсь открыть некоторые фонтаны по рассмотрении запутанного о них дела.

О заведении городского сада буду просить вашего разрешения скоро. <...> Церковь у нас одна и то пребедная. Священник также один престарелый без Дьякона. Я представляю о прибавлении двух священников с Дьяконом<...> Предполагаемая церковь молчит в развалинах. Хочу составить складку на устройство иконостаса в существующей единственной церкви нашей и кажется успею.

С первую почтою отправляю к вам, благодетельнейший Граф, представление о возвращении мне таможенного штата и экстраординарной суммы – окажите ваше мощное настояние: таможни почти половину дел моих составляют» [12, л. 3–6]. Сложно найти более емкие слова, чтобы описать то состояние, в котором находился провинциальный город. Мы видим, что А. И. Казначеев в первые же дни своего пребывания в Феодосии постарался вникнуть в суть главных проблем города и приступил к их немедленному решению.

Градоначальник понимал, что одним из важнейших условий повышения благосостояния города являлась поддержка со стороны центральной администрации. Для этого необходимо было убедить М. С. Воронцова в том, что Феодосийский порт обладал преимуществами, которых были лишены иные гавани, а, следовательно, финансовые вложения в его развитие обязательно принесут выгоды в будущем. Однако это была крайне сложная задача, так как основную ставку в отношении развития торговли генерал-губернатор делал на Керчь. В подтверждение этого можно привести слова самого А. И. Казначеева, изложенные в его послании выдающемуся государственному деятелю Дмитрию Гавриловичу Бибикову (1792–1870): «Мы с Графом Вор[онцовы]м имели жаркий спор о Керченском и Феодосийском портах. Первому он давал все преимущества, а с сею почтою пишет мне, что по случаю замерзания порта Одесского и Керченского, все продовольствие к армии обращается в Феодосию. Нельзя было не улыбнуться. Государю внушено, что Феодосия не стоит таможи, довольно заставы. Я человек русской, мне все равно: Керчь, Феодосия, Рязань, Владимир, – стало быть нет у меня другого намерения защищать Феодосию, кроме того, чтобы выставить истину или по крайней мере высказать, что я почитаю за правду. Дайте пролиться дождю на землю, вы увидите по промоинам, где нужно устроить стоки воды. Дождитесь коммерции и мы увидим, где будет более прилива торговли» [13].

А. И. Казначеев использовал широкий арсенал убеждения. В течение нескольких лет он обращался как к самому генерал-губернатору, так и к столичным чиновникам с просьбой обратить внимание на выгоднейший в коммерческом отношении порт Крымского полуострова. Так, он писал другу С. Т. Аксакову: «Теперь хлопочу о возобновлении древнего направления торговли через Феодосию, когда жившие там Генуэзцы, владели экспортною торговлею. Открытие мыса Доброй надежды и победы турков в Крыму переместили это направление. Почему же нам не воспользоваться нашими победами. Путь на мыс Надежды ненадежен, долог и труден; а от Феодосии до Анатолии 14 часов езды во всякое время; порт Феодосийский никогда не замерзает. Стало быть тут учредить складку товаров и транзит – вот о чем уже и представил» [14]. Однако добиться желаемого градоначальнику не было суждено. Идея организации в Феодосии транзитного порта («транзитной складки») для международной торговли хотя в итоге и была поддержана М. С. Воронцовым, однако так и осталась без должного внимания петербургских чиновников.

Однако это не остановило А. И. Казначеева в его работе на благо Феодосии. Уже в первый год своего пребывания в городе он приступил к созданию городского сада, а в 1832 г. писал М. С. Воронцову «В Феодосии развели мы городской сад и хорошо и скоро» [12, л. 98]. В этом же году Феодосия была включена в созданную по инициативе А. И. Казначеева сеть транспортного внутрикрымского сообщения [12, л. 104 об]. С июля между Евпаторией и Керчью курсировали дилижансы, которые связывали крупнейшие города восточного и западного побережья полуострова [15].

Всеми силами стремясь добиться экономической самостоятельности Феодосии, А. И. Казначеев оказывал поддержку местным и иностранным купцам, ремесленникам. Он обращал внимание на нетрадиционные для города отрасли хозяйства. Так в

одном из посланий генерал-губернатору в 11 декабря 1833 г. он замечал: «голландец Вей пишет мне из Феодосии, что феодосийские сельди столь превосходного качества, что такие в самой Голландии считаются за редкость и вывоз оных запрещен. Я из городской суммы велел назначить до 400 рублей на посуду и содержание Вей с Гехтом, дабы воспользоваться искусством его. Из бедняков назначаю для обучения трех человек» [12, л. 159]. Однако не во всем градоначальнику сопутствовала удача. Организовать поставки сельди из Феодосии так и не удалось в связи с тем, что, вопреки ожиданиям, косяки рыбы не зашли в феодосийскую гавань в 1834 г. Это дало повод М.С. Воронцову в очередной раз упрекнуть А. И. Казначеева в его симпатии к Феодосии и нежелании использовать преимущества Керчи, в том числе и в вопросе рыбной ловли [12, л. 178–179].

Управлять Таврической губернией вообще и Феодосией в частности А. И. Казначееву пришлось в крайне сложное время. В 1828–1829 гг. – русско-турецкая война, в 1830 г. – «бабий бунт» в Севастополе, в 1830 г. – эпидемия холеры, в 1833 г. – неурожай и угроза голода. В этих условиях администратору часто приходилось принимать решения в крайне сжатые сроки, ситуация не допускала промедления. Иногда последствия решений носили неоднозначный характер и потому А. И. Казначеев подвергался критике современников. Так, в своих воспоминаниях известных знатоков античности, археолог Н. Н. Мурзакевич (1806–1883) записал, что градоначальник нанес невосполнимый урон историческим достопримечательностям Феодосии. В частности он писал: «Ее [Феодосию] всегда и все разрушали: боспорцы, татары, турки, русские войска, комендатны и градоначальники!... Последний из них Казначеев, во время голода, бывшего в Крыму в 1833–1834 гг., как таврический губернатор, представил князю Воронцову, чтобы сломать стоявшую на площади старинную, великолепную турецкую баню (чудесная мечеть уже давно исчезла) с целью дать неимущим заработок, а из камня мечети и бани построить городской собор. Разумеется, представление местного ближайшего начальника было разрешено и здание разрушено. Но ни собора ни явилось, ни камня не оказалось» [16, с. 56–57].

Конечно, с позиции сохранения культурного наследия действиям А. И. Казначеева нет оправдания. Однако нам стоит представить те обстоятельства, в которых принималось решение о начале работ по разборке древней бани в Феодосии. Так в письме М. С. Воронцову, датированном 14 декабря 1833 г. таврический губернатор писал, что продовольственная ситуация в городе и прилегающих территориях угрожающая: «Браните меня, казните меня, лишь помогите нам Ваше Сиятельство. Феодосийскому уезду привезено было всякого рода хлеба 2800 четвертей, которые все розданы и даже проклятый овес, столько неудовольствий причинивший; но сего весьма недостаточно: один Керченский полуостров требует до 5/т четвертей. Феодосия ни одним зерном еще не воспользовалась, бедных много<...>» [12, л. 162]. Керчь и Феодосия в этих условиях стали пристанищем для жителей всех прилегающих селений, ищущих пропитания. Они праздно ходили по улицам в надежде на пожертвования и бесплатные раздачи хлеба. Понимая опасность ситуации, А. И. Казначеев обратился к организации общественных работ. Он выступил с предложением задействовать нуждающихся в работах по разборке руин древних мечети и бани, а также обозначил предложение начать в Феодосии строительство православ-

ного собора. «Разрешение ломать Феодосийскую мечеть и ровнять площадь оживит бедняков, которые толпами приходят в Феодосию» [12, л. 164]. Однако, как это часто бывает, завершив разбор исторических объектов, А. И. Казначеев сначала не мог получить разрешения на строительство нового храма, а затем работы были свернуты в виду отсутствия денежных средств. В течение года камни находились под охраной полиции, а с 1835 г. началась их выдача на казенные строительные нужды [17]. Тем не менее, главная цель проекта – занятость населения в период продовольственного кризиса, была достигнута.

Занимая пост таврического губернатора, А. И. Казначеев продолжал покровительствовать Феодосии. В этом смысле показателен его конфликт с генералом Николаем Николаевичем Муравьевым (1794–1866). В начале июля 1833 г. русский флот, следовавший из Египта, вошел в феодосийский порт. Для приема войск на берегу был организован необходимый в таких случаях лагерь, окруженный карантинным оцеплением. Однако, высадившись, военное начальство осталось крайне недовольным условиями, в которых вынуждено было проживать. Н. Н. Муравьев в мемуарах красноречиво изложил свое видение ситуации, которое, в общем, сводилось к критике личных качеств феодосийского градоначальника. А. И. Казначеев же по-своему расценил ситуацию: «Военное начальство вступило в карантин таким образом, как обыкновенно вступают проезжие офицеры в почтовые станции: лошадей! Поворачивайся! Толчки и браннотные слова, сыплются на писаря, между тем как все готово, и не стоило хлопотать так неприятно. В этом случае, известный умом своим и отличными достоинствами Ген. Муравьев удивил меня; впрочем это произошло от ошибки: он полагал, что ему как старшему, должен быть подчинен карантин и все; я его самым дружественным образом разуверил в сем – и все пошло как по маслу» [12, л. 141–142]. В целом необходимо понимать, что высадка армии в Феодосии осуществлялась в период, когда губерния страдала от нехватки продовольствия. Официальные документы свидетельствуют, что губернатор прилагал максимум усилий к тому, чтобы сделать быт солдат максимально комфортным. Принципиальность им была проявлена лишь в вопросе о соблюдении карантинных мер. Наученный опытом предыдущих десятилетий, когда прибывавшие с заграничного театра боевых действий войска приносили в Крым чуму и иные болезни, градоначальник со всей строгостью и ответственностью подошел к делу. Но эта принципиальность, как оказалось, стоила ему места службы. О своей причастности к увольнению А. И. Казначеева Н. Н. Муравьев, открыто написал в своих «Записках...» [18, с. 500–503]. Это же подтверждают и слова таврического губернатора: «к нам из Петербурга дошли вести, будто это произошло от корпусного Муравьева, который торопливо приехал в столицу по делам службы и будто между прочим жаловался на притеснение войск» [12, л. 260].

Александр Иванович Казначеев был не просто чиновником, строго исполнявшим волю руководства. Его отличали душевные качества, высоко ценимые многими современниками. Именно они подвигли Александра Ивановича на шаг, прочно связавший его имя с миром искусства и культуры. В период службы в Феодосии А. И. Казначеев выступил покровителем будущего выдающегося крымского художника-мариниста Ивана Константиновича Айвазовского (1817–1900). История их

знакомства получила освещение в многочисленных биографических публикациях, посвященных личности художника и его дружбе с А. И. Казначеевым [19]. Авторы по-разному описывают то, как именно состоялось знакомство А. И. Казначеева с молодым талантом. Однако итог совершенно ясен: феодосийский градоначальник, по сути, принял бедного мальчика в свою семью, помог ему получить образование в Симферопольской гимназии, а затем при покровительстве вдовы бывшего таврического губернатора Натальи Федоровны Нарышкиной (1797–1866) продолжить обучение в Академии художеств. Важно, что в лице Айвазовского Казначеев получил не только благодарного ученика, но и преемника в деле благоустройства Феодосии. Спустя десятилетия после первого знакомства уже бывший градоначальник Феодосии гордился знакомством с художником мировой величины. И. К. Айвазовский отвечал ему взаимностью [20]. А. И. Казначеев на протяжении всей жизни следил за творчеством мариниста и даже выступал ярким защитником его таланта [21].

Сам градоначальник довольно сдержанно относился к своим заслугам перед городом. Он понимал, что в иных условиях мог бы сделать значительно больше, но и эти достижения сделали его имя одним из самых почитаемых в Феодосии. Так о своих последних днях службы в должности таврического губернатора и феодосийского градоначальника он написал в письме М. С. Воронцову: «Меня сего дня посетили феодосийцы: они узнав из газет о моей отставке, прислали ко мне нарочных депутатов с письмом и портретами моими в знак благодарности, которой впрочем не почитаю себя заслуживающим, потому что я ничего для Феодосии сделать не мог. Бог знает, за что они так родственно ко мне расположены» [12, л. 259-260]. Это отношение к А. И. Казначееву феодосийцы сохранили на долгие годы. Его плодотворная деятельность по благоустройству города, защита, покровительство над его жителями прочно вошли в историю Феодосии.

Список литературы

1. Шарапа В. Ф. Таврический губернатор А. И. Казначеев / В. Ф. Шарапа, А. А. Непомнящий // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 226–229.
2. Афанасьев А. К. Алушка 1830-х гг. в письмах А. И. Казначеева М. С. Воронцову / А. К. Афанасьев // Воронцовский дворец : Образ и время: сб. докладов / сост. Г. Г. Филатова. – Симферополь: Н. Орианда, 2009. – С. 22–24; Его же. Частные письма таврического губернатора А. И. Казначеева М. С. Воронцову. 1828–1837 гг.: Из собрания ОПИ ГИМ / А. К. Афанасьев // Воронцовский сборник. – Одесса, 2009. – Вып. 2. – С. 4–11.
3. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. 49, оп.1, д. 5644, л. 1–100.
4. Аксаков С. Т. Собрание сочинений : в 5 т. – М.: Правда, 1966. – Т. 2. – 500 с.
5. Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды: В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России 8 апреля 1783–1883 / А. Г. Завадовский. – Симферополь, 1885. – Вып. 1 : Сборник. – 324 с.
6. Санкт-Петербургский филиал Института российской истории Российской академии наук, ф. 36, оп. 2, д. 450, 2 л.
7. Из сборников П. И. Щукина // Русский архив. – 1900. – № 6. – С. 197–199.
8. Агламонов С. П. Отечественная война 1812 года : Исторические материалы Лейб-гвардии Семеновского полка / С. П. Агламонов. – Полтава, 1812. – С. 144–147.
9. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 6065, л. 3–4.
10. Гейман В. Из Феодосийской старины: Архивные справки / В. Гейман // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1916. – № 53. – С. 96–110.

11. Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 10, оп. 3, д. 61, л. 14-14об.
12. Государственный Исторический музей (отдел письменных источников), ф. 60, оп. 3, д. 2514, 261 л.
13. Щукинский сборник.– М., 1906.– Вып. 5.– С. 207–208.
14. Институт русской литературы и искусства, ф. 93, оп. 3, д. 550, л. 1–2об.
15. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 7218, л. 1–12.
16. Из записок М. Н. Мурзакевича про стан пам'яток кримського півострова // Історико-культурна спадщина України (XIX ст. – поч. XX ст.): Зб. докум. і матеріалів / Інститут історії України АН України.– К. : Рідний край, 1995.– С. 55–58.
17. ГААРК, ф. 45, оп. 1, д. 2, л. 1–181.
18. Из записок Николая Николаевича Муравьева-Карского, 1833-й год // Русский архив.– 1894.– Кн. 8.– С. 450–536.
19. Иван Константинович Айвазовский и его ХСЛП-летняя деятельность // Русская старина. – 1878.– № 4. – С. 649-674; Вагнер Л. Повесть о художнике Айвазовском / Л. Вагнер, Н. Григорович.– Сухуми: Абгосиздат, 1961.– 252 с.; Гейман В. Иван Константинович Айвазовский: К 100-летию со дня рождения: 18 июля 1817 года – 17 июля 1917 года / В. Гейман // Известия Таврической ученой архивной комиссии.– Симферополь, 1918.– № 55.– С. 192–199.
20. К. З. Обед И. К. Айвазовскому, в одесском клубе 23-го августа / К. З. // Одесский вестник.– 1850.– 2 сент.
21. Российская государственная библиотека (отдел рукописей), ф. 231/III, карт. 5, ед. хр. 46, л. 1–12.

Бобков В. В. Феодосійський градоначальник Олександр Іванович Казначеев: основні віхи адміністративної діяльності / В. В. Бобков // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 32–41.

У цій публікації на основі репрезентативного корпусу джерел відтворено фрагмент історичного портрету видатного кримського адміністратора, чиновника А. І. Казначеева, що відноситься до його діяльності на посаді градоначальника Феодосії. Визначено його внесок у благоустрій міста, розвиток міського господарства, системи освіти.

Ключові слова: А. І. Казначеев, М. С. Воронцов, градоначальник, Феодосійське градоначальство, таврійський губернатор.

Bobkov V. V. The town governor of Feodosiya Alexandr Ivanovich Kaznacheyev: the basic steps of administrative activity / V. V. Bobkov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 32–41.

The given work in historical retrospective introduces the fragment of historical portrayal of the prominent Crimean official and head of the town Kaznacheyev A. I. and also highlights his major activity on the post of Feodosian governor. Furthermore, his contribution to the welfare of the town in the field of municipal economy and education are described in the particular work.

Key words: Kaznacheyev A. I., Vorontsov M.S., the town governor, Feodosiya governing, the taurian governor.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 930.1+[94(477.75):910.4(=162.1),,17/19”]

АДАМ СЕРАКОВСЬКИЙ – ПОЛЬСЬКИЙ МАНДРІВНИК ПО КРИМУ ТА ЙОГО ПОДОРОЖНІ ЛИСТИ

Громенко С.В.

*Таврійський національний університет ім. В.І. Вернадського, Сімферополь, Україна
E-mail: gromserg@meta.ua*

Стаття присвячена дослідженню біографії та творчого спадку маловідомого польського мандрівника по Криму початку ХХ ст. – графа Адама Сераковського – публіциста, етнографа та археолога. Приведений огляд історіографії проблеми. Проаналізовані листи А. Сераковського з його подорожі по Криму 1901 та 1902 рр.

Ключові слова: Адам Сераковський, Крим, польський мандрівник, початок ХХ ст.

ВСТУП

З-поміж усіх регіонів сучасної України Крим, без сумніву, посідає чільне місце за тривалістю та насиченістю історичного життя. Це стосується як античних часів і Середньовіччя, так і ХІХ століття. Тому цілком зрозумілим є постійний інтерес освічених кіл держав Європи та Чорноморського басейну до Кримського півострову, інтерес не тільки офіційних осіб, але й вчених, дослідників та різного кшталту мандрівників [1, с. 62]. Жодна місцевість на берегах Чорного моря, за винятком Стамбулу, не привертала до себе так багато уваги подорожуючих. Зважаючи на це, слід було б очікувати, щоб щоденники, записки та спогади вояжерів відігравали особливу роль в становленні і розвитку джерелознавства та історіографії історії Криму, проте цього не сталося ані в ХІХ, ані до кінця ХХ сторіччя.

Як справедливо зазначив історик та літературознавець Микола Надеждін, «відомості мандрівників – особлива низка багатих джерел, низка також ще не розроблена, навіть не вповні видана» [2, с. 97]. І якщо творчий спадок вітчизняних мандрівників поступово повертається до наукового обігу, то записки іноземних, зокрема польських, вояжерів до сьогодні залишаються мало вивченими. Дослідженню біографії та творчості одного з таких маловідомих подорожніх – Адама Сераковського – і присвячена дана стаття.

1. ДЖЕРЕЛА ТА ІСТОРІОГРАФІЯ

Головним джерелом біографічних відомостей про Адама Сераковського слугують його численні листи з подорожей, зокрема, з подорожі по Криму та Кавказу, перекладів яких не існує, «Listy z podróży» («Листи з подорожі»), що вийшли у Варшаві 1911 року, а за два роки, вже після смерті автора, були перевидані із доповненнями та уточненнями [3], також у нашому розпорядженні є енциклопедична стаття [4]. Мандрівник виступав неофіційним історіографом деяких приватних вояжів до Палестини, описуючи їхній перебіг [5, с. 561–562]. Коментарі на праці А. Сераковського як дослідника етнографії Алжиру вміщені в одному з чисел «Бібліотеки етнографії польської» [6]. Деякі спогади про родину Адама Сераковського зберег-

лися у книзі графині Анни Потоцької [7, с. 466]. Найціннішим джерелом є опрацювання Юзефа Боришковського «Zasłużeni ludzie Pomorza Nadwiślańskiego: szkice biograficzne» («Заслужені люди Надвіслянського побережжя: біографічні нариси») [8, с. 196–201], де подається, окрім життєпису, ще й короткий огляд наукових досягнень А. Сераковського.

Про подорожі Адама Сераковського до Кавказу йдеться в студії Богдана Барановського «Polskie zainteresowania z XVIII i XIX wieku kulturą Gruzji» («Польська зацікавленість культурою Грузії у XVIII і XIX століттях») [9, с. 72–73]. Описам поїздок А. Сераковського до Індії, Африки та Леванту знайшлося місце в книзі Вацлава Слабчинського «Polscy podróżnicy i odkrywcy» («Польські мандрівники та відкривачі») [10, с. 155–158]. Про вояжі Адама Сераковського Азією можна дізнатися з першого тому праці Антонія Кучинського «Polskie opisanie świata: studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych» («Польські описи світу: студії з історії пізнання культур народів та племен») [11, с. 405–406]. Мандрівкам Адама Сераковського Африкою присвячений і фрагмент мемуарів Кайетана Моравського «Wspólna droga: wspomnienia» («Спільна дорога: спогади») [12, с. 31], і частина праці Яцека Кнопєка «Migracje Polaków do Afryki Północnej w XX wieku» («Міграції поляків до Північної Африки в XX столітті») [13, с. 57]. Нарешті, подорожі А. Сераковського, в тому числі і до Яви, описує Кшиштоф Подемський в своїй роботі «Socjologia podróży» («Соціологія подорожі») [14, с. 234–241].

Іншу важливу групу складають дослідження розвитку науки в Західній Польщі, позаяк Адам Сераковський був не тільки мандрівником, але й вченим. Згадки про нього та його роль знаходимо в третьому тому видання Софії Скубали-Токарської «Historia nauki polskiej» («Історія польської науки») [15, с. 758]; дослідженні Анджея Буковського «Waplewo: zapomniana placówka kultury polskiej na Pomorzu Nadwiślańskim» («Ваплево: забутий осередок польської культури на Надвіслянському Помор'ї») [16, с. 58, 72, 202]; праці Анджея Абрамовича «Historia archeologii polskiej, XIX i XX wiek» («Історія польської археології, XIX та XX сторіччя») [17, с. 60]; студії Магдалени Недзельської «Niemieckie towarzystwa naukowe w Prusach zachodnich w latach 1815–1920» («Німецькі наукові товариства в західній Пруссії в 1815–1920 роках») [18, с. 102–107]; першому томі дослідження Мар'яна Біскупа «Działacze Towarzystwa Naukowego w Toruniu: 1875–1975» («Діячі Наукового товариства в Торуні: 1875–1975») [19, с. 9] та праці Йовіти Кенчинської «Geografia życia literackiego na Pomorzu Nadwiślańskim 1772–1920: polski i kaszubski krąg kulturowy» («Географія літературного життя на Надвіслянському Помор'ї 1772–1920: польське та кашубське культурне коло») [20, с. 281, 480]. З усіх цих видань ми можемо повністю реконструювати наукову біографію Адама Сераковського.

2. БІОГРАФІЯ АДАМА СЕРАКОВСЬКОГО

Адам Сераковський народився 21 лютого 1846 року в Ваплеві Великім неподалік узбережжя Балтійського моря (нині – Республіка Польща) в графській родині Альфонса Юзефа Сераковського та Марії Анни Пересвіт-Солтан. Мав сестру Антоніну, старшу від нього на сім років.

Адам Сераковський отримав початкову освіту вдома, пізніше навчався юриспруденції в Берлінському університеті, де 1867 року захистив роботу «De singulari

nobilitatis in occidentali Prussia hereditario jure» («Про створене знаттю в східній Пруссії спадкове право»). Цього ж року його родинний маєток відвідав класик польської літератури Юзеф Крашевський. Після отримання ступеню доктора права Адам Сераковський здійснив низку подорожей, зокрема Грецією та берберськими районами Північної Африки (1869 рік). У 1872–1873 рр. А. Сераковський відвідав Індію та мандрував Явою. В Берліні він був обраний членом Антропологічного та Географічного товариств.

1875 року, після від'їзду з Пруссії, Адам Сераковський оселився в Торуні, де став співзасновником Наукового товариства, що налічувало до 400 членів, в якому з 1878 до 1884 року очолював Історико-археологічне відділення, а в 1886–1897 рр. виконував обов'язки віцепрезидента. 1871 року А. Сераковський видав лінгвістично-етнографічні нотатки, присвячені місцевим говіркам берберських народів Алжиру.

1874 року Адам Сераковський став учасником міжнародного археологічного конгресу в Стокгольмі, 1881 року разом із археологічною секцією Антропологічної комісії Академії мистецтв в Кракові став засновником міського музею в Торуні. Для краківської академії А. Сераковський досліджував архіви поморських міст; склав опис пам'ятки пруської мови XIV століття т.зв. «Codex Neumannianus» («Німанський кодекс»), причому його опис сьогодні лишився єдиним джерелом дослідження, оскільки оригінал кодексу було втрачено 1945 року; передав власні археологічні знахідки краківській Академії.

25 липня 1877 року Адам Сераковський одружився з 22-річною графінею Марією Потоцькою, від цього шлюбу народилося троє дітей: Ванда, Станіслав та Ян.

Родинний маєток Ваплево Велике Адам Сераковський перетворив на польський культурний осередок в німецьких землях – його відвідували відомі польські митці, науковці та громадські діячі. На першому тижні жовтня 1877 року до Ваплево завітав славетний польський художник Ян Матейко, який під час свого перебування створив сімейний портрет родини Сераковських.

В період 1878–1881 рр. Адам Сераковський був депутатом німецького парламенту від польських земель, неодноразово виступаючи проти державної культурної політики. Також Адам Сераковський отримав титул пруського королівського камергеру, а 1894 року був нагороджений орденом пруського Червоного Орла 4-го класу.

Після складання депутатських повноважень Адам Сераковський продовжив свої мандрівки: 1883 року він відвідав Палестину та навколишні землі, а 1901–1902 рр. – Крим, Кавказ та Туніс. Листи з останньої подорожі були видані вперше в рік смерті автора, друге видання з'явилося вже наступного року [3].

Помер граф Адам Сераковський 12 березня 1912 року в своєму маєтку Ваплево Велике у віці 66 років.

3. АДАМ СЕРАКОВСЬКИЙ В КРИМУ

В перший свій візит (1901 рік) Адам Сераковський прибув морем до Севастополя, звідти здійснив виправу до Бахчисараю, а після повернення морем переплив до Ялти, навідав Гурзуф та Алушту. З Ялти мандрівник попрямував до Керчі, а на зворотному шляху зупинився у Феодосії. У другий візит (1902 рік) маршрут виглядав так: Бахчисарай – Севастополь – Ялта – Алушта – морем до Сухумі.

Щодо транспортної складової подорожі, то А. Сераковський причалував до Графської пристані у Севастополі [3, с. 8], для подорожі у Балаклаву наймав «візочок татарський» [3, с. 10], а Бахчисараю дістався по трьох годинах їзди залізницею [3, с. 12], в самому ж місті знову користувався «легким татарським возом» [3, с. 14]. До Ялти мандрівник приїхав возом, а з Ялти до Гурзуфу – пароплавом [3, с. 33]. Верхи Адам Сераковський дістався вершини Ай-Петрі [3, с. 39]. Нарешті, до Алушти, Феодосії та Керчі вояжер добирався пароплавами.

Вояжер не залишив Севастополь поза увагою. «Вид севастопольської пристані прекрасний, але сумний, бо вповні бракує зелені. Дещо пізніше спостерігав величезну піраміду з величезним хрестом на щиті – то дах церкви на т.зв. «Братській могилі», де лежить 100 тисяч захисників» [3, с. 7–8]. В цілому, місто приємно вразило мандрівника: «Цілий ранок відвідував місто, в якому самі нові будинки; вже сліду нема з часу одинадцятимісячної облоги» [3, с. 9]. Маршрут А. Сераковського цього дня включав в себе всі обов'язкові елементи подорожей такого роду: «грецький портик Графської пристані», «славний 4-й бастион, здобутий французами лише після кривавих боїв», «знаменитий Курган Малаховський», «прекрасний пам'ятник адміралу Корнілову», «хрест з чорного граніту – в середині велетенська Ніка, а під кожним плечем хреста похований один з чотирьох героїв оборони Севастополя: Нахімов, Корнілов, Істомін і Лазарєв» [3, с. 8–9]. Побачив Адам Сераковський також і військовий музей: «Відвідав потім історичний музей оборони Севастополя, надзвичайно прекрасно підготовлений та незмірно цікавий. Величезний там збір тогочасних портретів та карикатур політичних» [3, с. 10].

«Звідти для відпочинку виїхав татарським візком до відлеглої на 12 верст Балаклави, перетинаючи у найвужчому місті мис Херсонес. Незмірно сумна дорога посеред скал, заледве вкритих землею; рослинності мало, але за то всюди ще видно не до решти засипані окопи французькі та англійські. Поблизу Балаклави видно поодинокі ферми, трохи жита в снопах, а за кам'яною огорожею – виноградні та тютюнові поля. Балаклава лежить невимовно мальовниче в скалистій долині, в якій замість річки глибока морська затока. В тій затоці, давньому сховищу диких лестригонів, розкішно викупувався при +18°R. теплості води, наївся незвичко солодкого винограду і сходив викутою в скалі стежкою аж під самі мури давньої генуезької фортеці XVI ст., з якої нині тільки дві башти залишилися. Вид звідти чудесний – на відкрите море і на затоку» [3, с. 10].

Адам Сераковський звернув увагу на Інкерман передовсім, як на місце «де відбулася найкривавіша битва кримської кампанії, коли пало з обох сторін 25 000 людей» [3, с. 13]. Звернув вояжер увагу на джерело, походження якого пов'язують із Папою Климентом.

Побував мандрівник і в Байдарській долині, й так захопився нею, що присвятив їй два листа. «Ночую тут, на поштової станції, аби побачити схід сонця у Байдарських воріт» [3, с. 16]. «Лише о п'ятій годині в'їжджаємо до славної долини Байдарської <...>. Долина широка, багата на виноград і збіжжя; в лісах там вперше зустрів велетенські буки <...>. Як під воротами проїхати, відкривається зненацька вид на відкрите море, а наліво і направо – на дикі скали, розтягнуті й голі <...>. Вид з Байдарських воріт є прекрасний», – завершує вояжер [3, с. 23–24].

Будучи в Ялті, Адам Сераковський зупинився в «Hotel de Russie», а писав про місто так: «Ялта є премилою, а готель мій – відбірний. Маю номер на третьому поверсі з видом на море, котре в дні спокійні є попросту кришталеве! Магазили тут елегантні, купальні відбірні, а фруктів ніде мабуть на світі таких добрих нема!» [3, с. 31]. Особливо вояжер підкреслив відсутність на вулицях жебраків.

Відвідав вояжер і Гурзуф: «В Гурзуфі, найвідомішим після Ялти курорті в Криму, відвідав розташований в прекрасному парку дім генерала Раєвського, у котрого в 1820 р. перебував Пушкін; він посадив кипарис власноручно, а сьогодні є то вже цілком поважне дерево» [3, с. 34].

Нарешті, Адам Сераковський «не зміг втриматися, аби не поїхати верхи на вершину прекрасного Аю-Дагу, на «котрого скелю спертій» Міцкевич написав свій найліпший кримський сонет. Чудна то була поїздка <...>. З вершини Аю-Дагу бачив далекий пас надбережний Криму аж до мису Чабан-Башти за Судаком» [3, с. 34–35]. Подібно іншим польським мандрівникам А. Сераковський акцентував також увагу на особливостях їзди верхи по горах та чудових гірських лісах Криму.

Також польський мандрівник відвідав Бахчисарай: «Бахчисарай – то єдина довга вулиця татарських домів, з малими вуличними магазинчиками, та кілька мечетей. Зміст продаваного – то плоди або пантофлі, котрих тобі тут пару купив, і трохи татарських рушників, багато вишитих» [3, с. 14]. Прибувши до Криму наступного року, Адам Сераковський знову приїхав до Бахчисараю, проте цього разу описувати місто не став.

Керч Адам Сераковський побачив з моря: «Наліво велика затока, а в її глибині місто без дерев та зелені, місто копалень і славної минувшини, Керч <...>. Єдині тільки Сіракузи справляють враження більш, скажу «загробне», ніж Керч» [3, с. 50]. Також мандрівник «відвідав ще в місті стародавню церкву Яна Хрестителя з XIII століття» [3, с. 54].

До Феодосії Адам Сераковський завітав морським шляхом – повертаючись на пароплаві з Керчі, «затримався по дорозі на чотири години у Феодосії, де окрім двох дуже старих і цікавих костелів вірменських, обряду григоріанського, і одного новітнього, обряду католицького, відвідав дуже цікаву художню галерею, котру Айвазовський, вірменин тамтешній, посмертно своєму рідному місту подарував. Там 42 різної вартості полотна Айвазовського, і є не один шедевр» [3, с. 54]. Жодних інших місцевих пам'яток мандрівник не відвідав.

Окрім власне міст та селищ Криму, Адам Сераковський відвідав ще й низку кримських пам'яток, зокрема, й ханський палац. «В середині міста стоїть палац давніх ханів, започаткований в кінці XV століття Менглі-Гіреєм, і після незчисленних пожеж, пограбувань і руйнацій, в нинішньому стані остатнім ханом Шагін-Гіреєм поставлений» [3, с. 14]. Вояжер скаржився, що європейські реставратори відчутно змінили вигляд палацу, проте все одно там було на що подивитися: «Ще прекрасні кам'яні одвірки часів Менглі-Гірея, стеля дерев'яна в залі суду і всюди кольорові вікна, подібні до сучасних імпресіоністів, але тим оригінальні, що шибки впущені в гіпсові листочки <...>. Незвично прекрасні всюди комини. Європейської славою тішиться в цілому неприглядний «фонтан сліз» [3, с. 15]. Мандрівник розгледів на фонтані напис

«Діляра-Бікеч», тож йому були незрозумілими мотиви ані Олександра Пушкіна, ані Адама Міцкевича, ані всіх інших прихильників легенди про Марію Потоцьку.

Однак найбільше Адам Сераковський захопився Херсонесом – не тільки кілька разів побував на розкопках городища, але й поспілкувався з керівником цього процесу – відомим археологом Карлом Косцюшко-Валюжиничем. Розпочав вояжер оповідь про Херсонес із огляду історії міста, акцентувавши увагу на хрещенні св. Володимира та нападах князя Ольгерда, а продовжив історію власне досліджень міста. «Місто зникло під руїнами, котрі допіру 1848 року почав розкопувати Уваров, а останні кілька років з ініціативи імператора Миколи II розкопки провадяться набагато енергійніше. Місцевим Шліманом є пан Косцюшко-Валюжиніч, що походить «по куделі» від однієї з сестер Косцюшко, родом з мінської губернії, ще католик, але вже не розмовляє польською» [3, с. 18]. Керівник розкопок показав мандрівникові плоди своєї праці – опис побаченого в Херсонесі зайняв у А. Сераковського три сторінки, як сам він зауважив, «ледь зміг відірватися від тим історичних місць» [3, с. 21].

Проте захоплення побаченим виявилось так сильним, що наступного 1902 року вояжер знову відвідав Херсонес, де «пан Косцюшко нам найновіші розкопки пояснював. При нас викопано, власне, прекрасний костел католицький з IV ст. по Христі, перед схизмою; чудова там підлога з прекрасною мозаїкою» [3, с. 57].

Не проминув Адам Сераковський і Чуфут-Кале. «Каменистою дорогою доволі-кся моїм возом до Чуфут-Кале, вимерлого міста, давньої, а то й першої оселі караїмів. Сьогодні там руїни всюди; в місті, що стоїть над так званою Юсафатовою долиною, сьогодні один тільки рабин караїмський мешкає разом з родиною» [3, с. 15]. Маршрут вояжера включав і розмову з Авраамом Фірковичем, останнім наглядачем померлого міста, і огляд двох караїмських кенас [3, с. 16], і обов'язкове співчуття минулій величі Чуфут-Кале та караїмів загалом.

Не минув також Адам Сераковський й Алупкінського палацу: «Палац в Алупці кн. Воронцових: з моря мавританський, з боку землі нео-готичний, прекрасна будова! Оаза європейського смаку посеред азійської та купецької пишності!» [3, с. 26]. Сам палац мандрівник не відвідав, поскаржившись на те, що нові господарі вивезли все цінне до Петербургу, а татарська служба нагляду хоча і чисельна, проте одержує на утримання палацу мало коштів.

А щодо Лівадійського палацу, то А. Сераковський був в своєму листі вельми лаконічним та категоричним: «Найпрекраснішим пунктом є Ореанда, над мисом Ай-Тодор, право ж, навпроти досить бридкого царського палацу в Лівадії» [3, с. 28].

Ще однією пам'яткою, що нею захопився Адам Сераковський, був монастир св. Георгія. Вояжер вперше побачив монастир з моря – з боку севастопольської пристані: «видніється насамперед прекрасна церква св. Георгія, що домінує над краєвидом, ніби купол св. Петра над Кампанією» [3, с. 7]. Вдруге вояжер побачив монастир по дорозі до Байдарської долини: «...потім кляштор в скалі св. Георгія, над давнім мисом Парфеній, де стояла святиня Діани, в котрій Іфігенія стільки років сумувала за своїми коханими греками» [3, с. 17]. Наводить вояжер також легенду про заснування самого монастиря: «колись судно візантійців, в сильній бурі змотаний, мав вже розбитися, коли закликав молитвою нещасних подорожніх св. Георгій вказав на цю скалу і зупинив бурю. Відтоді стала там поряд давньої святині Діани церквівка,

викута в скалі; що подивом долі витримала всі війни і набіги, і сьогодні живе в тому монастирі св. Георгія 50 ченців» [3, с. 21–22].

ВИСНОВКИ

Низка різноманітних причин – падіння колись могутнього Кримського ханату, російсько-турецькі війни, розширення європейської цивілізації на південь – зробили Крим об'єктом уваги з боку польського суспільства. [21, с. 21–22]. І якщо з початку півостровом цікавилися переважно вчені, то згодом – мандрівники та літератори.

Прибуваючи до Криму на відпочинок, або задля відвідин кримських пам'яток, вояжери, друкуючи свої записки, об'єктивно сприяли популяризації історії та етнографії народів Криму на батьківщині. В числі інших мандрівників побував на півострові і Адам Сераковський.

До головних чеснот його книги листів слід віднести документальну точність у викладі побаченого, адже А. Сераковський надсилав свої враження родині щодень або що два дні. Завдяки його увазі та знанням в нашому розпорядженні є джерело, що детально відтворює різноманітні аспекти життя Криму у 1901 та 1902 роках – від стану розкопок у Херсонесі до співвідношення цін між Ялтою та Алуштою.

Головним недоліком листів польського мандрівника є відсутність інтересу до кримської етнографії, а також безсистемність викладу подорожніх вражень. Невідомі причини завадили вояжеру опрацювати свої листи належним чином.

В цілому ж, записки польських мандрівників, як і подорожні листи Адама Сераковського зокрема, є в повній мірі самостійними, завершеним та цінним джерелом з історії Криму. Подальше вивчення листів польського вояжера дозволило б повніше відтворити загальну картину життя Криму в першій рік ХХ століття.

Список літератури

1. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок ХХ століття): біо-бібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий. – Сімферополь : Бізнес-інформ, 2003. – 456 с.
2. Надеждин Н. И. Об исторических трудах в России / Н. И. Надеждин // Библиотека для чтения. – 1837. – Т. 20, отд. 3. – С. 93–136.
3. Sierakowski A. Listy z podróży: podróż na Krym, Kaukaz i do Tunisu : w 2 t. / A. Sierakowski. – 2 wyd. – Warszawa, 1913. – Т. 1. – С. 7–65.
4. Chodubski A. Sierakowski Adam / A. Chodubski // Polski słownik biograficzny / Inst. hist. PAN im. Tadeusza Manteuffla. – Kraków, 1996. – Т. 37. – С. 254–255.
5. Pertek J. Polacy na szlakach morskich świata / J. Pertek. – Wrocław : Ossolineum, 1957. – 662 s.
6. Dynowski W. Adam Sierakowski / W. Dynowski // Biblioteka etnografii polskiej. – 1958. – № 16. – С. 116–124.
7. Potocka A. Mój pamiętnik / A. Potocka. – Warszawa : Pax, 1973. – 494 s.
8. Borzyszkowski J. Zasłużeni ludzie Pomorza Nadwiślańskiego z okresu zaboru pruskiego : szkice biograficzne / J. Borzyszkowski. – Wrocław : Ossolineum, 1979. – 254 s. – (Pomorze Gdańskie ; wyp. 12).
9. Baranowski B. Polskie zainteresowania z XVIII i XIX wieku kulturą Gruzji / B. Baranowski // Prace Wydziału II Nauk Historycznych i Społecznych Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. – 1982. – № 89. – 78 s.
10. Słabczyński W. Polscy podróżnicy i odkrywcy / W. Słabczyński. – Warszawa : Państwowe wyd-wo nauk., 1988. – 426 s.

11. Kuczyński A. Polskie opisanie świata: studia z dziejów poznania kultur ludowych i plemiennych : w 2 t. / A. Kuczyński. – Wrocław : Wyd-wo Un-tu Wrocławskiego, 1997. – T. 1: Azja i Afryka. – 548 s.
12. Morawski K. Wspólna droga z Rogerem Raczyńskim: wspomnienia / K. Morawski. – Poznań : Wyd-wo poznańskie, 1998. – 309 s.
13. Knopek J. Migracje Polaków do Afryki Północnej w XX wieku / J. Knopek. – Bydgoszcz : Wyd-wo Akademii Bydgoskiej im. Kazimierza Wielkiego, 2001. – 372 s.
14. Podemski K. Socjologia podróży / K. Podemski. – Poznań : Wyd-wo Un-tu im. Adama Mickiewicza, 2004. – 365 s.
15. Skubała-Tokarska Z. Historia nauki polskiej : w 3 t. / Z. Skubała-Tokarska. – Wrocław : Ossolineum, 1987. – T. 3. – 1124 s.
16. Bukowski A. Waplewo: zapomniana placówka kultury polskiej na Pomorzu Nadwiślańskim / A. Bukowski. – Wrocław : Ossolineum, 1989. – 208 s.
17. Abramowicz A. Historia archeologii polskiej, XIX i XX wiek / A. Abramowicz. – Warszawa : Wydaw-wo Inst. Hist. Kult. Materialnej PAN, 1991. – 206 s.
18. Niedzielska M. Niemieckie towarzystwa naukowe w Prusach zachodnich w latach 1815–1920 / M. Niedzielska. – Toruń : Wydaw-wo Un-tu Mikołaja Kopernika, 1993. – 210 s.
19. Biskup M. Działacze Towarzystwa Naukowego w Toruniu: 1875–1975 / M. Biskup ; Towarzystwo Naukowe w Toruniu. – Toruń : TNT, 2000. – 194 s.
20. Kęcińska J. Geografia życia literackiego na Pomorzu Nadwiślańskim 1772–1920: polski i kaszubski krąg kulturowy / J. Kęcińska. – Gdańsk : Wydaw-wo Inst. Kaszubskiego w Gdańsku, 2003. – 624 s.
21. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий. – Киев, 1999. – 212 с. – (Научно-справочные издания по истории Украины; Вып. 46).

Громенко С.В. Граф Адам Сераковский – польский путешественник по Крыму начала XX в. / С.В. Громенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвыпуск «История Украины» – С. 42–49.

Статья посвящена исследованию биографии и творческого наследия малоизвестного польского путешественника по Крыму начала XX в. – графа Адама Сераковского – публициста, этнографа и археолога. Приведен обзор историографии проблемы. Проанализированы письма А. Сераковского из его путешествий по Крыму в 1901 и 1902 гг.

Ключевые слова: Адам Сераковский, Крым, польский путешественник, начало XX в.

Gromenko S.V. Count Adam Serakovsky – Polish traveler in the Crimea the early twentieth century / S.V. Gromenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 42–49.

The article deals with the biography and artistic heritage of the little-known Polish traveler in the Crimea the early twentieth century – Count Adam Serakovsky – journalist, anthropologist and archaeologist. An overview of the historiography of the problem. Analyzed the A. Serakovsky letter from his travels to the Crimea in 1901 and 1902.

Keywords: Adam Serakovsky, Crimea, the Polish couple, the beginning of the twentieth century.

Поступила в редакцию 01.10.2010 г.

УДК: 947.7 (=112.2) "19/20"

ВНЕСОК РОДУ ФАЛЬЦ-ФЕЙНІВ У СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНИЙ ТА СУСПІЛЬНО-ПОЛІТИЧНИЙ РОЗВИТОК ПІВДНЯ УКРАЇНИ

Задерейчук А.А.

*Таврійський національний університет ім. В.І.Вернадського, Сімферополь, Україна
E-mail:zadereychukA@yandex.ru*

В статті розповідається про рід Фальц-Фейнів, який майже століття проживав на території Півдня України. А також наводяться данні про діяльність представників цього роду у соціально-економічному та суспільно-політичному напрямках та їх внесок в розвиток південного регіону.

Ключові слова: Фальц-Фейни, німці, сільське господарство, вівчарництво, Хорли, промисловість, земства, благодійність, Асканія-Нова.

Особливе місце в історичній науці відводиться особистості. Відтворення життєпису людини дає змогу розкрити всю повноту історичного процесу, соціального змісту епохи. В сучасних умовах набуло неабиякої актуальності вивчення біографій громадських діячів і цілих родів, які заслуговують на увагу та імена яких тривалий час замовчувалися. З огляду на це, брак сталої, якісної наукової інформації та десятиліття викривлення ролі широко відомої у свої часи родини Фальц-Фейнів в історії Південної України призвели до чудернацького міфотворення.

Тривалий час їх чесне ім'я паплюжилось на усіх державно-партійних рівнях. Водночас, абсолютно не бралось до уваги те, що представники цього роду зробили неоціненний внесок у розвиток Півдня України у XIX – на початку XX ст. Вивчення та популяризація досвіду багатогранної діяльності Фальц-Фейнів, їхній вплив на суспільне, політичне та економічне життя в південноукраїнських губерніях, а також досвід спілкування із представниками адміністрації та столичними можновладцями, може стати основою для успадкування кращих традицій взаємодії представниками бізнесу та державними інституціями, а також іншими верствами населення.

Приклади розв'язання проблем, надані Фальц-Фейнами, можуть допомогти окреслити конкретні шляхи реалізації ідей щодо покращення ситуації в економіці, народній освіті, науці тощо. Окрім того, аналіз діяльності представників роду Фальц-Фейнів сприятиме кращому розумінню суспільного значення діяльності крупної сільськогосподарської буржуазії та її внеску в розвиток Півдня України.

Хронологічно у статті охоплюється період з початку XIX ст. по 1919 р. Межі обумовлені часом проживання роду на території Півдня України.

Метою цієї статті є аналіз внеску роду Фальц-Фейнів у соціально-економічний та суспільно-політичний розвиток Півдня України у XIX – на початку XX ст. Зазначена мета вимагає вирішення наступних завдань: аналізу наявного історіографічного матеріалу, а також характеристиці стану джерельної бази з досліджуваної проблеми; узагальнення свідчень про представників родини Фальц-Фейнів та відбудови генеалогічної історії роду; дослідження та оцінки внеску Фальц-Фейнів в економіч-

ний та соціальний розвиток Півдня України; визначення участі Фальц-Фейнів у суспільному та політичному житті Півдня України; розгляду питань про створення та розвиток заповідника Асканія-Нова.

Останнім часом в українській історичній науці популярними стали роботи, які висвітлюють біографічні і професійні сюжети. Тенденція до вивчення історії окремих родів сприяла створенню досліджень, у тому числі й дисертаційних, в яких здійснено історико-генеалогічний аналіз, висвітлено суспільно-політичні та культурологічні аспекти діяльності відомих родин, їхній вплив на культурний світ та культурно-громадське життя України.

Питання, пов'язані з життям та діяльністю представників роду Фальц-Фейнів та їх внеском в соціально-економічний та суспільно-політичний розвиток Півдня України у XIX – на початку XX ст., вивчалися епізодично в контексті проблем більш масштабного характеру. Комплексної праці, присвяченої цій проблемі донині не існує.

Усю літературу за хронологічним принципом умовно можна розподілити на кілька періодів: дорадянський, радянський, сучасний. Окремого розгляду вимагають й іноземні дослідження.

Дореволюційні російські дослідження характеризуються тим, що автори являлися, по суті, безпосередніми свідками, а інколи і пасивними учасниками подій. Такі роботи зазвичай були присвячені сільськогосподарському виробництву в маєтках Фейнів та Фальц-Фейнів. Зокрема, у 50 – 80-ті роки XIX ст. автори описували, насамперед, вівчарні господарства, які належали родині. Цій проблемі присвячені праці А.А.Скальковського, І.Г.Подоби, Н.Н.Дерягіна, І.Лінке [1] та ін. З середини 90-х рр. XIX ст. в літературі з'явилися роботи про кіннозаводство в родині Фальц-Фейнів. Найбільш повним дослідженням у цій сфері є праця А.В.Гібер-фон-Грайфенфельса [2]. Крім того, у другій половині XIX ст. у спеціалізованих сільськогосподарських виданнях з'являються публікації, присвячені проведенню та результатам всеросійських і регіональних виставок, участь у яких брали Фальц-Фейни. З кінця 90-х рр. XIX ст. центром усіх публікацій, пов'язаних із ім'ям Фальц-Фейнів, стає Асканія-Нова. Розвідки, які присвячені заповіднику, можна умовно розділити на дві великі групи: роботи, які стосуються науково-практичної діяльності працівників та гостей заповідника та праці, які присвячені флорі та фауні південноукраїнського степу. До першої можна віднести публікації В.Альохіна, Н.Деппа, М.Ф.Іванова, П.К.Козлова, Р.В.Куницького, Р.В.Куніцького, С.А.Мокржецького [3]. В них наводяться описи заповідника, визначався видовий склад тварин, які мешкали в ньому; оцінка наукової діяльності господаря Асканії-Нова Ф.Е.Фальц-Фейна. Науково-дослідні роботи про рослинний та тваринний світ Асканії-Нова представлені у доробку В.Альохіна, І.К.Пачоського, Н.Прохорова [4].

Окремий блок становлять праці, присвячені історії Асканії-Нова так званого "ангальтського (до фальц-фейнівського) періоду". Зазвичай це невеличкі за обсягом статті в часописах та газетах того часу, які часто спрямовані на аналіз господарської діяльності колонії.

В радянські часи особи Фальц-Фейнів та їхні досягнення замовчувалися, або підлягали нищівному паплюженню з позицій так званої "класової доцільності". Роботи переважно були присвячені науковим дослідженням на базі заповідника "бывшого

нетрудового имени Фальц-Фейнов". Господарська діяльність представників роду Фальц-Фейнів не цікавила радянських вчених. Виключенням може слугувати робота академіка Л.К.Гребня, яка була присвячена історії асканійського вівчарства [5].

На сучасному етапі представниками роду Фальц-Фейнів і його минулого зацікавилися окремі дослідники та численні публіцисти. Спираючись на багату джерельну базу і не переймаючись політичною кон'юнктурою вони отримали можливість створювати більш-менш об'єктивні праці про внесок роду Фальц-Фейнів в розвиток Півдня України. Наприклад, участю представників цього роду в земському русі Херсонської губернії присвячена стаття Т.А.Гребеннік [6]. В.Б.Піворович займається вивченням грошових знаків, які застосовувалися Фальц-Фейнами при сплаті із робітниками та службовцями в численних економіях та маєтках [7]. Не послабився інтерес і до всесвітньо відомого заповідника Асканія-Нова, про що свідчить значна кількість публікацій, які присвячені йому. Серед них визначаються праці В.С.Борейко, В.М.Рябко [8]. Зберігався інтерес і до ангальтського періоду історії Асканії-Нова. Останнім часом на цю тему з'являються публікації професора В.Ю.Ганкевича [9]. Крім цього, в сучасній історіографії існує низка робіт, в яких на фоні загальної теми аналізуються й різні аспекти діяльності окремих представників роду Фальц-Фейнів. Серед таких робіт на увагу заслуговують праці О.Б.Шляхова, С.Г.Плесської-Зебольд, С.С.Валько та ін. [10].

Не меншої уваги заслуговують роботи зарубіжних авторів з даної тематики. Однією з найбільш ранніх робіт, присвячених історії асканійського вівчарства, є дисертація А.Дрюкке [11]. Дві статті, які пов'язані з іменем Фальц-Фейнів, видав А.Принс: одна присвячена Асканії-Нова, а інша – історії родини Фальц-Фейнів на Півдні України [12]. Однією із фундаментальних праць з історії роду Фальц-Фейнів у Європі вважається монографія А.Маас [13]. Ця робота є спробою аналізу механізмів інтеграції Фальц-Фейнів в російське суспільство і причин економічного розквіту цієї сім'ї.

Загалом аналіз дослідженої літератури приводить до висновку про необхідність комплексного вивчення історії життя та діяльності роду Фальц-Фейнів на Півдні України та їхнього внеску в розвитку регіону.

Стаття базується на значній кількості різноманітних джерел. Усі вони за способом кодування та відтворення інформації поділяються на три типи: словесні, зокрема писемні, зображальні та речові джерела. Серед писемних джерел треба виділити: законодавчі акти; діловодну документацію (організаційно-розпорядча документація організацій, підприємств, товариств, звіти, акти, постанови, довідки тощо); статистичні джерела; судово-слідчі джерела; періодичну пресу, документи громадських організацій, а також джерела особового походження (мемуари, автобіографії, щоденники тощо).

Для розкриття теми велике значення мають укази імператорів Олександра II та Миколи II, якими зокрема було даровано право на об'єднання прізвищ Фальц і Фейн, також ці документи мали відношення до підвищення соціального статусу родини – переведення її до спадкового почесного громадянства [14]. Крім того, два укази Миколи II зводили Фальц-Фейнів у дворянське звання Російської імперії [15].

Вагомий внесок в розкриття досліджуваної теми був зроблений завдяки аналізу діловодної документації. Для вивчення питання про сільськогосподарські маєтки Фальц-Фейнів велике значення мали дарчі, купчі, заповіти, документи про позики

тощо, які були знайдені в архівосховищах України. У розкритті питання щодо розвитку приватного порту Хорли допомагали результати досліджень, які проводилися протягом декількох років різними тогочасними комісіями, а також різноманітні доповідні записки, прохання, резюме, циркуляри, заяви, які значно розширювали уявлення про діяльність Хорлів. Постанови та журнали земських зібрань, стенографічні звіти тощо дозволили виявити ступінь участі представників роду Фальц-Фейнів в різних адміністративних та громадських організаціях та оцінити внесок останніх в їхню роботу. Важлива роль в дослідженні відводилася і розгляду статутів і звітів громадських організацій, активними учасниками яких були Фальц-Фейні. Завдяки їм вдалося встановити не тільки членство представників цього роду у цих об'єднаннях, але й оцінити роль, яку відігравали представники роду в розвитку цих організацій.

Для всебічного висвітлення теми велике значення мали статистичні джерела та довідкові матеріали. Неабияке значення відведено вивченню земської статистики. Результати статистичних досліджень у Таврійській і Херсонській губерніях також були проаналізовані. Вони дозволили проілюструвати питання земельної власності, визначити місцезнаходження і розміри маєтків Фальц-Фейнів; деякі статистичні збірки вказували на наявність поштово-телеграфних відділень, ветеринарних і провізорських служб у їхніх маєтках. Свідчення про фабрично-заводську промисловість Російської імперії дозволили всебічно висвітлити питання про промислове виробництво, яке започатковували та розвивали Фальц-Фейни.

Крім того, широко застосовувалися данні адрес-календарів та пам'ятних книжок Таврійської та Херсонської губернії. Вони дозволили виявити та уточнити посади на громадських засадах представників роду Фальц-Фейнів у різні роки, а також надали відомості про їхню господарську діяльність. Путівники надали можливість виявити наявність нерухомості у Фальц-Фейнів в містах Півдня України.

В ході роботи над статтею також були проаналізовані дані, як місцевих, так і загальноімперських газет. Матеріали, отримані при аналізі статей часописів, знаходили підтвердження і в інших джерелах, а в комплексі сприяли більш поглибленому вивченню теми дослідження.

Для висвітлення багатьох питань суспільно-політичної та соціально-економічної діяльності, а також внутрішньо родинних стосунків Фальц-Фейнів цінними є спогади різних представників роду Фальц-Фейнів, відбитих в мемуарах, насамперед Володимира Едуардовича та його племінника Едуарда Олександровича.

Також були вивчені зображальні джерела, які являють собою різноманітні схеми і плани маєтків Фальц-Фейнів, фотографії з родинного архіву, репродукції картин, листівки й привітання тощо. Їх використання не тільки дозволило проілюструвати оформлений текстовий матеріал, але і прислужилося джерелом для отримання уточнюючої інформації з різних питань. Крім того, були вивчені та використані пам'ятки матеріальної культури. Серед них треба зазначити; архітектурні споруди та металеві бони сім'ї Фальц-Фейнів [16].

Історія перших членів роду Фальц-Фейнів оповита великою кількістю напівлегендарних подій що передаються з покоління в покоління, часто не знаходячи підтвердження у джерелах і документах. Найбільша кількість суперечок виникає з приводу особистості Іоганна Фейна, який першим з'явився на території сучасного Півдня Украї-

ни. Після проведення аналізу наявного історіографічного матеріалу та джерел з цієї проблеми, стає зрозумілим, що першим Фейном у Росії був машинобудівник Іоганн Георг Фейн з Саксонії (1773 – 1824). У 1807 р. на запрошення Таврійського губернатора А.М. Бороздіна він прибув до Катеринослава для участі в заснуванні текстильних і суконних фабрик як фахівець цієї справи. Він та його старший син Фрідріх стояли біля витоків майбутнього роду та заклали основи економічного добробуту родини. Саме Ф.Фейн придбав у власність маєтки Елізабетфельд, Преображенка, Чорномор'є, Павлівка, Асканія-Нова (за різними оцінками йому належали близько 215.833 дес. власної та 88.754 дес. орендованої землі). Крім того, Ф. Фейн став основоположником меценатських і патріотичних традицій цієї сім'ї. Пізніше, його донькою Єлизаветою Фальц-Фейн були куплені маєтки Іванівка, Гаврилівка, Михайлівка, Чірик, Денкельчик, Успенка, Даровка, Максимівка, Александрівка, Веселе тощо. Всі придбання земельної власності, зроблені першими Фейнами, заклали основу майбутньої великої сільськогосподарської «імперії».

Після смерті Ф.Й. Фейна, указом від 7.12.1864 р. «Для збереження імені померлої без потомства чоловічої статі Фрідріха Фейна, як прекрасного діяча Новоросійського краю, дозволити чоловікові його дочці Івану Фальцу з подальшим потомством іменуватися прізвиськом Фальц-Фейн». Через декілька років сім'я Фальц-Фейн звернулася до Правлячого Сенату з проханням про зарахування у спадкові почесні громадяни. Цей процес був складним для родини Фальц-Фейнів й проходив у два етапи. У 1872 р. було прийнято рішення «возвести Єлизавету Фальц-Фейн з вищезазначеним сімейством у спадкове почесне громадянство та видати їй встановлену на це звання грамоту з художніми прикрасами». На початку ХХ ст. представники третього покоління родини Фальц-Фейнів отримали спадкове дворянське звання Російської імперії. Отримання дворянства було поділене на два етапи, при яких спочатку спадкове дворянство отримав Олександр Фальц-Фейн з дружиною та дітьми від другого шлюбу (1913 р.), а потім його мати Софія Фальц-Фейн та його брати Фрідріх, Карл, Густав, Микола, Володимир (1914 р.). Під час революційних подій більшість представників цього роду емігрувало за кордон. Кінцевою датою існування роду на Півдні України можна вважати 1919 р. – рік трагічної загибелі С.Б. Фальц-Фейн, яка не схотіла покинути свою «імперію» і була вбита. Загалом рід Фальц-Фейнів на Півдні України був представлений чотирма поколіннями, які зробили помітний внесок в розвиток регіону.

Головним напрямком діяльності Фальц-Фейнів було сільське господарство. Перш за все, саме завдяки ньому Фальц-Фейни стали відомі не тільки в Російській імперії, а й в країнах Європи. Вони були відомі як крупні господарі з передовими, зразковими маєтками, а також як «королі вівчарства» на півдні країни. У веденні господарства Фальц-Фейни завжди спиралися на різні винаходи, новітні технології й технічні винаходи, застосовували їх та удосконалили відповідно до місцевих особливостей. До моменту жовтневих подій 1917 р. сім'я володіла величезними земельними наділами (понад 10 великих маєтків) на території Таврійської і Херсонської губерній. Крім того, поза Півднем України Фальц-Фейнам належали маєток Налібоки у Віленській губернії, маєток Любча на кордоні Білорусії й Польщі.

Вплив Фальц-Фейнів на підвищення економічних показників регіону відбувався опосередковано через розвиток власних економій та підприємств. Фальц-Фейни передусім були крупними поміщиками регіону, господарство яких переважно зорієнтовувалося на товарний і промисловий розвиток вівчарства. У маєтках розвивалися всі галузі сільськогосподарського виробництва – уже згадане вівчарство, розведення великої рогатої худоби, конярство, свинарство, птахівництво, і, навіть, така галузь, як верблюдарство. Кінні заводи та велика рогата худоба Фальц-Фейнів були відомі по всій території Росії. Тварини, що вирощувалися на цих заводах, одержували високі оцінки експертів на різних міжнародних, всеросійських і регіональних виставках. Їх потомство продавалося за досить високими цінами, приносячи власникам чималі прибутки.

На початку ХХ ст. господарство було частково переорієнтовано на землеробство, але і тут Фальц-Фейни досить швидко досягли високих результатів. Вони проводили експерименти із сівозмінами, вибираючи найбільш оптимальний для даного регіону. Система господарства була перелоговою з суворим чергуванням культур. Фальц-Фейни збирали високі урожаї.

Для ведення величезних за своїми масштабами господарств потрібна була сила-силенна службовців. У маєтках працювали як постійні, так і сезонні робітники. Постійні робітники разом зі своїми сім'ями проживали на землях економій, одержували платню, користувалися угіддями, а також мали соціальні гарантії (їм надавалася медична допомога в лікарнях економій і фельдшерами при збереженні платні на час хвороби, діти робітників отримували освіту в школах тощо). У маєтках Фальц-Фейнів існували спеціальні лавки, сільськогосподарська продукція в яких для службовців відпускала за найнижчими цінами при збереженні високої якості. Для робітників й службовців будувалися квартири, для неодружених вони мали вигляд казарми. Заробітна плата була чітко визначена залежно від статі, віку та виконуваної роботи. Наприклад, в Асканії-Нова працюючий чоловік одержував у середньому 130 крб., а жінка – 65–67 крб. Сезонні робітники наймалися зазвичай на ярмарку в Каховці для проведення літніх та осінніх сільськогосподарських робіт. Ставлення до сезонних робітників також було підкреслено гуманним. Для них в економіях були створені необхідні санітарні та житлові умови. Оплата праці чоловіка сезонника становила в середньому 60–65 крб., жінки – 35–40 крб., підлітків на сезонну працю не наймали. Деякі види сільськогосподарських робіт оплачувалися за підрядним тарифом. Наприклад, у маєтку Преображенка оранка однієї десятини пари коштувала 1 крб. 75 коп., боронування після першої оранки – 1 крб. 50 коп., скосити і зв'язати одну десятину – 4 крб. На зимовий час також іноді були потрібні додаткові робітники, але, природно, в значно менших кількостях. Зимова заробітна плата їх практично не відрізнялася від літньої.

Видача заробітної плати в маєтках, швидше за все, до початку ХХ ст. здійснювалася жетонами власного карбування.

Все своє господарство Фальц-Фейни вели відповідно до новітніх досягнень науки і техніки. У них одних з перших з'явилися багато сільськогосподарських машин (сівалки, молотарки, трактори та ін.), які проходили випробування і доопрацювання відповідно до місцевих умов. Фальц-Фейни були піонерами у використанні на Півдні України новинки сільськогосподарської техніки провідних фірм-виробників, таких як: "Рустон-

Проктор”, ”Ланц”, ”Флейшер”, ”Сакк”, ”Гена”, ”Дірінг”, ”Асборна”, ”Мосей Гаріс”, ”Трієр Гейда”, ”Мак-Кормік”, ”Клейтон”, ”Гарр-Скотт”, ”Адванс”, ”Покард” і ”Делеге”.

Представники роду Фальц-Фейнів були активними учасниками досліджень, які сприяли розвитку в деяких галузях сільського господарства. Наприклад, вони були одними з перших, хто спробував вирішити проблему епідемії сибірської виразки, яка тисячами голів скорочувала стада сільських господарів, а також саме в їх маєтках було вперше впроваджено штучне запліднення в кінорозведенні. Воно було здійснено відомим дослідником професором І.І. Івановим в Асканії-Нова, а надалі поширилося і в інших маєтках Фальц-Фейнів й інших господарів краю.

Фальц-Фейни були володарями декількох промислових підприємств. В основному вони були направлені на те, щоб переробляти продукцію власних економій. У переліку таких значаться – цегельно-черепичні заводи, борошномельні підприємства, лісопилки, шерстемийні, обладнані всіма можливими технічними новинками майстерні. Проте, одне підприємство – фабрика консервів С.Б. Фальц-Фейн стала відомою не тільки в межах Росії, але і за кордоном. Продукція цієї фабрики мала широкий попит і мала свій фірмовий знак якості – логотип «золота рибка на велосипеді». Крім усього іншого це підприємство здійснювало постачання для збройних сил Росії.

Розвиток сільського господарства і промисловості не можливий був без налагодженого зв'язку й комунікацій. Саме тому Фальц-Фейни дуже рано включилися в процес телефонізації своїх маєтків. Крім того, для підвищення якості зв'язку вони відкривали у своїх маєтках поштові контори і обладнували їх телеграфом. Крім того, практично у всіх маєтках Фальц-Фейнів існували станційні пункти, на яких видавалися коні з поштових земських кінних станцій. Відкриття пошти, будівництво телефонних і телеграфних ліній сприяло розвитку комунікацій в регіоні, покращувало та підвищувало якість зв'язку між окремими частинами повітів і губерній. Особиста вигода, здавалося б, підвищувала рівень життя навколишніх територій.

Транспорт – ще одна стаття витрат Фальц-Фейнів. Річ у тому, що, представники цього роду були серед перших, хто придбав автомобілі й не лише легкові, але і вантажні. Поява легкового транспорту значно покращувала й прискорювала приватно-транспортний зв'язок між маєтками. Займалися вони і розв'язанням питання щодо проведення залізничної гілки у своєму регіоні. Природно, що Фальц-Фейни переслідували, передусім, власні інтереси. Однак поява залізничної гілки з'єднала б віддалений регіон із центральною лінією, поліпшивши тим самим сполучення в краї. Вершиною транспортного забезпечення в цій сім'ї стало створення приватного порту Хорли. Усього за кілька років він став одним з найбільших експортерів зерна на Чорному морі. Сюди приходили судна під прапорами провідних торговельних держав того часу. Крім того, порт Хорли здійснював також і пасажирські перевозки, для чого було відкрито спеціальне пароплавання з агентством в Одесі. Розглядаючи транспортні питання, необхідно відмітити, що Фальц-Фейни завжди цікавилися перспективними напрямками. Новітнім науково-технічним напрямом на той час була авіація. Один з представників цього роду Ол.Ол. Фальц-Фейн може по праву вважатися її піонером. Він розробляв і конструював нові моделі аеропланів. Уміння й навички, набуті Ол.Ол. Фальц-Фейном під час пробних польотів на аеропланах власних конструкторів, згодилися йому під час воєнних дій у роки Першої світової війни, коли

йому вдалося врятувати російську військову частину від оточення армією Маккензена в Галичині завдяки здійсненню швидкого зв'язку між командуванням армією та оточеною частиною.

Величезні прибутки цієї сім'ї дуже часто прямували на добродійні заходи. Добродійність Фальц-Фейнів охоплювала багато сторін життя суспільства. Фальц-Фейни ніколи не шкодували коштів на потреби земляків в сфері освіти та медицини, виступаючи організаторами нічліжок і притулків, а також займаючись меценатством. Неодноразово члени сім'ї обиралися на посади опікунів тих або інших установ і щорічно надавали грошову допомогу цим організаціям. Фальц-Фейни були почесними та дійсними членами наступних організацій: "Общества Херсонских врачей", "Общества для помощи бедным г. Одессы", "Одесского комитета попечительства о тюрьмах", "Общества Св. Магдалины", "Стурдзовской общины сердобольных сестер", "Таврического губернского попечительства детских приютов", "Херсонского губернского попечительства детских приютов", "Одесского городского попечительства детских приютов". Крім того, показано роль Фальц-Фейнів в якості попечителів різноманітних громадських закладів: "Ново-Троицкого больничного покоя", "Алешковской женской прогимназии", "Алешковского земского девичьего профучилища", "Алешковского городского училища с ремесленным классом", "Лукияновской сельскохозяйственной школы", "Симферопольского женского училища", "Херсонского реального училища", "Женской Армяно-Базарской гимназии".

Представники роду Фальц-Фейнів неодноразово допомагали населенню у скрутні часи. Наприклад, у 1891 р. Ф.Е. Фальц-Фейн пожертвував 1.000 пудів жита, а С.Б. Фальц-Фейн 2.000 пудів на користь голодуючих Дніпровського повіту. І це були зовсім не поодинокі випадки в історії цього роду. Фальц-Фейни допомагали й земським організаціям. Наприклад, коли в 1900 р. у Дніпровському земстві порушили питання про потребу організації третього в повіті розплідника, Ф.Е. Фальц-Фейн безоплатно надав у розпорядження земства ділянку розміром 5 дес. поблизу свого маєтку «Чапли».

Внесок Фальц-Фейнів у соціально-економічний розвиток регіону був належно оцінений Російським імператором, коли майже всі представники цього роду були возведені в спадкове дворянство.

Аналіз участі Фальц-Фейнів в суспільній і політичній діяльності Півдня України дозволяє говорити про активність і всебічну зацікавленість різноманітними питаннями життя суспільства представниками цієї родини. Вони були активістами як організацій, що надавали задоволення і прибуток, так і тих, що своєю діяльністю сприяли поліпшенню політичної, соціальної, економічної обстановки в їх регіоні. Крім усього іншого, будучи дбайливими господарями, які завжди пересічно ставилися до природних ресурсів, Фальц-Фейни виступали як організатори й члени різноманітних природоохоронних товариств.

Працюючи гласними губернських і повітів земських зборів, Фальц-Фейни не були просто мовчазними свідками рішень, що там приймалися. Вони, спираючись на власний досвід, неодноразово вносили пропозиції щодо розвитку сільськогосподарських галузей в Таврійській і Херсонській губерніях. Фальц-Фейни брали участь у розгляді питань про соціальні перетворення: агітували за відкриття нових шкіл і

училищ, багато разів вносили добродійні пожертвування на потреби різних навчальних закладів, висували пропозиції з поліпшення медичного обслуговування, були ініціаторами досліджень, що проводилися земствами, виявляли зацікавленість до проблем людей інших віросповідань та національностей.

Активність Фальц-Фейнів як гласних земських зборів і популярність їх серед місцевого населення сприяла обранню одного з представників цього роду – В.Е. Фальц-Фейна – членом Державної Думи Російської імперії III скликання. Беручи участь в засіданнях Думи, В.Е. Фальц-Фейн голосував по різноманітним питанням і неодноразово підписував «законодавчих проекти», що сприяли якісним змінам у суспільно-політичному й соціально-економічному житті країни. В.Е. Фальц-Фейн входив до складу чотирьох думських комісій, а в продовольчій комісії під час перших двох сесій обіймав посаду секретаря.

Про популярність серед місцевого населення свідчить і той факт, що різні представники цієї родини неодноразово обиралися на посаду мирового судді. Ця адміністративно-судова інстанція не приносила Фальц-Фейнам ніяких прибутків, а тому участь у ній була простим прагненням представників цього роду до встановлення за допомогою власного авторитету справедливості в регіоні.

Окрім цього, будучи зразковими господарниками, Фальц-Фейни ставали членами різних природоохоронних і сільськогосподарських громадських організацій: "Императорского Санкт-Петербургского общества естествознания", "Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы", "Общества любителей природы в Харькове", "Московского общества охраны природы", "Природоохранной комиссии при Русском Географическом обществе" и "Таврического отдела Российского общества покровительства животным"; "Таврической ученой архивной комиссии", "Императорского общества сельского хозяйства Южной России", "Императорского Российского общества плодоводства", "Симферопольского отдела Императорского Российского Общества садоводства", "Новороссийского общества поощрения коннозаводства". Практично у всіх вони виступали як дійсні члени, надавали в розпорядження товариств свої напрацювання в галузі сільського господарства і природокористування. Найімовірніше, що багато товариств запрошували Фальц-Фейнів до свого складу як своєрідну «візитну картку».

Фальц-Фейни відрізнялися і значною суспільно-спортивною активністю. Вони були піонерами спорту в регіоні й всебічно сприяли розвитку цього напрямку громадського життя на Півдні України. Необхідно вказати, що участь представників цього роду в спортивних клубах Таврійської та Херсонської губернії приносила їм не лише естетичне задоволення і певне грошове збагачення, але й дозволяло заводити нові необхідні знайомства. На змаганнях або засіданнях спортивних клубів вони зустрічалися з людьми, які могли надалі виявитися корисними в бізнесі, а також діставали можливість у неофіційній обстановці дізнатися про погляди на питання, що їх цікавили, тих або інших визначних діячів губернії. Будучи різнобічно захопленими людьми, члени цієї родини з цікавістю займалися полюванням, яхтовим спортом, виставляли коней зі своїх стаєнь на скачках у різних містах Російської імперії, були членами Одеського аероклубу, перебували в Одеському автомобільному товаристві, Товаристві велосипедистів-любителів і сприяння фізичному вихованню дітей.

Своєрідною «візитною карткою» роду Фальц-Фейн є Асканія-Нова. Про існування й досягнення цього унікального заповідника заговорили вже сучасники його творця. Одне з найбільших господарств Новоросії, що займаються вовняним вівчарством, завдяки зусиллям Ф.Е. Фальц-Фейна стало осередком наукових досліджень у різних напрямках. Простий поміщик, пристрасно закоханий в природу, допитлива і зосереджена людина Ф.Е. Фальц-Фейн зумів розвинути в своєму заповіднику декілька наукових напрямів: акліматизації, гібридизації, штучного запліднення, одомашнення диких тварин, придатних для застосування в сільському господарстві. Крім того, на базі його заповідника здійснювалися досліді, пов'язані з кільцюванням птахів і селекцією тварин. В Асканії-Нова виводилися нові породи тварин, знаходили найбільш оптимальні умови для застосування в сільськогосподарському виробництві вже відомих диких і домашніх тварин. На базі заповідника з дозволу господаря були відкриті метеорологічна станція, зоотехнічна і фото-лабораторія, відділення дослідної станції з вівчарства Петровської сільськогосподарської Академії, бібліотека, музей, майстерня для виробництва чучел.

У ботанічному саду вивчалися особливості вирощування різних порід дерев і кущів, привезених з різних географічних зон, в умовах підденноукраїнських степів. У створення його було вкладено немало коштів і людських зусиль. Саме завдяки цьому ботанічний сад своїм плануванням і дизайном привертав до себе увагу, будучи пам'ятником природи свого часу і сьогодення.

Особливо сторінкою в історії заповідника може по праву вважатися заповідування ділянок цілинного степу. Досліді, що проводилися над цими ділянками, постійне спостереження за ними дозволили зробити цікаві висновки про розвиток рослинності, визначити умови, під впливом яких змінюється зовнішній вигляд степу, а також фактори, за яких вже ніколи неможливе повернення степу до первісного виду. На базі цих ділянок проводилися і ентомологічні дослідження.

Саме заповідник, створений Ф.Е. Фальц-Фейном, став базою для формування у подальшому двох крупних науково-дослідних інститутів – Біосферного заповідника «Асканія-Нова» ім. Ф.Е. Фальц-Фейна та інституту тваринництва степових районів ім. М.Ф. Іванова.

Таким чином, комплексний аналіз та синтез вивчених джерел та матеріалів дозволяє дійти висновку, що впродовж близько столітньої історії діяльності роду Фальц-Фейнів на Півдні України ними був зроблений значний внесок в розвиток та процвітання різних галузей господарства в регіоні, соціальна та суспільно-політична діяльність представників цього славетного роду сприяла підвищенню рівня життя населення Таврійської та Херсонської губерній. Фальц-Фейни завжди були у перших лавах просвітянського, соціального, культурного, спортивного руху. Вони намагалися прищепити найбільші досягнення науки та техніки на теренах Південної України. Їм вдавалося запровадити до свого господарства найновіші досягнення науки і техніки. Фальц-Фейни сприяли вивченню степового краю, допомагали науковому його вивченню.

Список літератури

1. Скальковский А.А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы, составленные в 1859 г. А.А.Скальковским / А.А. Скальковский. – СПб., 1865. – 181+25 с.; Скальковский А.А. Овцеводство и торговля шерстью в Новороссийском крае / А.А. Скальковский. – Одесса, Б.г. – 14 с.; Подоба И.Г. Нечто о паразитах и кружении у овец с указанием пре-

- дохранительных мер. С приложением двух гравированных таблиц с рисунками / И.Г. Подоба. – Херсон, 1871. – 63 с.; Подоба И.Г. Тонина мериносовой шерсти. Микроскопическое исследование. С 20 литогр. таблицами / И.Г. Подоба; имп. Вольное экономическое об-во. – Херсон, 1881. – 45 с.+20 таб.; Дерягин Н.Н. Цыгайское овцеводство, уход за ними и торговля шерстью в России / Н.Н.Дерягин. – М., 1896. – 49 с.; Линке И. Овцеводство в Южной России / И. Линке. – СПб., 1882. – 50 с.
2. Гибер-фон-Грайфенфельфельс А.В. Коневодство и коннозаводство в имениях наследников Фальц-Фейна Таврической губернии Днепровского уезда / А.В. Гибер-фон-Грайфенфельфельс. – Перекоп, 1903. – 21 с.
 3. Алехин В. Аскания-Нова – замечательный оазис в степях Таврической губернии / В.Алехин // Вестник воспитания. – 1912. – № 1. – С. 192–215; Депп Н. Несколько слов о зоологическом саде Ф.Э. Фальц-Фейна / Н. Депп // Естествознание и география. – 1898. – № 3. – С. 62–67; Иванов М.Ф. Акклиматизационный зоологический сад Ф.Э. Фальц-Фейна в Аскании-Нова Таврической губернии / М.Ф. Иванов // Естествознание и география. – 1911. – № 3. – С. 1–19; Козлов П.К. Аскания-Нова (Чапли). Первые опыты акклиматизации животных в России / П.К. Козлов. – Петроград, 1915. – 43 с.; Козлов П.К. Государственный заповедник «Аскания-Нова» / П.К. Козлов // Вестник знания. – 1928. – № 17. – С. 843–849; Козлов П.К. Государственный заповедник «Аскания-Нова» / П.К. Козлов // Вестник знания. – 1928. – № 15. – С. 755–761; Куницкий Р.В. Сказочный оазис / Р.В. Куницкий // Природа и люди. – 1911. – № 1. – С. 6–7; Куницкий Р.В. Сказочный оазис / Р.В. Куницкий // Природа и люди – 1911. – № 2. – С. 26–27; Мокржецкий С.А. Несколько слов об акклиматизационном зоологическом парке в Аскании-Нова Ф.Э. Фальц-Фейна / С.А. Мокржецкий. – Севастополь, 1911. – 14 с.
 4. Алехин В. Некоторые новые сведения относительно растительности Аскании-Нова / В. Алехин // Труды Ботанического сада имп. Юрьевского ун-та. – Т. 13. – 1910. – С. 192–196; Пачоский И. Заметки о флоре Днепровского уезда Таврической губернии / И. Пачоский. – Одесса, 1912. – 31 с.; Пачоский И. Материалы для флоры северной части Таврической губернии / И. Пачоский. – Одесса, – 59 с.; Прохоров Н. Девственная степь Аскания-Нова / Н. Прохоров // Мат-лы по изучению русских почв. – СПб., 1906. – Вып. 17. – С. 45–59.
 5. Гребень Л.К. История Асканийского овцеводства (по архивным материалам) / Л.К. Гребень // Бюлл. Зоотехнической опытной и племенной станции в госзаповеднике «Чапли» (бывшая Аскания-Нова). – 1928. – № 4. – С. 16–65.
 6. Гребенник Т.А. О некоторых аспектах деятельности представителей семьи Фальц-Фейнов и Скадовских в Херсонском земстве / Т.А. Гребенник // 36. наук. праць Міжнародної наук. конф. Фальцфейнівські читання 25–27 квітня 2001 р. / Херсонський держ. ун-т. – Херсон, 2001. – С. 45–47.
 7. Пиворович В.Б. Металлические бонны Фальц-Фейнов / В.Б. Пиворович // Летопись Причерноморья. – 1999. – № 3. – С. 105–115.
 8. Борейко В.Е. Аскания-Нова: тяжкие версты истории (1826 – 1993). Документально-публицистическое исследование / В.Е. Борейко. – К. : Киевский эколого-культурный центр, 1994. – 157 с.; Борейко В.Е. История заповедного дела в Украине / В.Е. Борейко. – К. : Киевский эколого-культурный центр, 1995. – 184 с.; Борейко В.Е. История заповедного дела в Украине. Изд. 2. / В.Е. Борейко – К. : Киевский эколого-культурный центр, 2002. – 272 с.; Борейко В.Е. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, Царской России и СССР (1860 – 1960). – Т. 2 / В.Е. Борейко – К. : Киевский эколого-культурный центр, 1995. – 224 с.; Рябко В.М. Аскания-Нова в решении научных проблем / В.М. Рябко. – Херсон, 2007. – 504 с.; Рябко В.М. Истоки, достижения и перспективы науки в Аскании-Нова / В.М. Рябко, В.М. Туринский – К. : Аграрна Наука, 2001. – 256 с.
 9. Ганкевич В.Ю. Развитие ангалт-кетенской колонии Аскания-Нова (1830 – 1832 гг.) / В. Ю. Ганкевич // Мат-лы II Межвузовской нау.-теор. конф. «Социально-политические и культурные проблемы современности» 24 апреля 2009 года. — Симферополь : ДИЙАПИ, 2009. – Вып. 2. – С. 14–17.

10. Плеская-Зебольд Э.Г. Одесские немцы. 1803 – 1920. / Э.Г. Плеская-Зебольд. – Одесса : Изд-во «ТЭС», 1999. – 520 с.; Шляхов О.Б. Судновласники і моряки Азово-Чорноморського басейну (90-ті рр. XIX ст. – 1914 р.) / О.Б. Шляхов. – Дніпропетровськ. – 2003. – 366 с; Валько С.С. Благодійність та благодійники Дніпровського повіту / С.С. Валько // Таврійський Степ (Мій Край). Альманах. – Каховка. – К. : ЗАТ «Таврійські Ігри», 2000. – С. 7–22.
11. Drücke A. Ascania Nova. Die Geschichte einer kolonie Anhalts in Süd-Russland / A. Drücke. – Halle : Hofbuchdruckerei von C.A. Kaemmerer & CO, 1906. – 63 s.
12. Prinz A. Askania-Nova in der Nogaier Steppe vor Halbinsel Krim Heimatbuch der Deutschen aus Russland / A. Prinz // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – 1957. – № 4 – S. 79–84; Prinz A. Die Familie v. Fals-Fein / A. Prinz // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. – 1957. – № 4 – S. 84–86.
13. Maas A. Man glaubt, in einem Märshelände zu sein. Zum ökonomischen Aufstieg und zur soziokulturellen Integration der sächsischen Familie Falz-Fein in Russland 1807–1914 / A. Maas. – Dresden & Thelem, 2004. – 138 s.
14. ДАХО. – Ф. Р – 4097. – Оп. 1. – Стр. 253. – Указ Александра II, решение Сената Российской империи о разрешении носить фамилию Фальц-Фейн и присвоении Е. Фальц-Фейн и ее детям звание потомственных почетных граждан [копии, присланные ЦГИА] [1864 – 1872]. – арк. 1, 4, 7.
15. РДІА. – Ф. 1343. – Оп. 36. – Стр. 25924. Правительствующего Сената Департамента Герольдии дело о дворянстве Фальцфейна. Слушали 5 сентября 1913 года. [28.05.1915 – 11.06.1915]. – арк. 1; РДІА. – Ф. 1343. – Оп. 36. – Стр. 25925. Правительствующего сената Департамента герольдии дело о дворянстве Фальцфейн слушано: 22 мая 1914 г. [2.04.1915 – 11.06.1915]. – арк. 1
16. Задерейчук А.А. Внесок роду Фальц-Фейнів у соціально-економічний та суспільно-політичний розвиток Півдня України : дис. ... канд. іст. наук : 07.000.01 / Алла Анатоліївна Задерейчук – Сімферополь, 2010. – С. 19–29.

Задерейчук А. А. Вклад рода Фальц-Фейнов в социально-экономическое и общественно-политическое развитие юга Украины / А. А. Задерейчук // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спец-выпуск «История Украины» – С. 50–61.

В статье речь идет о роде Фальц-Фейнов, который проживал около столетия на юге Украины. Приводятся данные о деятельности представителей этого рода в экономической, социальной, политической, общественной жизни региона. Оценивается вклад рода в развитие юга Украины.

Ключевые слова: Фальц-Фейны, немцы, сельское хозяйство, овцеводство, Хорлы, промышленность, земства, благотворительность, Аскания-Нова.

Zadereyhuk A. Contribution of Faltz-Fein family to the socioeconomic and socio-political evolution of the South of Ukraine in the beginning of XIX century – 1919 / A. Zadereyhuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 50–61.

The thesis is article to a complex analysis of living and activities of Faltz-Fein family members in the South of Ukraine in XIX – early XX centuries. Using of numerous sources in combination with the synthesis of historiographic legacy on the actual problem provides the basis to consider this family members' contribution to the socioeconomic and socio-political evolution of the region to be outstanding and special.

Keywords: Faltz-Feins, Germans, agriculture, sheep breeding, Khorly, industry, zemstvo, benefaction, Askania-Nova.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК: 94 (477)(=112.2) «186/191»

УЧАСТИЕ НЕМЦЕВ В РАБОТЕ ЗЕМСКИХ ОРГАНОВ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ, КАК ПРИМЕР МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Задерейчук И.А.

*Крымский юридический институт,
Одесского государственного университета внутренних дел, Симферополь, Украина
E-mail:zadereyчук@rambler.ru*

В статье раскрываются особенности деятельности немцев в земских органах Таврической губернии. Проанализированы основные виды их деятельности в земских комиссиях, принимая участие в обсуждении и голосовании вопросов выносимых на заседание.

Ключевые слова: немцы Крыма, земства, история самоуправления.

Современное мировое политическое развитие связано со многими проблемами. В последние годы актуализируется тема межцивилизационного и конфессионального противостояния. Ряд западных политиков открыто выступают, в частности, против мусульманского мира. Они видят в нем основной источник международной угрозы. При этом агрессивно настроенные политические силы выпускают из поля зрения как минимум два обстоятельства. Первое заключается в том, что недопустимо видеть в лице исповедующих ислам врагов христианского мира. Второе, в мировой истории существует примеры межнациональной гармонии и сотрудничества, как например, в Крыму. Именно Крым на протяжении веков формировался как полинациональный и многоконфессиональный регион. Подтверждением тому могут быть результаты переписи населения проведенной в 1939 г. Согласно им на полуострове проживало: русских – 558481, крымских татар – 218879, украинцев – 154123, евреев – 64452, немцев – 51299, греков – 20652, болгар – 15344, армян – 12923, представителей других национальностей – 30096 тыс. человек [1, с. 203].

Такая пестрая национальная палитра, сложившаяся на полуострове к середине XX в., вызывает значительный интерес у исследователей. К сожалению, большинство проблематик, затронутых в последние десятилетия, посвящены изучению каждой национальности в отдельности. Результат – это отсутствие комплексного исследования, которое раскрыло бы все стороны сосуществования этнических групп Крыма. Цель статьи заключается в привлечении внимания ученых, а также общественных и политических деятелей, к проблематике межконфессиональной и межнациональной толерантности. Примером этого может служить деятельность земских учреждений Таврической губернии. При этом для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, показать отношение населения полуострова к земским учреждениям, на примере немцев; во-вторых, выявить и проанализировать примеры межэтнического и межконфессионального диалога, активное участие в котором принимали выходцы с германских земель.

Общеизвестно, что крымские земства по своему национальному и конфессиональному составу были неоднородные. Активное участие в их работе принимали русские, украинцы, немцы, крымские татары, исповедовавшие христианство и ислам. Например, среди 30 гласных Симферопольского уездного земства в 1903-1906 гг. было 10 русских, 7 татар, 5 немцев [2, с. 2-3], а в 1906 – 1909 гг. на 30 гласных приходилось 9 русских, 8 татар, 6 немцев [3, с. 2 – 3.]. Несмотря на полиэтничный состав земств, а подобная ситуация была характерна и для других уездов Таврической губернии, работа в этих органах местного самоуправления была плодотворной. Среди активных участников земского движения выделялись представители немецкой этнической группы Крыма. Именно их бескорыстная деятельность может служить прекрасным свидетельством самоотверженного труда на благо крымской земли.

Особенно стоит подчеркнуть, что крымские немцы стояли у истоков земского движения. В этой связи необходимо отметить деятельность: Даниила Осиповича Люстиха (1866–1875 гг. земство Перекопского уезда) [4]; потомственного почтенного гражданина Франца Петровича Шнейдера принимавшего активное участие в работе Симферопольского земства с момента его открытия в 1867 и до 1893 г. [5]; Густава Ивановича Фальц-Фейна (с 1870 по 1890 г. земство Днепровского уезда), и его племянника Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна, который работал с 1891 по 1917 гг. Кроме того, необходимо также назвать – Филиппа Филипповича Шнейдера (1891–1906 гг.) [6, с. 96], а также Ф.М. Шлее, Ф.Г. Глеклера, Г.И. Мейера, Ф.Ф. Киблера, Г.И. Безлера, Ф.Ф. Шнейдера, П.А. Шрейдера, Г.Г. Оберлендера, А.Я. Кайзера, Л.Г. Гауфлера, Г. Я. Шпехта и др. [4].

Находясь в земствах, немцы выступали с различными инициативами, которые имели практическое воплощение. Например, гласный Перекопского земства Г.Г. Оберландер в 1885 г. поднял вопрос о назначении определенной суммы для закупок необходимых учебно-методических пособий для педагогов уезда. В результате прений, которые возникли по этому предложению, было принято следующее решение: во-первых, выделить 25 руб. Перекопскому училищу на приобретение учебных пособий с их безвозмездной передачей наиболее бедным ученикам этого учебного заведения; во-вторых, добавить в земскую смету 200 руб. на приобретение пособий для учителей сельских школ. Отдельно необходимо подчеркнуть факт единогласного голосования гласных по поднятому Г.Г. Оберландером вопросу [7, с. 155].

В 1896 г. гласные Симферопольского уездного земского собрания рассмотрели доклад управы о снабжении книгами библиотеки Бахчисарайской земской школы на сумму 50 руб. Е.Э. Кесслер выступил с заявлением о критическом состоянии всех школьных библиотек, поэтому предлагал увеличить пособие до 200 руб. и выписать книги для всех школ [8, с. 57 – 58]. Эта инициатива Е.Э. Кесслера была поддержана также Ф.М. Шлее, Ф.Ф. Шнейдер и другими гласными. Принятое постановление предусматривало выделение 200 руб. и внесение в смету отдельной статьи для финансирования в будущем школьных библиотек. Кроме того, управе делегировалось право распределения книг по своему усмотрению [8, с. 58].

Еще одним свидетельством участия немцев в решении проблемных вопросов, отнесенных к компетенции земств, может служить обсуждение обеспечения безземельных татар земельными наделами. В 1885 г. Перекопское земство рассмотрело доклад «О безземельных крестьянах Перекопского уезда». В возникших прениях

приняли участие все гласные. В частности Г.Г. Оберландер заявлял, что «общеизвестно в каком бедственном положении находятся безземельные крестьяне, а особенно татары; помочь им прямая обязанность земства». Результатом дискуссии по этому докладу стало принятие ходатайства к правительству страны об отводе вакуфных земель для поселения безземельных татар. Именно в этом гласные видели реальную возможность улучшения материального положения мусульман уезда [7, с. 169-170].

Приведенные примеры являются ярким свидетельством коллективного участия гласных в решении наиболее насущных проблем волновавших крымское общество конца XIX в. При этом дискуссии, которые возникали в ходе рассмотрения вопроса были направлены на принятие наиболее сбалансированного постановления, а не для отстаивания интересов какой-то определенной национальности или же конфессии.

На протяжении всего времени деятельности крымские земства уделяли значительное внимание вопросам, связанным с улучшением сельского хозяйства в регионе. Так, например, гласные Г.И. Майер и П.Г. Корнис, а также уездный агроном Л.Г. Гейнрих были активными участниками агрономического совещания, проводимого земством в 1912 г.

Результатом его работы стало принятие таких решений как создание в Борлактаме агрономического центра, а в селении Ишунь Перекопского уезда опытного поля для изучения солончаковых почв. Также постановили стимулировать создание и ведение показательных полей и участков, при этом лучших хозяев планировалось поощрять выдачей премий семенами, машинами и орудиями. Предусматривалось также акцентировать внимание на улучшение полеводства, как главной сельскохозяйственной отрасли, на распространении черного пара и введение посевов кормовых трав.

Земцы осознавали, что благополучие крымской деревни напрямую зависит от технического состояния крестьянских хозяйств. С целью улучшения ситуации с обеспечением сел сельскохозяйственным инвентарем и передовыми достижениями селекции на совещании было принято решение с 1913 г. увеличить объемы кредитования [9, с. 138–141].

Еще одним важным направлением деятельности крымских земств была забота о медицинском обслуживании крымчан. Ярким примером тому может служить деятельность Марии Матвеевны Шлее-Люстих – заведующей Кронентальской земской больницы. Чтобы представить масштабы ее деятельности необходимо обратить внимание на тот факт, что только в 1897 г. в стационаре проходило лечение 141 человек. Всего же за год была предоставлена помощь 5215 больным [10, с. 48 – 55.]. В сферу обслуживания больницы входило 4 волости. О профессионализме М.М. Шлее свидетельствуют слова гласного В.В.Конради. Он утверждал, что в лице Марии Матвеевны он впервые увидел земского врача, который пользовался любовью и уважением, так как ни один другой врач [11, с. 68]. Эти слова гласного подкрепляются фактами активного участия М.М. Шлее в работе Симферопольского врачебного совета существовавшего при уездном земстве.

18 сентября 1896 г. М.М. Шлее выступила с докладом на заседании врачебного совета. Ее выступление было посвящено актуальной по тем временам проблеме, а именно – оспе. В частности М.Шлее предлагала: во-первых, увеличить весной 1897 г. число оспопрививателей для поголовного осмотра и прививки оспы жителям и, во-

вторых, она считала, что реальной мерой которая могла бы усилить оспопрививания могла стать обязательная прививка оспы школьникам всех национальностей [8, с. 79–80]. Прочитанный доклад вызвал значительный интерес у всех членов врачебного совета. Большинство голосов было принято решение просить управу ходатайствовать перед земским собранием об издании постановления об обязательности прививки оспы школьникам. Кроме того, обязать администрацию школы требовать от родителей вновь поступающих детей представления свидетельства о прививке.

На заседаниях врачебного совета М. Шлее поднимала и другие актуальные по тем временам проблемы медицинского состояния уезда. Например, именно она выступила инициатором разработки и внедрения в реальную жизнь программы медицинского обучения деревенских баб-повитух. Мария Матвеевна предложила устроить при губернском родильном доме курсы по обучению деревенских повитух некоторым элементарным приемам акушерства и гигиены, которые по возвращению в свои деревни, могли бы на практике применять полученные знания.

Результатом рассмотрения данного вопроса стало принятие решения о ходатайстве перед губернской земской управой об учреждении при Симферопольских богоугодных заведениях фельдшерско-акушерской школы. Кроме того, в этой школе планировалось ввести учебную программу, по окончании которой выпускницы были бы в состоянии самостоятельно производить акушерские операции у тех женщин, которые не желают обращаться к врачам мужчинам. Естественно, что подготовка профессиональных женщин-акушеров позволила бы улучшить состояние медицинского обслуживания в первую очередь женщин-татарок, которые в силу ряда особенностей культуры и религии не обращались к врачам мужчинам. На этом обстоятельстве особенно акцентировали внимание участники врачебного совета во время принятия ходатайства к земству. [8, с. 56].

Немцы-гласные также часто выступали по вопросам связанным с медицинским обеспечением населения полуострова. На протяжении длительного времени в Симферопольском земстве велась дискуссия вокруг установления фиксированного времени приема больных в земских приемных покоях. Благодаря настойчивости Ф.М. Шлее земское собрание в 1903 г. приняло решение, обязавшее земских врачей принимать приехавших больных из других селений во всякое время даже, когда они находились дома [12, с. 35].

Яркими примерами участия немцев в обеспечении населения медицинским обслуживанием может служить инициатива Ф.Ф. Шнейдера. Он в 1905 г. выступил в поддержку больницы «Детской помощи» благодаря чему Симферопольское земство постановило назначить пособие в размере 1000 руб. в год [12, с. 13–14]. Другой известный общественный и земский деятель немец А.Д. Люстих предложил земскому собранию уступить в с. Курмане свой дом для больницы на 10 кроватей со всем необходимым инвентарем и квартиру для врача бесплатно. Такая инициатива была поддержана земцами [13, с. 125].

Крымские земства также уделяли пристальное внимание вопросам улучшения ветеринарного обслуживания. Не последнюю роль в развитии этого направления играли немцы, которые ко второй половине XIX в. завоевали среди окружающего населения авторитет в качестве специалистов в области земледелия и скотоводства.

Немцы часто выступали с инициативами, а также поддерживали те доклады, которые были направлены на улучшение ситуации с обеспечением крымских сел ветеринарным фельдшерским обслуживанием. Понимая не возможность одновременного решения этой проблемы из-за отсутствия необходимого количества кадров, земцы предлагали свой выход. В первую очередь они заботились об увеличении количества ветеринарных участков. Среди сторонников поиска выхода из сложившейся ситуации были и немцы. В 1905 г. Ф.Ф. Шнейдер поддержал инициативу Симферопольской земской управы об учреждении в с. Бахчи-Эли 3-го ветеринарного участка [12, с. 39]. В 1906 г. он выступил с предложением установления частых разъездов ветеринарных фельдшеров по селениям. Поднятый во время сессии земства Ф.Ф. Шнейдером вопрос нашел понимание и поддержку среди других гласных. В ходе дискуссии постановили обязать фельдшеров разъезжать не менее двух раз, а врачу одного раза в месяц по территории уезда [14, с. 34–36].

Участники земского движения Крыма в большинстве своем были людьми, которым судьба населения полуострова не была безразличной. Земцы не забывали об организации помощи жителям Крыма в годы различных бедствий. В 1903 г. гласные Н.К. Ревелиоти, Ф.Ф. Шнейдер и барон А.К. Врангель обратили внимание Собрания на неурожай хлебов и безвыходное положение многих сельских обществ в Каралезской и Дувановской волостях Симферопольского уезда. Они настаивали на необходимости немедленной помощи пострадавшим посредством предоставления заработка и различных пособий. В ходе обсуждения вопроса было принято постановление о возбуждении ходатайства перед губернским собранием об изменении правил Александро-Мариинского капитала. Предлагалось выдать, помимо безвозвратных пособий населению, пострадавшему от природных бедствий еще и беспроцентные ссуды уездным земствам губернии на производство общественных работ, вызываемых неурожаями и другими бедствиями [2, с. 48–49].

Таким образом, гласные-немцы принимали активное участие в сессионных заседаниях земств. Они были постоянными участниками дискуссий вокруг вопросов связанных с развитием медицины, образования, строительства дорог. Одновременно немцы не принимали во внимание, какими национальностями заселена та или иная территория, находящаяся в компетенции земства.

Крымские земства являются красочным примером межнациональной гармонии. Именно с помощью диалога представители различных культур находили решение актуальных проблем для полуострова. При этом во внимание бралась необходимость оказания той или иной помощи конкретному учреждению, а не национальная или же конфессиональная подоплека вопроса.

Деятельность земств может быть прекрасным аргументом для отказа отдельными представителям этнических групп, которые выступают за предоставление квотных мест для национальных меньшинств в органах исполнительной и законодательной власти Крыма. Естественно, что в случае закрепления этого требования может возникнуть не только политическое противостояние. В этой связи, опыт земских органов полуострова является бесценным. Приведенные в статье данные указывают на то, что крымские земства являлись многонациональными по своему составу, а депутатский состав формировался по результатам победы на выборах.

Список литературы

1. Крим в етнополітичному вимірі / Ред. колегія І.Ф. Курас, М.І. Панчук, В.О. Котигоренко та ін. – К. : Світосгляд, 2005. – 568 с.
2. Постановления Симферопольского уездного земского собрания очередной XXXVIII очередной сессии 1903 г. с приложениями. – Симферополь, 1904. – 456 с.
3. Постановления Симферопольского уездного земского собрания очередной 41 очередной сессии 1906 г. с приложениями и чрезвычайным собранием 17 января 1907 г. – Симферополь, 1907. – 351 с.
4. Систематический свод постановлений Перекопского уездного земского собрания, Таврической губернии с 1866 – 1905 гг. включительно / Сост. Н.А. Бабенко. – Перекоп, 1910. – 140 с.
5. Постановления Симферопольского уездного земского собрания очередной XXVIII очередной сессии с 23 – 29 сентября 1893 г. с приложениями. – Симферополь, 1894. – 303 с.
6. Задерейчук А.А. Деятельность семьи Фальц-Фейнов в работе органов земского самоуправления Таврической губернии / А.А. Задерейчук // Вісник Чернігівського держ. пед. ун-ту ім. Т.Г. Шевченка. Сер. : історичні науки, №4. – Чернігів, 2006. – Вип. 34. – С. 95–98.
7. Журналы Перекопского очередного уездного земского собрания созыва 1885 года и чрезвычайного собрания в феврале 1885 г. – Симферополь: Тип. Спиро, 1886. – 334, 286 с.
8. Постановления Симферопольского уездного земского собрания очередной XXXI очередной сессии 1896 г. с приложениями. – Симферополь, 1897. – 261 с.
9. Журналы и постановления Перекопского 47-го очередного уездного земского собрания созыва 1912 года. – Перекоп, 1913. – 376 с.
10. Постановления Симферопольского уездного земского собрания очередной XXXIII очередной сессии 1898 г. с приложениями. – Симферополь, 1899. – 530 с.
11. Постановления Симферопольского уездного земского собрания очередной XXXIV очередной сессии 1899 г. с приложениями. – Симферополь, 1900. – 403 с.
12. Постановления Симферопольского уездного земского собрания очередной XXXX очередной сессии 1905 г. с приложениями. – Симферополь, 1906. – 525 с.
13. Журналы и постановления Перекопского очередного уездного земского собрания созыва 1893 г. и чрезвычайного уездного земского собрания созыва 16 декабря 1893 г. – Херсон, 1894. – 190, 112 с.
14. Постановления Симферопольского уездного земского собрания очередной 41 очередной сессии 1906 г. с приложениями и чрезвычайным собранием 17 января 1907 г. – Симферополь, 1907. – 351 с.

Задерейчук І.П. Участь німців у роботі земських органів Таврійської губернії, як приклад міжнародної співпраці / І.П. Задерейчук // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 62–67.

У статті розкрито особливості діяльності німці в земських органах Таврійської губернії. Проаналізовано основні види їхньої роботи в земських комісіях, прийняття участі в обговоренні та голосуванні питань, що включалися до порядку денного.

Ключові слова: німці Криму, земства, історія самоврядування.

Zadereychuk I.A. Participation of the germans in the work of land organs / I.A. Zadereychuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 62–67.

The peculiarities of germans activity in land organs of Tavricheskaya guberniya are disclosed here. The basic types of their activity in land commissions when they took part in discussion and voting of meeting questions are also analyzed.

Key words: Crimea germans, zemstva, history of self-government.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 001.73 – 512.1

**ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДВИЖЕНИЯ ЗА РЕФОРМИРОВАНИЕ
ПИСЬМЕННОСТИ ТЮРКО-МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ
(втор. пол. XIX – нач. XX вв.)**

Ильницкая О.И.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: ok_s_ana@mail.ru*

В работе рассматривается вопрос о появлении и развитии движения за реформирование тюркской письменности, о реформировании арабского алфавита.

Ключевые слова: джадидизм, тюрко-мусульмане, алфавит, реформирование, движение, просветительство.

Актуальность темы обусловлена проблемами реформирования арабского алфавита, долгое время волновавшие видных деятелей просвещения и культуры тюрко-мусульманских народов. Причин для этого было более чем достаточно, и, по-видимому, самая важная из них, это то, что арабский алфавит в том виде, в котором он дожил до начала XX в. перестал удовлетворять их все возрастающие культурные потребности. Поэтому, актуальность данной темы заключается в том, чтобы показать, как появляется и развивается движение за реформирование письменности тюркских народов втор. пол. XIX – нач. XX в. в., какие течения зарождаются в ходе реформирования арабского алфавита в этот период, и кто из видных деятелей внес большой вклад в реформирование арабского алфавита.

Целью данного исследования является доказательство того факта, что арабский алфавит являлся большим препятствием к широкому распространению грамотности среди населения и поэтому нуждается в реформировании.

Задача данной статьи рассмотреть процесс появления и развития движения за реформирование письменности тюрко-мусульманских народов во второй пол. XIX – нач. XX в. Особый интерес вызывает влияние этого процесса на крымскотатарский язык, который испытывал неудобство арабского алфавита. Необходимо показать и формирование двух течений в области реформирования тюркской письменности арабистов и латинистов.

Обзор источников и литературы: в работе использованы труды ведущих специалистов в сфере реформирования письменности тюрко-мусульманских народов. Среди них необходимо отметить исследования и литературу, авторами которых являлись азербайджанский просветитель, драматург и писатель М. Ахундов, иранский просветитель, публицист и дипломат М. Назимидевле. О необходимости срочной реформы арабского алфавита неоднократно отмечалось в газете «Герджиман» выдающимся крымскотатарским просветителем И. Гаспринским, а также татарским поэтом С. Рамиев в газете «Идеал». Неудобства арабского алфавита были отмечены

и гуманистами Средней Азии. Газета «Садойи Туркистон» неоднократно публиковала статьи, в которых поднималась важная проблема языка и орфографии. Понимая, что в этих источниках не было конкретной цели проследить весь процесс возникновения и развития движения за реформирование языков, тем не менее, именно эти источники являются ценным материалом для исследования, так как в них частично отражена и дискуссия по вопросам путей реформирования алфавитов тюрко-мусульман.

Среди исследований, которые касались отдельных аспектов проблемы, необходимо отметить труды Р.А. Лукьяшко «К вопросу о латинизации тюркских алфавитов», Е. Э. Бертельса «Из истории попыток реформы арабского алфавита», Ф. Агазаде, К. Каракашлы «Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения», а также Б. Змерзлого «Развиток системы просвітництва кримських татар у 1921–1941 рр.». В них отсутствует комплексный анализ процесса появления и развития движения за реформирование письменности тюрко-мусульман во второй половине XIX – начале XX вв. Тем не менее, отдельные сюжеты позволяют правильно понять некоторые важные аспекты этого процесса.

Тюрки давно замечали, что арабский алфавит не совсем соответствует фонетике их языка, но особенно ярких протестов и активных выступлений, разумеется, не встречается в истории тюрко-татарских народов. Очевидно, алфавит, освященный исламом, действительно воспринимался как нечто священное. Положение это оставалось без перемены до второй половины XIX века, когда впервые появилась открытая критика арабского алфавита со стороны азербайджанского просветителя, драматурга и писателя Мирза-Фаталы Ахундова (1812 – 1878). Он, в свое время, впервые познакомил тюркские народы с произведениями зарубежной и русской литературы, сам был автором комедий, большинство его произведений переведено на французский, немецкий, английский, русский, и персидский языки. К тому же, М.Ахундов прекрасно знал восточные языки и арабский алфавит [1, с. 17–23; 2, с. 5].

Пытаясь разобраться в причинах экономической и культурной отсталости в развитии мусульманских народов своего времени, М.Ахундов пришел к убеждению, что арабский алфавит является большим препятствием к широкому распространению грамотности среди широких слоев населения и потому нуждается в реформировании. После чего М. Ахундов приступил к составлению проекта реформы арабского алфавита.

В 1857 г. М. Ахундов написал книгу о необходимости реформы исламского (т.е. арабского) алфавита. В 1863 г. он приехал в Константинополь, где и представил свое произведение великому визирю Фуад-паше. По его предложению книга была рассмотрена на турецком ученом совете, где все приводимые автором доводы были одобрены, но издание книги не разрешили. Турецкие ученые находили, что и в проекте М. Ахундова буквы сливаются между собою. Были и другие затруднения, которые проект не устранял. На это просветитель возражал, что в таком случае будет рациональнее всего, упразднить арабский алфавит, перейдя к европейскому методу письма, т.е.: писать с лева на право, без диакритических знаков, подобно латинскому письму, и ввести буквы для гласных звуков [1, с. 20]. Однако это предложение не

разделялось стамбульскими учеными и визирем. М. Ахундов не достиг цели, вернулся обратно, получив в награду орден Меджидие.

Неудача не смутила просветителя. Вернувшись в Тифлис, он написал другую книгу и отправил ее в Тегеран. В ней, опасаясь сопротивления духовенства, он не упоминал о направлении письма. Однако и в Тегеране не обратили внимания на его предложение, ставшее предметом споров между либералами и консерваторами Константинополя.

Третью книгу М.Ахундов выслал новому турецкому визирю Али-паше, приложив к ней критику Саави-Эфенди. Но и эта попытка осталась безрезультатной.

Разочарованный просветитель говорил: «да будет тысяча раз жаль, что главные руководители исламских народов не могут постичь всего того, какую важную роль играет перемена алфавита. Они не могут понять вопроса, который яснее дня. Они считают необходимым проводить всякую реформу; соглашаются провести железные дороги, телеграфные линии, строить пароходы, всякое сооружение, но не хотят реформировать алфавита, тогда как он является основой всех реформ» [1, с. 20].

Над вопросами реформирования арабского алфавита М.Ахундов работал более десяти лет, но никаких практических результатов не смог добиться. Когда он умер в 1878 г., шейх-уль-ислам и другие муллы отказались хоронить его по мусульманскому обряду, как богохульника и вероотступника. Идеи и деятельность М.Ахундова по достоинству были оценены его соотечественниками только в 20-х гг. XX в.

Вторым лицом, обратившим внимание на недостатки арабского алфавита, стал иранский просветитель, публицист и дипломат Мирза-Мальком-хан Назимидевле (1833/4 – 1908) (псевдоним – Наземод-Доуле) [2, с. 46]. Он был армянин по национальности, получил прекрасное образование. Кроме арабского, персидского и тюркского языков, М. Назимидевле знал некоторые европейские и, благодаря этому, играл в персидском дипломатическом корпусе заметную роль, занимая весьма ответственные посты при дворах разных стран. Девизом его жизни стали слова: «Благо человечества вообще, благо персидского народа в частности» [3, с. 88].

Арабский алфавит, который был распространен в Персии, занимал его так же, как М.Ахундова в Азербайджане. По этому поводу он указывал следующее: «Над этим вопросом я бился больше 25-ти лет. Живя в исламских странах, я 30 лет изыскивал пути прогресса и на каждом шагу находил новое доказательство, что исламские народы могут прогрессировать лишь тогда, когда захотят приспособить свой алфавит к требованиям времени и европейской техники» [1, с. 23].

Слова эти взяты из предисловия к «Гулистану», выпущенному им в Лондоне на особом реформированном шрифте [1, с. 23-24]. Кроме этого, он написал на персидском языке еще две книги, посвященные вопросам алфавита: «Шейх и визирь» и «Мабдаи таракки» («Начало прогресса»).

М. Назимидевле изложил в своих книгах множество ценных фактов, относящихся к критике арабского алфавита, некоторые турецкие писатели вступали с ним в диспут, отвергая его идеи. М. Назимидевле оставалось идти на компромисс: он решил выпустить в Лондоне «Гюллистан» (соч. Шейх-Садди на персидском языке). Для этого был отлит особый шрифт из букв арабского алфавита с диакритическими знаками. Все преимущество этой работы состоит в том, что в тексте были использо-

ваны знаки вместо гласных букв, а на полях книги тот же самый текст набран с помощью гласных букв, что, безусловно, было большим нововведением для того времени [4, с. 10].

Однако в Персии никто не обратил внимания на его предложения и они, фактически, не получили практического осуществления.

Из числа персидских сановников следующим последователем М. Ахундова являлся Мирза-Риза-хан, бывший персидский генеральный консул в Тифлисе, персидский посланник в Константинополе, поэт и дипломат, активно общавшийся с многими выдающимися людьми своего времени, в том числе с Львом Толстым (Роллан Р. Ответ Азии Толстому [Собр. соч., т. XIV, Л.: Время, 1933]). Он тоже интересовался проблемами реформирования арабского алфавита. В то время, в годы его работы в Тифлисе, в армянской газете «Мшак» и в русской газете «Голос», вышли в свет статьи, в которых раскрывались проблемы использования арабского алфавита. На основе этих работ, упомянутые газеты предлагали принимать и учить детей в армянских и русских школах.

Эти идеи произвели сильное впечатление на Мирза-Риза-хана и он, находясь под влиянием М. Ахундова и М. Назимидевле, решился выпустить букварь для персидских детей на латинизированном алфавите под названием «Рисалеи-рушдие». В предисловии к нему, Мирза-Риза-хан приводил, между прочим, предложения газет «Мшак» и «Голоса» о принятии мусульманских детей в армянские и русские школы и заканчивает это следующими словами: «На наши недостатки обращают внимание посторонние народы и предлагают меры к искоренению этих недостатков, а между тем, мы сами на все это никакого внимания не обращаем и продолжаем вести беспечную жизнь» [1, с. 26].

Как и следовало ожидать, букварь остался без внимания; его никто не использовал. В тоже время, необходимо отметить, что именно Мирза-Риза-хан первым открыто поднял вопрос о полной замене арабского алфавита латинским для тюркских и иранских народов, он выступил в 1879 г. с проектом латинского алфавита (Alphabet Ruchdie) применительно к арабскому и тюркскому языкам.

Нельзя не отметить и попыток известного деятеля Закавказья Феридуна бека Кочарлинского, выступившего в 1898 г. в газете «Кавказ» (№№ 230, 238, 264) с рядом статей (на русском языке). В них он подробно анализировал все недостатки арабского алфавита, проявлявшиеся в случае его использования тюркскими языками.

Говоря о подвижниках реформирования арабского алфавита для тюркских языков, необходимо упомянуть известного азербайджанского публициста Мамед-Ага Шахтагинского (иное написание, встречающееся в литературе – Мемед-Ага Шахтагинский), который также много работал над идеей проведения реформы в арабском алфавите, хотя и неудачно [4, с.15-17].

Будучи по происхождению помещиком, он продал принадлежащее ему имение и на вырученные деньги основал газету под названием «Sharqie Rus» (Шарк Рус – Русский Восток). Через эту газету М. Шахтагинский проводил идеи раскрепощения женщины и реформы арабского алфавита. Предложенный им вариант был довольно оригинальным. Изменения состояло в том, что каждая из девяти арабских

цифр заменяла какую-нибудь гласную букву. Он их вводил в строку и ставил рядом с буквами [5, с.1].

Система эта была непрактичной и часто менялась изобретателем. Она вызвала большую дискуссию, в которой участвовали известные публицисты того времени, в том числе и И. Гаспринский. Однако И. Гаспринский был против этого нововведения и много писал по этому поводу в своей газете «Терджиман».

Истошив свои средства, газета М. Шахтагинского закрылась, похоронив с собой и идею замены гласных букв цифрами. После событий октября 1917 г., когда опять был поднят вопрос о замене арабского алфавита в Азербайджане, М. Шахтагинский перешел на сторону латинистов. Он разработал собственный проект, который, однако, не был принят.

И хотя идея М. Шахтагинского не привилась, ее главная мысль – введение гласных букв, позволила широким слоям учительства убедиться в том, что их наличие, изображаемых хотя бы в виде цифр, намного облегчат процесс чтения. Поэтому многие из учителей были на стороне введения гласных букв в текст письма, по образцу европейских алфавитов.

О необходимости срочной реформы азбуки, по крайней мере, для тюркских народов Российской империи, редакция газеты «Терджиман» неоднократно писала в 1887 и 1894 гг. В начале XX в. началась новая дискуссия. Крымские джадидисты поддерживали проект известного казанского просветителя муллы Ахмед Гади эфенди Максюдова. Любопытно отметить, что он прекрасно зная народное отношение к «азбуке Коран», понимал, что было бы «непрактично идти против симпатий народной массы» [5, с. 1]. А. Максюдов искал пути улучшения и облегчения механизма чтения и письма на основе существующей арабской азбуки. Позитивным в его предложении было то, что он коренным образом ничего не отклонял, предложенные изменения сохраняли базовую основу арабской азбуки. Так, А. Максюдов ввел существующие гласные литеры к строке и предложил 2-3 новые (но это тоже вызывало недовольство у наиболее радикально настроенных мусульман). Таким образом, выходила достаточно удобная азбука, способная воссоздать большинство фонетических особенностей тюркских языков.

По-видимому, поддерживая «проект» А. Максюдова, И. Гаспринский разместил на страницах тюркской части своей газеты несколько образцов

Среди реформаторов арабского алфавита можно также назвать и таких людей как: А. Ядыгаров, Ф. Кочарли, М. Шахтагинский, Г. Зардаби, Дж. Мамедкулизаде, А. Мухамадхан Увейси, С. Нафиси, Х. Досмухамедов, Н. Тюрякулов, М. Мурзин и др.

Первые ростки будущего движения за переход на латинскую графику среди предложенной транскрипции. Издатель считал, что такой вариант реформы имеет право на существование. По его мнению, предложение А. Максюдова было наиболее практичным и менее всех иных противоречило народным традициям [7, с. 1].

В предложенной джадидистами азбуке каждой букве соответствовал отдельный звук. И, кроме того, к обычной арабской азбуке добавлялись отдельные литеры, которые лучше отображали фонетику, чем это могло быть при использовании классической арабской азбуки. Введение такой прогрессивной методики привело к тому,

что срок обучения в начальных учебных заведениях мусульман сократился в несколько раз [6, с. 53].

Попытки реформировать используемый арабский алфавит отмечались и в Турции, где, как известно, бывший командующий турецкой Кавказской армии Гази-Мухтар-Паша организовал в Константинополе первое «Общество по реформе алфавита» [7, с. 106].

Неудобства арабского алфавита были отмечены и гуманистами Средней Азии. Так, газета «Садойи Туркистон» неоднократно публиковала статьи, в которых поднималась важная проблема языка и орфографии: «Мы крайне отстаем, – отмечал в своей статье Рауф Музаффар, – в вопросах языка и орфографии нашей литературы и периодической печати. Нет сводов правил литературного языка и орфографии. Более того, мы не смогли устранить изъяны в преподавании родного языка в новометодных школах» [10, с. 2]. Те же вопросы прослеживаются в статьях известного татарского поэта Сагита Рамиева, которые опубликованы в 1911 – 1912 годах в газете «Идел». А также известны его письма, написанные латинским шрифтом друзьям еще в 1907 – 1908 годах. Он же является автором проекта латинского алфавита, приспособленного для татарского языка [9, с. 67].

Таким образом, проблемы реформирования арабского алфавита долгие годы волновали видных деятелей просвещения и культуры тюрко-мусульманских народов. Причин для этого было более чем достаточно, и, по-видимому, самая важная из них, это то, что арабский алфавит в том виде, в котором он дожил до начала XX в. перестал удовлетворять их все возрастающие культурные потребности. Стало очевидно, что реформа арабского алфавита в том или ином виде становилась делом ближайшего будущего, другой вопрос насколько кардинальной она должна была стать.

Активная деятельность сторонников реформирования арабского алфавита во второй половине XIX в., хотя пока и не привела к комплексной алфавитной реформе, однако получила широкий общественный резонанс.

В процессе активизации действий в пользу реформирования арабского алфавита возникает движение, получившее название арабизм, в противовес другому - называемому латинизмом. Поэтому есть необходимость дать им определение и рассмотреть точки зрения каждой из сторон.

Клерикально-национальное течение, стремившееся к сохранению в тюрко-татарском мире исламских традиций вообще и арабской письменности в частности, в советской исторической и пропагандистской литературе, принято было называть «арабизмом» [10, с. 36]. Это течение не было однородно в своей сущности и состояло из двух основных групп.

В первую из них, в основном входило наиболее консервативное духовенство, не признававшее никаких изменений и реформ; что установлено шариатом, то, по их мнению, должно быть охраняемо и теперь и навеки веков – раз и навсегда. По мнению мусульманского духовенства, арабский алфавит считается неприкосновенным. Например, когда появилась в Бахчисарае учебная книга, составленная Исмаилом Гаспринским по звуковому методу, то духовенство подняло на ноги всех верующих, а казанские муллы выпустили брошюры, в которых проклинали автора, называя его «сатанинским».

Вторую группу течения арабизма представляют в основном представители националистически настроенных слоев тюрко-татарской интеллигенции. Они, находясь под чарующим впечатлением прошлой истории научного и культурного прогресса арабов, стремились создать из элементов старой культуры новые, похожие на современные европейские образцы. В частности, если европейцы создавали научную терминологию из корней слов древних латинского и греческого языков, то арабисты пытались делать тоже самое, только корнями для терминов у них служили не греческие или латинские слова, а «свои» – арабские или персидские.

Задача создать культуру по содержанию арабо-персидскую, а по форме европейскую – проводилась у арабистов во всех явлениях жизни скрупулезно, до мелочей. Лунное летоисчисление, индийские цифры, древние категории мер и весов и многое другое наследие старой культуры ставилось арабистами в противовес европейской.

Эта группировка арабистов особенно активно проявила себя в вопросах письменности, когда ставился вопрос о переходе с арабского на латинский алфавит. Они считали и практически доказывали, что дефекты арабского алфавита вполне устранимы, а потому нет надобности в его перемене. В связи с этим, представители данной группы арабистов первоначально были известны под названием реформистов, ислахистов, пока не стал вопрос о полной замене алфавита.

Но как только появились так называемые латинисты, то с того момента реформистов, вместе с представителями более консервативно настроенного духовенства, стали просто называть «арабистами». Необходимо упомянуть, что в стане арабистов находилось также большинство литераторов и авторов учебников, выпущенных на арабском алфавите. Они боялись, и небезосновательно, что многие из их произведений не будут напечатаны на новом алфавите и таким образом прекратят свое существование.

Таким образом, можно констатировать, что проблемы реформирования письменности тюркских народов, издавна использовавших арабский алфавит, со второй половины XIX в. все более обостряются, в том числе на фоне попыток реформирования национально-религиозной системы образования. В результате, к началу XX в. сложилось два основных, в сущности непримиримых, течения в области реформирования тюркской письменности.

Первая мировая война и последовавшая за ней гражданская несколько отодвинули практическую реализацию этого вопроса. Однако, период окончательного захвата большевиками власти на территории бывшей Российской империи и образование национальных государственных образований, несмотря на подконтрольность их Москве, – на первых порах послужил толчком для местной интеллигенции к продолжению настоятельных попыток разрешения данной проблемы в практической плоскости.

Список литературы

1. Агазаде Ф. Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения / Ф. Агазаде, К. Каракашлы. – Казань : Государственная объединенная типо-литография татполиграфа, 1928. – 133 с.
2. Змерзлий Б.В. Розвиток системи просвітництва кримських татар у 1921–1941 рр. / Б.В. Змерзлий. – Сімферополь : Энергия-Дельта, 2007. – 344 с.
3. Бертельс Е.Э. Из истории попыток реформы арабского алфавита / Е. Э. Бертельс // Культура и письменность востока. – Кн. 2. – С. 9–12.

4. Тюракулов Н. К вопросу о латинизации тюркских алфавитов / Н. Тюракулов // В борьбе за новый тюркский алфавит : сб. ст. – М., 1926. – С. 15–17.
5. Облегченная азбука / Терджиман. – 1321. – 28 раджаб.
6. Богданович И.О. Роль газеты “Терджиман” у пропаганді реформаторських процесів у мусульманській громаді Російської імперії (1883–1905 рр.): дис. кандид. іст. наук: 07.00.02. / И.О. Богданович. – Симферополь, 2002. – 207 с.
7. Лукьяшко Р.А. К вопросу о латинизации тюркских алфавитов. Этнические проблемы современности / Р.А. Лукьяшко. – Ставрополь, 2001. – С. 103–109.
8. Рауф Музаффар Г. Тил ва имло масаласи / Рауф Музаффар Г. Садоийи. – Туркистон. 1914.
9. Рэмиев С. Ник буташтыралар икэн. – Идел. – 1912. – 29 май; Курбатов Х. Татар теленең алфавит һәм орфография тарихы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. – 67 б.
10. Агазаде Ф. Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения / Ф. Агазаде, К. Каракашлы – Казань : Государственная объединенная типо-литография татполиграффа, 1928. – 133 с.

Ільницька О.І. Поява і розвиток руху за реформування письменності тюрко-мусульманських народів (др. пол.ХІХ – поч. ХХст.) / О. І. Ільницька // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 68–75.

В роботі розглядається питання про появу і розвиток руху за реформування тюркської письменності, про реформування арабського алфавіту.

Ключові слова: джадидизм, тюрко-мусульмани, алфавіт, реформування, рух, просвітництво.

Ilnitskaya O.I. Appearance and Development of motion for Reformation of the Turke-Mussulmen written language (the 2-rd half of the XIX – beginning of the XX-th) / O. I. Ilnitskaya // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 68–75.

A question about appearance and development of motion for reformation of the turkie written language is examined in work, about reformation of the Arabic alphabet.

Keywords: Juddidism, turkie-mussulmen, alphabet, reformation, flow, enlightenment.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 281.9+323.35:351.853 (477.75)

**ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО КРЫМА И ХЕРСОНЕС:
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА**

Калиновский В. В.

*Центр памятниковедения НАН Украины
E-mail: kalinovskiy@ukr.net*

В статье на основе архивных документов раскрываются взаимодействие выдающегося археолога К. К. Косцюшко-Валюжинича и руководителей Таврической епархии. Особое внимание уделено деятельности епископа Николая (Зиорова) и его стремлению влиять на ход раскопок и организовать отдельный музей христианских древностей.

Ключевые слова: Таврическая епархия, Херсонес, К. К. Косцюшко-Валюжинич, охрана памятников.

История археологического изучения Херсонесского городища во второй половине XIX – начале XX в., несмотря на активизацию научной работы в этом направлении в последнее десятилетие, по-прежнему изобилует белыми пятнами и не до конца решенными вопросами. Одним из них являются отношения многолетнего заведующего раскопками, члена Археологической комиссии и ряда других ученых учреждений, Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича (1847–1907) и таврического православного духовенства. Первой на их сложность обратила внимание российская исследовательница А. И. Романчук [1]. В работах профессора А. А. Непомнящего была дана характеристика вклада К. К. Косцюшко-Валюжинича в исследование Херсонеса и создание Склада местных древностей [2]. Публикации современных исследователей, в частности, екатеринбургского ученого А. В. Шаманаева [3], посвящены преимущественно конфликтам ученого с Херсонесским монастырем и в них практически не уделяется внимания его сотрудничеству с высшими лицами Таврической епархии. Целью данной статьи является показать все многообразие отношений К. К. Косцюшко-Валюжинича с преосвященными на основании выявленных нами в архивах Крыма и Санкт-Петербурга документов и материалов епархиальной периодики.

За время заведывания К. К. Косцюшко-Валюжиничем археологическими раскопками в Херсонесе (1887–1907), Таврическую кафедру занимали следующие преосвященные: Мартиниан (Муратовский), Михаил (Грибановский), Николай (Зиоров) и Алексей (Молчанов). С каждым из них отношения у археолога складывались по-разному.

Более других (1885–1897) епархией руководил преосвященный Мартиниан (в миру – Михаил Семенович Муратовский). Родился он в 1820 году в Казанской губернии в селе Муратове в семье причетника. В 1842 году он окончил Казанскую духовную семинарию. С 1877 года Мартиниан возглавлял Камчатскую епархию,

проводя активную миссионерскую деятельность среди иноверцев. В 1885 году епископ был переведен в Крым. При его непосредственном участии были проведены следующие мероприятия: освящение возрожденного Черноморского флота 6 мая 1886 года, торжества, посвященные 900-летию крещения Руси, освящение памятника Екатерине II в Симферополе 18 октября 1890 года, празднование 1000-летия Георгиевского Балаклавского монастыря 14 сентября 1891 года [4].

Именно благодаря стараниям Мартиниана был разрешен самый масштабный конфликт между монастырским руководством и археологом, произошедший в 1895–1896 гг. Начавшийся после разбивки служителями обители земельного участка под виноградник, без предварительного согласования с Археологической комиссией, спор обострился после начала раскопок в районе площадки у храма Св. Владимира. Для разрешения конфликтного вопроса архиепископ Мартиниан назначил 21 сентября 1896 года члена Таврической духовной консистории и Таврической ученой архивной комиссии протоиерея А. Г. Назаревского. При его участии 24 сентября 1896 года был составлен согласительный акт между настоятелем монастыря архимандритом Александром и заведующим раскопками К. К. Косцюшко-Валюжиничем [5]. Каждая из сторон обязывалась уважать чужое мнение и согласовывать предполагаемые земляные работы.

В 1897 году место Мартиниана занял Михаил (Грибановский), бывший до того Тульским викарием. Его пребывание в Крыму было недолгим. 19 августа 1898 года епископ Михаил умер от туберкулеза, не успев как-либо подействовать херсонесским раскопкам.

Новый, очень насыщенный событиями, этап в истории отношений иерархов с К. К. Косцюшко-Валюжиничем начался с назначения на Таврическую кафедру епископа Николая. Преосвященный Николай (в миру – Зиоров Михаил Захарович) родился 21 мая 1851 г., в семье протоиерея Херсонской губернии в г. Новомиргороде. Первоначальное образование он получил в дворянской Златопольской гимназии, а по окончании ее еще и в Одесской духовной семинарии. В 1875 году Николай окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия и 10 октября был назначен учителем Рязанской духовной семинарии. С 30 сентября 1883 г. он был исполняющим должность инспектора Вологодской духовной семинарии, а с 8 ноября 1885 г. – инспектором Могилевской духовной семинарии. 25 сентября 1887 г. будущий глава Таврической епархии принял постриг, 27 сентября рукоположен во иеродиакона, 1 октября – во иеромонаха и 16 ноября назначен ректором Могилевской духовной семинарии. 22 ноября 1887 г. Николай возведен в сан архимандрита. 30 мая 1889 г. он стал ректором Тифлисской духовной семинарии. Новое назначение произошло 29 сентября 1891 г., когда Зиоров был хиротонисан в епископа Алеутского и Аляскинского и отбыл в Северную Америку. 14 сентября 1898 г. он вернулся из США и был назначен епископом Таврическим и Симферопольским. 26 марта 1905 г. преосвященный был возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Тверским и Кашинским, но по состоянию здоровья на новую кафедру не поехал. С 8 апреля 1905 по 1908 год он находился на покое в одном из монастырей Таврической епархии. С 15 июля 1906 г. Николай состоял членом Государственного Совета от монашеского духовенства, куда был переизбран в 1912 г. Последним назначением в жизни иерарха стало случившееся 5 апреля 1908 г. назначение на Варшавскую и Привисленскую ка-

федру. Николай скончался 20 декабря 1915 г. в Петрограде. Был человек всесторонне образованный, одаренный богатыми способностями, прекрасно владевший даром слова, живой по темпераменту, учительный, непрестанно ревновавший о правде церковной и о благе своей паствы, убежденный и прямой, строгий и требовательный к сослуживцам и подчиненным и сердечно отзывчивый к бедным и обездоленным. В бытность свою в Рязани, Вологде, Могилеве и в Тифлисе работал во многих благотворительных учреждениях, попечительствах, братствах [6].

Вскоре после своего назначения, 21 июня 1899 г., епископ Николай приехал в Херсонес и в присутствии заведующего раскопками посетил Склад местных древностей, городище и часть некрополя. В книге для посетителей он оставил следующую запись: «Осматривал музей и скорбел, что у нас при Херсонесском монастыре доселе еще не сделано отделения для церковных вещей. Надеюсь, что со временем этот недостаток будет исправлен» [7]. Следует отметить, что эта идея стала для епископа Николая определяющей и не всегда способствовала поддержке взаимопонимания с Археологической комиссией.

Так, в 1901 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич не сумел своевременно начать раскопки по причине желания Николая о передаче всех церковных древностей, которые могут быть найдены, в учреждаемый христианский музей [8].

24 июня 1899 г. к владыке Николаю обратилось Одесское общество истории и древностей. Секретарь этой научной организации Алексей Иванович Маркевич сообщал, что еще 8 октября 1898 г. Общество просило настоятеля Херсонесского монастыря вернуть в свой музей те предметы, которые были найдены им при раскопках, проводившихся на субсидии от министерства народного просвещения и на собственные средства. Представитель ООИД также напоминал, что находки были пожертвованы обители для предполагаемого в свое время христианского музея в Херсонесе. Не получив ответа от руководства монастыря, Общество обращалась к Таврическому архиепископу с просьбой содействовать решению этого вопроса. Мотивами для возвращения находок были названы такие соображения:

1. Цель, для которой найденные вещи жертвовались монастырю, не осуществилась, об устройстве христианского музея речи не шло с тех пор, когда в 1888 г. ведение раскопками перешло в руки Археологической комиссии. С этого времени новые предметы в музей не поступали, а старые хранились в не самых удовлетворительных условиях.

2. Археологическую комиссию интересовали главным образом артефакты, найденные после 1888 г., и соединение монастырского музея со складом местных древностей не соответствовало ни интересам научного учреждения, ни интересам заведующего складом.

3. Знаменитая надпись Диофанта была затребована из музея Херсонесского монастыря для Эрмитажа. Усматривая в этом первый шаг к упразднению музея при обители, Общество считало нужным своевременно озаботиться, чтобы предоставленные им вещи не были высланы в другие музеи, и просило вернуть эти предметы в Одесский музей.

4. В связи с разрастанием Одесского музея и привлечением к нему внимания отечественных и иностранных ученых, а также с тем, что это учреждение обладает круп-

нейшей в Российской империи, после Эрмитажа, коллекцией южнорусских древностей необходимым виделось пополнение его фондов предметами из Херсонеса. Руководство Общества считало это безотлагательной потребностью с научной точки зрения.

А. Маркевич подчеркнул, что и по другим причинам упразднение музея при монастыре может являться желательным. На отношение Общества последовала следующая архипастырская резолюция: «Ответить, что я не могу отдать этих вещей в виду намерения открыть отделение церковного музея при соборе в Херсонесе» [9].

26 июня 1899 г. Таврический преосвященный обратился в Святейший Синод со следующим представлением:

«С 1888 года при Херсонесском Таврическом монастыре производятся раскопки членами Археологического общества, представитель которого – Косцюшко и живет при Херсонесском монастыре. Раскопки производятся очень удачно: в настоящее время уже пятая часть города обнаружена; открыты улицы, дома, храмы, а вместе с этим и множество весьма ценных вещей – не только в историко-археологическом смысле, но и как вообще святыни. До настоящего времени обнаружено 37 храмов; в одном из них найден престол, а под престолом ковчег с частицами мощей; находят кресты, кадилницы, разного рода сосуды, иконы и проч. Между тем все эти вещи, по усмотрению г. Косцюшко отправляются то в Эрмитаж, то в Москву, то в другие места. Случается так, что вещи берутся разрозненно, напр. серебряный ковчег отослан в Эрмитаж, а мощи, там хранившиеся, отданы в Херсонесский монастырь. Я полагаю, что подобное отношение к делу не может быть названо вполне научным.

Имея в виду все это, а также в целях охранения святыни, я полагаю бы устроить при Херсонесском монастыре особое хранилище для откапываемых святынь, и таковые ни под каким видом не отдавать в разного рода музеи. Если факт влияния Корсуна на Киевский период нашей истории и многое в нашей церковной жизни – неоспорим, то полагаю, что для нашей церковно-исторической науки не должно быть безразлично, где и как будут храниться такие драгоценные вещи, как те, которые были доселе найдены. Я полагаю, что в скором времени будут открыты еще более ценные предметы, если только мое предположение не ошибочно, что в открытых развалинах был монастырь, в котором жил архиепископ Херсонеса и где также была усыпальница епископов. Было бы желательно, в интересах церковной археологии, командировать сюда профессора Петербургской духовной академии Н. В. Покровского» [10].

В словах Николая обращают на себя внимание следующие моменты. Во-первых, ошибочно названа организация, занимающаяся проведением археологических раскопок в Херсонесе – вместо Археологической комиссии в представлении названо Археологическое общество. Во-вторых, глава Таврической епархии попытался монополизировать право на распределение христианских святынь Херсонесского городища, к отысканию которых монастырь не имел в то время прямого отношения. В-третьих, преосвященный Николай попытался, без предварительного согласования с Археологической комиссией, привлечь к участию в исследованиях других ученых. Неудивительно, что 6 октября 1899 г. на страницах газеты «Крымский вестник» по просьбе К. К. Косцюшко-Валюжинича появился материал, где ученый комментировал утверждения владыки. Карл Казимирович заявлял, что раскопки в Херсонесе ведутся Археологической комиссией и только от нее зависят

официальные командировки ученых для производства работ и их осмотра в Херсонесе. Исследователя удивляло, что в обход Комиссии, в Херсонесе вызывался известный знаток византийских древностей профессор Н. В. Покровский, который состоял в этой научной организации с 1892 г. Также заведующий раскопками отмечал, что «это же недоразумение на продолжительное время затормозит осуществление одного симпатичнейшего проекта, который одинаково затрагивает как интересы монастыря, так и Императорской Археологической комиссии» [11].

12 августа 1899 г. исполняющий обязанности обер-прокурора Синода сенатор В. К. Саблер обратился к министру императорского двора. Он сообщал о ходатайстве архиепископа Николая и о принятом по этому поводу решении Синода:

«Обсудив изложенное и признав учреждение при Херсонесском монастыре древлехранилища желательным, а с другой стороны приняв во внимание, что означенные раскопки проводятся по распоряжению Императорской археологической комиссии, Святейший Синод, определением 16-30 минувшего июля за №2822, постановил просить отзыва Министерства императорского двора, не признано ли будет возможным сделать распоряжение, чтобы священные предметы, находимые при раскопках, производимых Археологической комиссией близ Херсонесского монастыря, не были пересылаемы за пределы Таврической епархии, а оставлялись для хранения в учреждаемом при этом монастыре церковном древлехранилище» [12]. В. К. Саблер просил почтить его отзывом по указанному вопросу.

В своем обращении в канцелярию министерства императорского двора №1928 от 2 ноября 1899 г. председатель Археологической комиссии граф А. А. Бобринской указывал, что не стоит видеть в раскопках Херсонеса частную инициативу и работу на частные средства, что допускало бы критику со стороны непримечательных к исследованию лиц и их вмешательство в распределение найденных предметов по древлехранилищам государства. Руководитель Комиссии подчеркивал, что исключительно эта организация по высочайшему повелению занимается археологическим исследованием Херсонеса и, как правительственное учреждение, отчетывается в своих действиях исключительно перед высшей властью. В соответствии с этим был решен вопрос о распределении находок. Чтобы сделать полученный в ходе раскопок материал доступным более широкому кругу научных исследователей, необходимо было рассредоточить его в центральных музеях. Дубликаты и громоздкие вещи решено было оставлять в Херсонесе, для чего и был создан Склад местных древностей [13].

Выводы А. А. Бобринского для духовенства были неутешительны: «Учреждение при Херсонесском монастыре особого Музея для «священных предметов», предполагаемое преосвященным Николаем, представляло бы значительные неудобства. Не говоря уже о том, что Херсонесский монастырь вовсе не располагает научными специально подготовленными силами, которым могло бы быть вверено управление Музеем без ущерба для науки; нельзя не обратить внимание на то, что если бы в это Музей поступали все предметы церковного обихода в Херсонесе, этим еще сильнее раздроблялись бы находки и в значительной степени затруднялась бы научная их обработка. Наконец, нельзя не заметить, что предметов, являющихся действительно «святыней» для Православной церкви, в Херсонесе находится весьма мало. Создавать для них особый Музей представляется, по-видимому, излишним.

Если такие предметы будут находимы, то Императорская археологическая комиссия готова передавать их в Херсонесский монастырь для хранения их в ризнице храма Св. Владимира и в каждом отдельном случае будет испрашивать на то высочайшее соизволение. Во всяком случае, если и возможно в Херсонесе учреждение особого склада христианских древностей, то только в качестве отделения общего склада Императорской археологической комиссии и под единственным и непосредственным ведением лица, заведующего раскопками Херсонеса» [14].

Канцелярия обер-прокурора Синода обратилась в Комиссию 9 ноября 1900 г. с просьбой уведомить о последовавших распоряжениях по вопросу устройства христианского музея, на что 16 ноября 1900 г. последовало ответное отношение за №1922, которое повторяло выводы А. А. Бобринского [15].

Несмотря на отказ Комиссии реализовать пожелание архиепископа Николая, К. К. Косцюшко-Валюжинич, более других заинтересованный в компромиссном решении вопроса, подготовил так и нереализованный «Проект устройства Отделения музея для церковных предметов в нижнем помещении храма в память св. Владимира» [16]:

«На основании пункта 3го Высочайше одобренных предварительных предположений о мерах к сохранению остатков древнего Херсонеса, выработанных г. министром народного просвещения, г. обер-прокурором Святейшего Синода и г. председателем императорского Русского археологического общества и сообщенных севастопольскому градоначальнику «к точному и не уклонному исполнению» временным одесским генерал-губернатором 22го июня 1887 г. за №1744м: «для предметов найденных и имеющих быть найденными в Херсонесе должен быть устроен музей и охранение его вверено заслуженным ветеранам-воинам, под управлением специалиста-археолога», из чего ясно видно, что все, без исключения, древности, найденные, как во время систематических раскопок, производящихся с 1888 года Императорской Археологической комиссией, так равно и во время периодических раскопок, предпринимавшихся до 1888 года разными учеными учреждениями, обществами и лицами, должны храниться при местном музее, недостаточно обширное помещение которого препятствовало до сего времени перенесению в него тех древностей, которые, как найденные до 1888 года, временно хранятся при монастыре.

В настоящую минуту, благодаря просвещенному желанию Преосвященного Николая, епископа Таврического и Симферопольского, устроить при храме Св. Владимира в Херсонесе отделения музея специально для церковных вещей, является возможность привести в исполнение пункт 3ий Высочайше одобренных предположений, так как с перенесением в нижнее помещение храма церковных памятников, в нижнем помещении музея освободится много места для принятия из монастырского склада всех древностей, не предназначенных для составляемого отделения музея.

1. Учреждаемое при храме св. Владимира в Херсонесе отделение музея будет заключать в себе исключительно церковные вещи, как-то иконы; образки, кресты разного назначения, ставники, лампы, кадильницы, части всех этих вещей; мраморные переносные купели; надгробные памятники священнослужителей с надписями, а из архитектурных частей храмов небольшие мраморные капители с крестами, куски двустороннеорнаментированных иконостасных плит, подбор половой и стеновой мозаики и вообще не громоздкие, удобные для хранения внутри собора, архитектурные фрагменты.

2. Выбор памятников для отделения музея производится Императорской археологической комиссией, причем г-ну настоятелю монастыря предоставляется право просить Комиссию о передаче в отделение тех древностей, которые, по его мнению, неправильно оставлены при главном складе.

3. Для достижения возможно сильного впечатления на посетителя отделение музея должно стремиться не к нагромождению во множестве однородных вещей, но к наибольшему разнообразию, к правильному размещению предметов в шкафах, витринах и у стен и к содержанию их в безукоризненном порядке и чистоте.

4. При отделении должен продаваться в пользу монастыря печатный указатель всех памятников, составленный г. заведывающим раскопками и одобренный Императорской археологической комиссией.

Те из отцов, коим будет поручаемо заведывание отделением, обязаны при своих объяснениях строго руководствоваться этим указателем, без всяких, с их стороны, добавлений и предположений.

5. Дальнейшее расширение отделения музея зависит исключительно от Императорской археологической комиссии и может иметь место после обычного ежегодного распределения, найденных во время раскопок, древностей между Императорским Эрмитажем и историческими музеями.

6. Императорская Археологическая комиссия оставляет за собой право пересылать из отделения в Эрмитаж или в исторические музеи те из памятников, которые по их особенному значению, должны находиться при названных хранилищах.

7. Для всех ученых, учащихся и желающих специально изучать церковные древности, должен быть открыт свободный доступ к их описанию и к снятию с них фотографий, рисунков и эстампажей.

8. На обязанности г. заведывающего раскопками лежит периодическое посещение отделения музея, причем о всяких замеченных им отступлениях от утвержденных правил, он должен доводить до сведения г-на настоятеля монастыря.

9. На основании пункта 7-го акта, подписанного 27 сентября 1896 г. членом Таврической духовной консистории, протоиереем Назаревским; г. настоятелем Херсонесского монастыря, архимандритом Александром и г. заведывающим раскопками Косцюшко-Валюжиничем, все древности, все древности, случайно находимые при производстве хозяйственных работ в монастыре, должны быть передаваемы под расписку г-ну заведывающему раскопками. Правило это остается в силе и с открытием отделения музея и должно строго соблюдаться всей братией монастыря (*).

10. При отделении музея должна быть составлена библиотека, которая заключала бы в себе описание раскопок вообще и специальные труды наших ученых по церковным древностям. По стенам должны быть развешаны планы и виды главнейших христианских храмов, открытых в Херсонесе и фотографические снимки с важнейших памятников этой эпохи, хранящихся в столичных музеях.

11. Было бы желательно, чтобы при отделении продавались в пользу монастыря брошюры о Херсонесе, фотографические снимки и копии с древних образов и предметов, найденных при раскопках городища.

(*) Правило это ныне не соблюдается, и иеромонахом отцом Кириллом не представлена г-ну настоятелю монастыря для передачи г-ну заведывающему раскопками золотая монета Василия I и Константина IX, найденная на винограднике».

Поводом для новых разногласий между епископом Николаем и археологом стала статья А. Хазарского «Русская Троя» в газете «Московские ведомости». Журналист посетил Херсонес, пронаблюдал за ходом раскопок и пообщался с К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Внимание сотрудника газеты привлекло место остановки работ возле монастырской стены. Между ним и ученым произошел следующий диалог:

«– Но неужели монастырское начальство не интересуется раскопками? Ведь, в конце концов, даже сам монастырь обязан своей славой этим же раскопкам, открывшим предполагаемое место крещения Св. князя Владимира?»

– Да, монастырские тоже интересуются раскопками: в монастыре вы увидите скамьи, покрытые мраморными плитами, добытыми в развалинах Херсонеса, а монахи, бродя по развалинам, часто находят разные мелкие вещицы и сбывают их богомольцам...

– Но если бы вы поговорили с настоятелем – я не могу себе представить, чтобы просвещенный монах – именно монах – не пожелал бы содействовать, чем может, раскопкам, восстанавливающим один из трех-четырех известных миру древних городов, тем более, такой город, как Херсонес, представляющий своего рода археологический Пантеон: ведь здесь на языческом пласте лежит пласт христианский!.. Над развалинами храма Девы могут оказаться интереснейшие и важнейшие христианские развалины, между языческими урнами и стелами могут найтись древние иконы первых веков и даже – кто знает? – мощи свв. великомучеников, пострадавших здесь за веру?»

– Все это так, отвечал К. К. Косцюшко и вы напрасно думаете, что я не говорил с настоятелем монастыря: говорил я с ним и выставлял ему на вид всю важность, даже необходимость дальнейших раскопок именно с точки зрения христианской археологии, но ничто на него не действует...

– Так чем же он мотивирует свой отказ?»

– Разными техническими соображениями... Прежде всего, я говорил с ним о необходимости вести дальше траншею, которая открыла бы нам древнюю оборонительную стену Херсонеса и обнажила бы семейный склеп, который заключал в себе целый музей...».

Далее Карл Казимирович привел описание своего разговора с руководством Херсонесской обители, которое демонстрирует корыстные интересы духовенства в вопросе решения недоразумений в ходе ведения археологических работ:

«– Ну, вот слушайте: настоятель монастыря говорит мне:

– Вам нужна траншея, а мне нужна дорога, по которой въезжают в монастырь, а так как ваша траншея должна перерезать мою дорогу, то я вам и не разрешу ее продолжать...

– Так, ведь можно же мост выстроить через траншею, говорю я ему.

– А вот вы мне дайте денег на постройку этого моста – тогда и ройте... А что я вам мешаю – это я знаю, только это не моя вина: монастырь ведь не я строил... Дайте денег, я и траншею разрешу и даже монастырскую стену снесу!..» [17].

Возмущенный публикацией епископ Николай 24 октября 1902 г. обратился в Археологическую комиссию [18]. Он обращал внимание научного учреждения на следующее: «Сообщенные г. Хазарскому сведения о монастырских отношениях к г.

Косцюшке неверны и в высшей степени оскорбительны для меня. Я всегда с любовью относился и отношусь к науке вообще, и к истории с археологией в частности. Сам лично указал господину Косцюшко восемь мест в ограде монастыря для раскопок и, по его желанию, сделал даже это официально, в особой бумаге, на имя монастырского управления. Что касается скотного двора и монастырской гостиницы, которые г. Косцюшко желательно уничтожить или перенести на другое место, в целях сделать там раскопки, то я просил его повременить этим делом, ввиду того, что у монастыря теперь нет решительно никаких средств на такое большое дело, обещая в будущем перенести скотный двор на другое место. Впрочем, позволил ему даже прежде перенесения двора пройти плантажем усадьбу эту нынешним летом. К сожалению, г. Косцюшко этого не сделал, как не сделал раскопок и в указанных мной местах внутри монастырской ограды. Переносить же нам святые ворота и устроить мост, как это планирует г. Косцюшко, решительно невозможно, ибо это потребует больших денег. Все это было выяснено мной лично г. Косцюшко и я, поэтому, глубоко огорчен и оскорблен его сообщениями г. Хазарскому.

Кроме всего этого, считаю долгом обратить внимание Археологической комиссии еще на одно обстоятельство, требующее особого внимания – это на отношение г. Косцюшко к раскапываемым могилам христиан, а также и вообще к церковной святыне. Г. Косцюшко выбрасывает кости из могил прямо в мусор, забывая, что это по правилам святой церкви называется оскорблением святыни и влечет за собой отлучение от св. причастия на десять лет. В последнее время, докладывая при мне государю, что в катакомбах, им раскрытых, было 58 погребений первых христиан (и, быть может, священномученика Василия), он не сказал того, что все эти кости он святотатственно выбросил в мусор. А для нас, православных христиан, эти кости составляют святыню. Я просил бы поэтому Археологическую комиссию, чтобы она сделала распоряжение – впредь костей не выбрасывать куда попало, а собирать их в ящик и относить на монастырское кладбище, где они и будут предаваемы земле по христианским правилам. Желательно еще, чтобы вынимаемые в христианских храмах священные предметы, были извлекаемы руками священников и отдаваемы в монастырь на хранение, а не оставались бы в музее наравне с языческими реликвиями».

В ноябре того же года К. К. Косцюшко-Валюжинич ответил на все обвинения преосвященного Николая в своем письме в археологическую комиссию. Он отметил, что хотя фельетон А. Хазарского и написан на основании его слов, однако передает их в сильно искаженном виде и не содержит ничего оскорбительного для епископа. Археолог также уточнил, что все негативные высказывания относились к бывшим настоятелям монастыря, «явно враждебные отношения которых к делу раскопок всем хорошо известны и не раз осуждались самим преосвященным Николаем». Исследователь напоминал, что идея исследования Херсонесского городища принадлежит не духовному лицу, а лично ему, что подтверждается написанным К. К. Косцюшко-Валюжиничем заявлением от 1901 г. с резолюцией епископа относительно участков ведения работ и передачи будущих находимых христианских древностей в монастырское древнехранилище. Указывая на невозможность выполнения такого пожелания, заведующий раскопками также высказал мнение, что монастырь своими постройками и деревьями сильно затрудняет будущие работы, сро-

ки которых должна определять только Археологическая комиссия. Очень эмоционально Карл Казимирович высказался по поводу внезапности обвинений главы епархии, после положительной записи в книге для посетителей и самых лестных отзывов в беседе с митрополитом Антонием:

«И вдруг, после высочайшего обозрения того же храма, раскопка которого вызвала столь восторженный отзыв епископа, его преосвященство резко изменяет обо мне свое прежнее мнение и вместо ревнителя православия видит во мне ожесточенного средневекового татарина, «святотатственно выбрасывающего в мусор кости древних христиан»» [19].

Археолог отметил, что все находимые останки погребаются в специальной братской могиле. Также он уточнял, какие именно находки можно считать «священными древностями». Если все предметы церковной утвари и принадлежащие древним храмам, то, по мнению ученого, потребовалось бы создавать специальную систему раскопок. По словам К. К. Косцюшко-Валюжинича, за пятнадцать лет раскопок им был обнаружен всего один действительно «священный предмет» в – серебряный ковчег с мощами неизвестного святого, который был передан в собор Св. Владимира.

Представляет интерес вышеупомянутый отзыв епископа Николая о херсонесских раскопках, записанный в книге для посетителей музея в 1902 г.:

«С величайшим удовольствием и с глубочайшим интересом рассматривал вновь открытый храм с катакомбами и пещерами христианскими IV и V вв., пил и воду из колодца, которому более 1000 лет. Мыслью переносился в прошедшие века, когда здесь жизнь была ключом и люди славилы Бога одинаково с нами, живущими в XX столетии. Душа моя переполнилась самых возвышенных чувств при виде этой седой древности христианской культуры! Полагаю, что в интересах не только науки христианской, но и просто в целях воспитательных, следовало бы всю эту древность оградить и накрыть, дабы она предохранилась и от стихий природы и от действий людей невежественных.

Честь и благодарение К. К. Косцюшко за его труд на пользу науки; желательно бы видеть такое же отношение к сему делу и всех тех, кому дороги интересы православия кто сверх всего этого имеет еще власть и средства помогать доброму делу» [20].

6 октября 1902 г. глава Московского археологического общества графиня П. С. Уварова обратилась к императору Николаю II с запиской «о нуждах многострадального Херсонеса». В ней она указывала на недостаток мер по сохранению древностей, предпринимаемых К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Прасковья Сергеевна также крайне неодобрительно отзывалась о местной обители: «Главное несчастье Херсонеса – это существование на его развалинах монастыря, состоящего по обыкновению из подбора грубых, неграмотных, ничего не делающих и ни к чему не пригодных людей» [21]. Спасение памятников исследовательница видела в ликвидации обители и передачи всех ее построек в ведение археологических учреждений. В ответ на это заявление П. С. Уваровой, председатель Археологической комиссии А. А. Бобринской обратился с письмом к министру императорского двора В. Б. Фредериксу, где, в частности, подчеркнул, что в научном отношении Херсонес «переживает весьма блестящую эпоху» [22]. Не отрицая в деятельности монастыря отдельных моментов, негативно влияющих на исследование прошлого, руководитель археологической органи-

зации призвал найти компромиссное решение. Во многом таким решением стал составленный К. К. Косцюшко-Валюжиничем «Проект возможного благоустройства Херсонесских раскопок без нарушения интересов монастыря и военного ведомства, заключающийся в мерах охранения уже открытых сооружений и памятников и в выяснении плана дальнейших систематических исследований городища и некрополя» [23]. В этом документе высказывался ряд предложений по оптимизации ведения исследований. Основное пожелание Карла Казимировича было сформулировано следующим образом: «Нет, все еще может измениться к лучшему, если только монастырь будет существовать для Херсонеса, а не Херсонес для монастыря!» [24].

С назначением в 1905 г. на Таврическую кафедру архиепископа Алексия (Молчанова) отношения духовенства и К. К. Косцюшко-Валюжинича наладились. Вероятной причиной этого можно назвать теплую встречу с археологом во время первого визита Алексия в Херсонес. Между иерархом и ученым состоялся следующий диалог:

«Очень рад встретить Вас, как бывшего ректора духовной академии и потому могущего помочь делу нашей науки», сказал мне г. Косцюшко. «Да, да», – и ответил я [Алексий] ему, «как же, в аттестате имею круглую пятерку по археологии, недавно избран почетным членом Константинопольского археологического института, но все-таки у Вас буду снова учиться вашей науке» [25]. Действительно, в документах Археологической комиссии за это время не фиксируется жалоб заведующего раскопками на духовенство. Такое положение сохранялось до смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1907 г.

Таким образом, отношения К. К. Косцюшко-Валюжинича и Таврических иерархов складывались неоднозначно. Понимание необходимости охраны Херсонесского городища соседствовало с желанием монополизировать право использования находимых христианских древностей. Особенно ярко это проявилось во время руководства епархией преосвященного Николая (Зиорова). В это период было сделано несколько попыток взаимной организации раскопок и устройства церковного древлехранилища, которые, однако, не были реализованы. Тем не менее, в решении всех недоразумений прослеживается стремление К. К. Косцюшко-Валюжинича оптимизировать проведение археологических исследований, учитывая при этом мнение духовенства.

Список литературы

1. Романчук А. І. К. К. Косцюшко-Валюжинич, 1847–1907 рр. / А. І. Романчук // Археологія. – 1991. – № 2. – С. 111–121.
2. Непомнящий А. А. Розвиток історичного краєзнавства в Криму в 2-й половині XIX – початку XX століть : автореф. дис... канд. іст. наук / А. А. Непомнящий / 07.00.02 – історія України; Дніпропетровський держ. ун-т. – Дніпропетровськ, 1994. – 21 с.; Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века) : библиографическое исследование / А. А. Непомнящий / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2000. – 360 с.
3. Шаманаев А. В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в Государственном архиве города Севастополя / А. В. Шаманаев // Документ. Архив. История. Современность: Сб. научн. тр. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 4. – С. 251–261; Шаманаев А. В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870–1880-х гг. / А. В. Шаманаев // Там же. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 5. – С. 384–394.
4. Сердобольский А. Пятидесятилетний юбилей преосвященного Мартиниана, епископа Таврического и Симферопольского / А. Сердобольский // Таврические епархиальные ведомости. – 1892. – № 23. – С. 1129–1146.

5. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. 118, оп. 1, д. 2499, л. 1–36.
6. Российская национальная библиотека, отдел рукописей, ф. 102, ед. хр. 436, л. 65–65 об.
7. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив, рукописный отдел (ИИМК РАН НА РО), ф. 1, (1899 г.), д. 4, л. 122.
8. ИИМК РАН НА РО, ф. 1, (1901 г.), д. 5, л. 28.
9. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 2499, л. 34–35.
10. ИИМК РАН НА РО, ф. 1, (1899 г.), д. 197, л. 2 об–3.
11. Там же, л. 7–8.
12. Там же, л. 2–2об.
13. Там же, л. 9–9 об.
14. Там же, л. 10–10 об.
15. Там же, л. 11–12.
16. Там же, л. 5–6.
17. ИИМК РАН НА РО, ф. 1., (1902 г.), д. 2, л. 139.
18. Там же, л. 140, 140 об., 142.
19. Там же, л. 173–176.
20. Там же, л. 177.
21. Там же, л. 145–145 об.
22. Там же, л. 149.
23. Там же, л. 155–159.
24. Там же, л. 159.
25. Алексей. Первое мое знакомство с Таврической епархией: Путевые заметки / Алексей // Таврические епархиальные ведомости. – 1905. – № 12. – С. 846–853.

Каліновський В. В. Православне духовенство Криму і Херсонес: маловідомі сторінки історії дослідження пам'ятки / В. В. Каліновський // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 76–87.

У статті на основі архівних документів розкривається взаємодія видатного археолога К. К. Косцюшка-Валюжинича та керівників Таврійської єпархії. Особливу увагу приділено діяльності єпископа Миколи (Зіорова) і його прагнення впливати на хід розкопок і організувати окремий музей християнських старожитностей.

Ключові слова: Таврійська єпархія, Херсонес, К. К. Косцюшко-Валюжинич, охорона пам'яток.

Kalinovskyi V. V. Orthodoxy clergy of Crimea and Hersonissos: unknown pages of research facility / V. V. Kalinovskyi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 76–87.

The article, which based on archival documents, reveals interaction famous archeologist K. Kosciusko-Valyuzhinich and leaders of Taurical diocese. Particular attention is paid to the activities of Bishop Nikolai (Ziorov) and his efforts to influence the course of excavations and organize a separate museum of Christian antiquities.

Keywords: Taurical diocese, Hersonissos, K. Kosciusko-Valyuzhinich, protection of cultural heritage.

Поступила в редакцію 01.10.2010 з.

УДК 351.853:378.245

ПИТАННЯ ОХОРОНИ ІСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЇ СПАДЩИНИ УКРАЇНИ В ДИСЕРТАЦІЙНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ ОСТАННІХ РОКІВ

Кармазіна Н. В.

*Університет економіки і управління, Сімферополь, Україна
E-mail: karmazinanata@ukr.net*

У статті розкрито пріоритети сучасних історичних досліджень, враховуючи галузевий підхід. Здійснена спроба наукової класифікації дисертацій з питань охорони історико-культурної спадщини за проблемно-тематичною ознакою. Охарактеризовано дисертаційні дослідження на основі аналізу їх предмета, мети, основного змісту, наукової новизни й практичного значення.

Ключові слова: дисертаційні дослідження, охорона історико-культурної спадщини, пам'ятки історії та культури, пам'яткоохоронні проблеми, пам'яткознавство.

Одним з актуальних завдань духовного відродження України протягом років незалежності залишається питання збереження історико-культурної спадщини, яка «упродовж багатовікової історії українського народу зазнавала значних втрат. Загибель пам'яток спричиняли не лише природні фактори, тривалі і жорстокі війни. Їх цілеспрямовано нищили під час тоталітарного режиму, антирелігійних кампаній, вони гинули від порушення чинного законодавства в застійні часи. Доводиться констатувати, що законодавство і понині порушується, і то доволі масштабно» [1, с. 4].

Для вирішення пам'яткоохоронних проблем в Україні потрібно створити оптимальну концепцію збереження пам'яток історії та культури. Для цього необхідно переосмислити досвід, накопичений у цій галузі, розробити методологічні засади та переглянути законодавство. Підґрунтям для створення нової концепції дослідження і збереження історико-культурної спадщини можуть стати дисертаційні роботи останніх років, у яких розглянуто теоретичні проблеми пам'яткознавства, проаналізовано досвід роботи з охорони пам'яток державних та громадських організацій, окремих громадських діячів, аматорів. Звернення українських науковців до пам'яткоохоронних питань свідчить про наявність невирішених актуальних питань в цій галузі, а також надбань, які потребують аналізу та узагальнення.

Дисертаційні роботи, присвячені охороні історико-культурної спадщини, в залежності від цілі праці підрозділяються на дослідження, у яких розкрито сучасний стан справ в пам'яткоохоронній сфері та подано рекомендації щодо вирішення проблем галузі, використання пам'яток історії та культури (Андрес Г. О. [2], Демиденко О. О. [3], Жукова О. В. [4], Корнієнко В. В. [5], Манаєв О. Ю. [6], Худолей О. С. [7]), а також дослідження, де презентовано історію розвитку системи охорони культурної спадщини в різні історичні періоди в окремих регіонах України (Гаврилюк С. В. [8], Денисенко О. А. [9], Принь О. В. [10], Присяжнюк О. М. [11], Романовський В. С. [12], Чернікова І. В. [13], Хлівнюк О. В. [14], Ярошенко Є. С. [15]).

Треба виокремити дослідження, які розглядають охорону пам'яток в контексті розвитку історичного краєзнавства (Бесєдіна Н. В. [16], Ігнатенко М. М. [17], Каньоса А. М. [18], Кармазіна Н. В. [19], Поставника М. В. [20], Сеньківська Г. Я. [21], Щербина Н. Ф. [22]). Окрему групу складають дисертації про життя та діяльність відомих українських пам'яткоохоронців М. Біляшівського, О. Левицького, О. Новицького, Ф. Ернста.

Кандидатські дисертації, присвячені сучасному періоду мають спільний об'єкт та хронологічні рамки – історико-культурну спадщину, пам'яткоохоронну справу в умовах незалежності. Вирізняються ці роботи предметом та метою дослідження, тематичними компонентами яких і зумовлена структура робіт.

Мінлива суспільно-політична, соціально-економічна, культурно-освітня ситуація останніх років спонукає українських дослідників проаналізувати і виявити певні закономірності процесу трансформації у збереженні українських пам'яток. Дисертація Оксани Сергіївни Худолей «Трансформація пам'яткоохоронної справи у процесі становлення незалежної України (90-ті рр. ХХ – початок ХХІ ст.)» [7] присвячена теоретичним та практичним змінам, які відбулися в галузі збереження, охорони, реставрації, дослідження та використання нерухомих пам'яток України після здобуття нею державної незалежності, а також – перспективам розвитку цієї галузі. Базуючись на здобутках історіографії питання і маловідомих, але доступних джерелах, які дають можливість всебічно розглянути порушену проблему, авторка подає розлогу характеристику змін (трансформаційних процесів), які сталися в пам'яткоохоронній галузі України за період 1991–2007 рр.

В дисертації О. С. Худолей на підставі аналізу законодавчої бази охорони нерухомих пам'яток, реструктуризації органів вітчизняної пам'яткоохоронної справи, сучасних державних програм у галузі охорони культурної спадщини та державного забезпечення пам'яткоохоронної галузі України порівняно зі світовими нормами охорони нерухомих пам'яток робиться висновок, що зміни в офіційному (державному) забезпеченні цієї галузі відбулися на краще. У дисертації підкреслюється позитивна роль організаційної, науково-теоретичної, видавничої діяльності наукових установ та громадських організацій України в процесі становлення національної програми охорони нерухомих пам'яток.

В роботі О. С. Худолей наголошує на тому, що вирішення актуальних завдань пам'яткоохоронної справи в Україні на сучасному етапі (серед яких насамперед покращення становища її місцевих осередків) є гарантією її корисних трансформацій у наступні періоди. На це мають бути спрямовані зусилля держави й усіх громадян українського суспільства.

Кризова ситуація, в якій на сьогодні знаходиться пам'яткоохоронна галузь України в умовах трансформаційних процесів, актуалізує вивчення діяльності міжнародних структур у сфері охорони культурної спадщини. Світовий досвід дає можливість розробки практичних заходів збереження пам'яток історії і культури України, аналізу наявних і можливих форм співробітництва з міжнародними структурами та вироблення науково обґрунтованих пропозицій із подальшого вдосконалення і підвищення ефективності заходів охорони культурної спадщини України. Інтеграційні процеси в державній політиці охорони культурної спадщини України та реалі-

зація міжнародних вимог щодо пам'яткоохоронної справи на національному рівні розглянуто в дисертаційній роботі старшого наукового співробітника Українського центру культурних досліджень Міністерства культури і туризму України Ганни Олександрівни Андрес [2].

У роботі проаналізовано діяльність міжнародних організацій UNESCO, ICOMOS, Ради Європи та визначено напрями їх впливу на національну систему охорони культурної спадщини України. Авторка підкреслює, що Україна, як член UNESCO та Ради Європи, несе відповідальність перед світовим співтовариством за збереження національної культурної спадщини. В дослідженні аналізується історія становлення і динаміка розвитку співпраці України з міжнародними організаціями (у другій половині XX – на початку XXI століття), напрямком роботи яких є розробка вимог для вдосконалення системи охорони пам'яток держав-членів.

У комплексному дослідженні Г. О. Андрес на основі аналізу міжнародних нормативних актів, законодавства України, матеріалів діловодства та історіографії визначено основні напрями охорони пам'яток, що сформовані на міжнародному рівні. Авторка аналізує відповідність пам'яткоохоронної справи України світовим стандартам, визначає, що пристосування до міжнародних вимог має відбуватися з урахуванням національної специфіки. Г. О. Андрес не тільки визначено комплекс проблемних питань пам'яткоохоронної галузі України, що потребують удосконалення, а також запропоновано заходи щодо поліпшення стану охорони пам'яток.

Вперше у вітчизняній науці комплексно висвітлено проблему взаємовідносин історико-культурної спадщини та туризму з позицій самих пам'яток як основних складових екскурсійних маршрутів пізнавального туризму в дисертаційній роботі Корнієнко В'ячеслава Васильовича «Історико-культурна спадщина та її використання в туристичній сфері України (1991–2007 рр.)» [5]. На підставі комплексного вивчення джерел та літератури, а також отриманих в ході експедиційних досліджень результатів, автором проаналізовано практичний та теоретичний досвід пристосування пам'яток історії та культури України до функціонування в туристичній сфері. В результаті проведеної роботи складено реєстр пам'яток історії та культури національного значення, які є туристичними об'єктами. Були встановлені загальні чинники, які впливають на інтенсивність їх залучення до екскурсійних маршрутів і залежать від якостей самих пам'яток. Такими чинниками є високий рівень концентрації екскурсійних об'єктів, здатність пам'ятки на емоційному рівні впливати на глядача, наявність туристичної інфраструктури навколо кожного екскурсійного об'єкта. Відповідно до отриманих даних автором була сформована концепція найоптимальнішої форми перетворення складових історико-культурної спадщини на екскурсійні туристичні об'єкти. Суть цієї концепції полягає у створенні на основі пам'ятки тематико-експозиційного музейного комплексу з метою формування національної системи туристично-екскурсійних маршрутів.

Сучасний стан збереження і використання дванадцяти мурованих замкових комплексів XII – XVII ст., що збереглися понині на території Хмельницької області, подано у дисертаційній роботі Оленою Вікторівною Жуковою «Замкові комплекси XII – XVII ст. Хмельницької області на сучасному етапі: стан, проблеми збереження і використання». В роботі розглянуто процеси зародження та еволюція замкових

комплексів, висвітлено взаємозв'язок історичних подій і видатних особистостей, розкрито сучасний стан замків, рівень збереження та використання пам'яток фортифікаційного будівництва Хмельницької області. Авторка пропонує створити нові екскурсійні та туристичні маршрути, які б охоплювали всі замкові комплекси області, що дозволить зберегти напівзруйновані об'єкти, залучити їх до туристичної мережі України, популяризувати існуючі замки-музеї. О. В. Жукова обґрунтовує, що музеєфікація замкових комплексів є найефективнішим методом їх збереження в Україні. Вона визначає шляхи і методи її проведення, наголошує на тому, що слід відрізнити музеєфікацію пам'яток від пристосування під музеї: у музеєфікованій споруді колекції не розміщуються, вона сама набуває значення основного, а іноді єдиного експоната. Однак авторка занадто зосереджує увагу на теорії музеєфікації. Крім того, в роботі не чітко визначено хронологічні межі.

Роль державних органів влади, громадських організацій та наукових інституцій в увічненні козацтва та їх внеску у збереження пам'яток історії, археології та архітектури, пов'язаних з подіями козацької доби вивчено в роботі Ольги Олександровни Демиденко [3]. В дисертації з'ясовано основні напрями, форми, методи цієї діяльності та виявлено особливості пам'яткоохоронної роботи впродовж окремих етапів у різних регіонах країни. Автором виокремлено п'ять етапів увічнення та збереження пам'яток історії козацтва з середини 40-х рр. ХХ ст. до 2005 р., проведено систематизацію 1174 виявлених козацьких пам'яток за типами: замки, фортеці, монастирі, церкви, некрополі, одиночні поховання, зимівники, лінії укріплень, місця Січей, козацьких рад, битв, таборів, дислокації військ тощо.

О. О. Демиденко ретельно висвітлила підходи державних та громадських організацій до охорони козацьких пам'яток, однак мало уваги приділила діяльності зі збереження та увічнення козацької історії окремих аматорів, громадських діячів.

Наукова реконструкція розвитку пам'яткознавства в Автономній Республіці Крим протягом 1991–2006 років у контексті загальнодержавних пам'яткоохоронних процесів зроблена у дисертаційному дослідженні головного спеціаліста Республіканського комітету з охорони культурної спадщини при Раді Міністрів Автономної Республіки Крим (далі: АРК) Олександра Юрійовича Манаєва «Охорона та використання пам'яток історії та культури в Автономній Республіці Крим (1991–2006 рр.)» [6].

Спочатку автор розглядає специфіку різних видів об'єктів культурної спадщини й визначає фактори, які загрожують збереженню пам'яток. В основній частині роботи проаналізовано діяльність наукових, громадських, благодійних організацій у галузі охорони історичної спадщини АРК; визначено провідну роль спеціалізованих науково-дослідних інститутів, науково-проектних установ. Автор вперше узагальнив внесок Республіканського комітету АРК з охорони культурної спадщини, зазначив координуючу роль цієї установи в реалізації державної політики у сфері охорони пам'яток.

Окремо О. Ю. Манаєв проаналізував й узагальнив досвід пам'яткоохоронної діяльності історико-культурних заповідників АРК. Ним визначено основні напрями такої їх діяльності: облік пам'яток, здійснення охоронних археологічних досліджень, ремонтно-реставраційних робіт щодо охоронюваних об'єктів на території цих заповідників.

Характерною ознакою дисертаційних досліджень з охорони історико-культурної спадщини є розробка пропозицій ефективного збереження та раціонального використання пам'яток. Так, О. Ю. Манаєвим запропоновано конкретні шляхи оптимізації діяльності державних органів влади АРК в царині охорони культурної спадщини (проведення охоронних археологічних досліджень, розробка облікової документації на пам'ятки, активізація роботи з визначення земель історико-культурного призначення, охоронних зон). Практично значимі рекомендації подано О. С. Худолей стосовно встановлення чіткої процедури відшкодування збитків за пошкодження об'єктів культурної спадщини, популяризації пам'яток. Крім того, Г. О. Андрес в дисертаційній роботі запропоновано рекомендації, реалізація яких допоможе Україні досягти європейського рівня охорони культурної спадщини. Це об'єднання зусиль і ресурсів центральних і регіональних органів влади, недержавних організацій; впровадження системи для стимулювання надходження недержавних джерел фінансування на основі міжнародних стандартів; введення форм туризму, які стануть засобом економічного зростання регресивних регіонів та підтримки в них пам'яток охоронної сфери; адаптація туристичного законодавства України до європейських вимог; спрощення формальностей для туристів, що подорожують між Україною та державами ЄС.

Особливе зацікавлення дослідників в останнє десятиріччя викликає суспільна діяльність щодо пошуку, вивчення і збереження археологічних, археографічних, архітектурних пам'яток у ХІХ – на початку ХХ ст. у межах окремих регіонів України. З цієї проблематики захищено докторська дисертація С. В. Гаврилюк «Становлення й розвиток історичного пам'яткознавства Волині, Холмщини і Підляшшя (ХІХ – початок ХХ ст.)» [8] та низка кандидатських дисертацій (В. С. Романовським, О. В. Хлівнюком, Є. С. Ярошенко). В роботах С. В. Гаврилюк та В. С. Романовського вперше в українській історіографії здійснено спробу цілісного дослідження процесу розвитку пам'яткознавства в окремих регіонах України, виділено його етапи, особливості, закономірності; напрямки, форми і методи діяльності владних структур, громадських, наукових, церковних організацій, окремих учених, діячів культури з охорони, використання, вивчення й популяризації нерухомих пам'яток.

У дисертаційному дослідженні Світлани Віталіївни Гаврилюк аргументовано термін «історичне пам'яткознавство», встановлено сутність та проаналізовано видозміну концептуальних підходів до поняття історичної пам'ятки, на підставі яких будувалося історичне пам'яткознавство Волині, Холмщини і Підляшшя ХІХ – початку ХХ століть. Авторкою суттєво доповнено, уточнено й виправлено розрізнені історичні відомості, спростовано деякі стереотипи та відкинуто окремі поверхові твердження, що наводяться з теми в науковій та науково-популярній літературі. С. В. Гаврилюк визначено внесок українських, російських і польських науково-громадських осередків, окремих дослідників у вивчення і збереження старожитностей Волині, Холмщини і Підляшшя. На основі архівних джерел вона уперше оприлюднила факти незаконного вивезення з Волині протягом зазначеного періоду церковних реліквій, простежила хід і наслідки реставрації давніх архітектурних споруд. Нові архівні джерела, видання наукових товариств, музейних закладів, праці учасників пам'яткознавчої діяльності, матеріали преси дозволили С. В. Гаврилюк довести вагому роль регіональної

пам'яткознавчої роботи XIX – початку XX століть у збереженні історичних реліквій, визначити її місце в українському національному відродженні.

Процес розвитку пам'яткознавства на Харківщині в XIX – на початку XX ст. досліджено у кандидатській дисертації Валерієм Станіславовичем Романовським [12]. В основу роботи покладено етапи розвитку пам'яткознавчої діяльності, зміст дослідження розкрито за хронологією. У підрозділах автор висвітлює окремі проблемні питання, притаманні для періоду, що розглядається. Ним висвітлено діяльність владних структур з охорони й використання пам'яток історії та культури, зародження наукового пам'яткознавства на Харківщині, суспільні умови розвитку пам'яткознавства, пам'яткознавчі дослідження наукових організацій та духовенства, проблеми охорони та популяризації культурної спадщини, розвиток досліджень пам'яток археології, історії, містобудування та архітектури, монументального мистецтва на початку XX ст. Разом з тим, автору треба було б більше приділити уваги характеристиці пам'яткоохоронної діяльності місцевих музеїв в окреслений час та подати це питання в окремому підрозділі.

Харківщині присвячена також і дисертація Інни Володимирівни Черникової [13]. Авторкою розглянуто охорону, вивчення та використання пам'яток історії та культури від часу повоєнного відродження пам'яткоохоронних інституцій і до їх остаточної ліквідації в ході сталінських репресій. Досліджуючи історію пам'яткоохоронного руху 1920–1941 рр. І. В. Черникова визначила основні етапи становлення, розвитку та занепаду харківських державних та громадських пам'яткоохоронних установ, критично проаналізувала причини ефективності та результативності роботи пам'яткознавців протягом 20-х рр. XX ст., визначила конкретні умови ефективної співпраці громадськості з пам'яткоохоронними установами краю. Особливістю роботи стало розкриття маловідомих сторінок трагічних біографій репресованих учасників пам'яткоохоронного руху Харківщини (співробітників музейних установ, пам'яткознавчих осередків), дослідження їхньої подальшої долі.

Вперше в українському пам'яткознавстві здійснено історичну репрезентацію процесу розвитку пам'яткоохоронної справи в Криму в 1887–1941 рр. у дисертаційному дослідженні О. В. Хлівнюка [14]. Ним досліджено основні закономірності, етапи роботи місцевих пам'яткознавчих осередків у справі виявлення й збереження пам'яток. Дисертант на підставі вивчення діяльності установ історико-пам'яткознавчого профілю, регіональних світських і церковних громадських організацій, матеріалів археологічних з'їздів подав процес формування інтересу до старожитностей регіону.

О. В. Хлівнюком детально висвітлено пам'яткоохоронну діяльність Таврійської вченої архівної комісії, Кримського товариства дослідників і любителів природи, кримських музеїв, церковно-краєзнавчих об'єднань та окремих служителів культури у дорадянський період. На основі вперше введених до наукового обігу матеріалів архівів України та Російської Федерації змістовно розкрито діяльність з охорони культурної спадщини з боку Кримського обласного комітету у справах музеїв і охорони пам'яток мистецтва, старовини, природи й народного побуту та Центральних державних реставраційних майстерень у радянський період.

О. В. Хлівнюк критично опрацював роботи найпомітніших репрезентантів вітчизняного криминологічного, пам'яткознавства, історичної науки: В. І. Акуленка, О. Л. Бертьє-Делагарда, П. І. Голландського, С. З. Заремби, Б. М. Засипкіна, Л. П. Коллі, Ю. А. Кулаковського, А. І. Маркевича, Ю. Ю. Марті, О. І. Полканова, О. Х. Стевена та інш., що дозволило всебічно, на міждисциплінарних засадах з'ясувати стан розроблення теми, творчо осучаснюючи їх теоретичні й методичні знахідки, запропонувати вельми несподіване бачення теми, переглянути усталені погляди, виявити при цьому некон'юнктурність і самостійність у судженнях.

Комплексне вивчення, наукове осмислення та реконструкція фактів і закономірностей процесу зародження, становлення і розвитку охорони культурних цінностей загалом на території України в ХІХ – початку ХХ ст. подано у дисертаційному дослідженні головного спеціаліста інформаційно-аналітичного відділу управління з питань внутрішньої політики Харківської обласної державної адміністрації Євгена Станіславовича Ярошенка [15]. Ним визначено чинники, які впливали на спеціальні дослідження пам'яток історії та культури України в першій пол. ХІХ ст.; обґрунтовано причини започаткування громадських утворень: наукових товариств, губернських вчених архівних комісій, церковних історико-археологічних комітетів, комісій, музеїв. Є.С. Ярошенко проаналізовано, з позицій сучасної історичної науки, основні форми та напрямки роботи пам'яткознавчих і пам'яткоохоронних інституцій щодо збору, дослідження та збереження пам'яток старовини України; з'ясовано роль окремих діячів науки і культури України в діяльності громадських та державних пам'яткоохоронних об'єднань.

Основні засади пам'яткоохоронної справи в Українській Державі гетьмана П. Скоропадського у 1918 році досліджено у дисертаційній роботі Олени Анатоліївни Денисенко [9]. Нею висвітлено діяльність урядових структур в пам'яткоохоронній справі; проаналізовано основні напрямки і різноманітні форми пам'яткоохоронної діяльності державних органів і громадських організацій; простежено процес формування концептуальних засад в пам'яткоохоронній сфері; з'ясовано роль музеїв, архівів і бібліотек у збереженні пам'яток історії та культури; досліджено діяльність уряду П.Скоропадського щодо повернення національних реліквій в Україну. Узагальнення досвіду пам'яткоохоронної діяльності в Українській Державі дає можливість визначити шляхи його впровадження на сучасному етапі.

Безпосереднє відношення до пам'яткоохоронної тематики мають дисертаційні дослідження О. М. Присяжнюка [11] та О. В. Принь [10]. Присвячені вони одній проблемі у практично однаковий час – становленню і розвитку системи охорони культурної спадщини: Одеської області в 1944–2009 рр. (Присяжнюк О. М.) та Донбасу в 1945–1991 р. (Принь О. В.). Схожість досліджуваної проблеми обумовила й аналогічність тематичних аспектів роботи. Авторами розглянуто повоєнне відновлення та формування пам'яткоохоронної системи, подальшу її розбудову. Особливо проаналізовано діяльність зі збереження історико-культурної спадщини місцевих обласних організацій Українського товариства охорони пам'яток історії та культури, наукових установ та вищих навчальних закладів. Більш докладно О. В. Принь розглянуто основні пам'яткоохоронні заходи Маріупольського, Донецького, Свердловського та Луганського краєзнавчих музеїв, які стали важливими осередками

пам'яткоохоронної роботи, сприяли збереженню національної самосвідомості широких верств населення, відігравали важливу роль у розвитку державної системи охорони регіону. О. М. Присяжнюк приділяє увагу дослідженням редакційних колегій пам'яткоохоронних видань (редакційної колегії тому «Одеська область» «Історії міст і сіл УРСР», одеського тому «Зводу пам'яток історії та культури Української РСР») у процесі систематизації інформації про пам'ятки історії та культури Одеської області. Крім того, ним охарактеризовано становлення та функціонування системи охорони пам'яток Одеської області за роки незалежності, розроблено рекомендації щодо поліпшення пам'яткоохоронної роботи в регіоні.

Охарактеризувавши автореферати дисертацій безпосередньо з охорони, вивчення та використання історико-культурної спадщини, історії пам'яткознавства, захищених протягом останніх десяти років треба зробити висновок про перевагу фактологічних досліджень, відсутність історіографічних праць. Фактично поза увагою історичних розвідок залишається історія охорони історико-культурної спадщини більшості регіонів України, як у дорадянський час, так і в ХХ столітті. Таким чином, проблема збереження історико-культурної спадщини в дисертаційних роботах тільки починає ставати предметом спеціальних досліджень.

Характерною рисою пам'яткоохоронних та пам'яткознавчих праць є залучення до наукового обігу невідомих і не використаних раніше джерел з питань охорони, вивчення та збереження пам'яток і пам'яткоохоронного руху на всій етнічній території України. Джерельну базу досліджень склали опублікована історико-краєзнавча спадщина пам'яткознавців, законодавчі акти, офіційно-діловодні матеріали, періодична преса, документи особистого походження. Застосування репрезентативної джерельної бази, в тому числі вперше введених до наукового обігу матеріали архівів України та Російської Федерації, що виникли у процесі діяльності пам'яткознавчих установ, окремих дослідників, забезпечили виконанні роботи неупередженістю, високим рівнем аргументованості.

Питання охорони історико-культурної спадщини стали складовою дисертаційних досліджень з розвитку історичного краєзнавства в другій половині ХХ ст. в Криму (Кармазіної Н. В.) [19], на Одещині (Щербини Н. Ф.) [22], Поділлі (Каньоса А. М.) [18], Полтавщині (Бесєдіної Н. В.) [16], Тернопільщині (Сеньківської Г. Я.) [21], Черкащині (Поставничої М. В.) [20], Чернігівщині (Ігнатенко М. М.) [17], які було захищено в останні роки. В зазначених роботах розглянуто здобутки та прорахунки державних органів влади з охорони історико-культурної спадщини, подано історію створення та діяльності місцевих організацій УТОПК, напрямки роботи з розвитку монументальної пропаганди, увічнення сторінок місцевої історії та культури, охарактеризовано підготовку «Зводу пам'яток історії і культури».

Основні шляхи виявлення старожитностей та форми роботи музеїв щодо опрацювання пам'яток і складання експозиційних розділів докладно подано у дисертації Кушпетюк О. І. «Історико-краєзнавча діяльність музейних закладів Волині другої половини ХІХ – початку ХХ ст.» [23]. Авторкою на конкретних документальних матеріалах розкрито вагомий внесок музейних працівників у справу збереження місцевих реліквій.

Окрему групу дисертаційних досліджень складають біографічні роботи про наукову діяльність з вивчення та збереження культурної спадщини відомих українських пам'яткоохоронців. Внесок академіка О. П. Новицького у вітчизняну науку та практику охорони та студювання рухомих і нерухомих пам'яток подано у дисертаційному дослідженні Олександра Івановича Бонь [24]. Автор акцентує увагу на формуванні світоглядних переконань ученого, прослідковує вплив на нього різних вітчизняних та зарубіжних наукових шкіл; досліджує науково-організаційну роботу О. П. Новицького по створенню музеїв, пам'яткоохоронних органів.

У дисертаційній роботі Філіппенка Ростислава Ігоревича «Життя, громадська діяльність і науково-історична спадщина професора Харківського університету Є. К. Редіна (1863–1908 рр.)» [25] визначено внесок вченого у дослідження історичних пам'яток візантійської та давньоруської культури та вивчення української церковної старовини. Автором подано діяльність Є. К. Редіна в Харківському історико-філологічному товаристві, як завідувача Музею витончених мистецтв та старожитностей, участь у Археологічних з'їздах.

Уперше комплексно та ґрунтовно проаналізовано пам'яткоохоронну, музейну та реституційну діяльність Ф. Ернста у дисертації Світлани Жоржівни Верезомської [26]. Нею доведено, цей пам'яткоохоронець, мистецтвознавець та музейник здійснив вагомий внесок у розбудову вітчизняної культури, зокрема формування колекцій художнього відділу Всеукраїнського історичного музею, збирання, дослідження й популяризацію художньої спадщини Т. Шевченка, Г. Нарбути та інших.

Наукова спадщина академіка М. Ф. Біляшівського та його діяльність у царині музеєзнавства, пам'яткоохоронного руху розглядається у дослідженні Людмили Валентинівни Дідух [27]. Автором з'ясовано, що позитивне вирішення основних проблем збереження вітчизняної історико-культурної спадщини вчений вбачав у виведенні їх на загальнодержавний рівень у контексті прийняття національного пам'яткоохоронного законодавства. У дисертації висвітлено активну роботу М. Ф. Біляшівського в різних пам'яткоохоронних інституціях.

Пам'яткознавчі пошуки й наукова спадщина О. Левицького впродовж останньої третини ХІХ ст. – перших двох десятиліть ХХ ст. стала об'єктом вишукувань Ірини Миколаївни Коробчук [28]. Нею досліджено діяльність О. Левицького з вивчення писемних пам'яток у складі Київської археографічної комісії, інших наукових інституцій, вплив такої співпраці на його становлення як ученого й популяризатора культурної спадщини та історії Правобережної України; проаналізовано джерельну базу і зміст наукових та публіцистичних історико-краєзнавчих праць О. Левицького, що стосуються пам'яток і минувшини Правобережної України; визначено роль наукової спадщини вченого в розвитку історичних і пам'яткознавчих студій Київщини, Волині та Поділля.

Дисертаційні дослідження, присвячені окремим аматорам пам'яткоохоронного руху, об'єктивно визначають їх місце й роль у царині збереження історико-культурної спадщини. Критичний аналіз діяльності пам'яткоохоронців, узагальнення їхнього позитивного досвіду в минулому дозволив авторам зробити не тільки теоретичні узагальнення, але й виробити на їх основі пропозиції щодо оптимальних

шляхів вирішення сьогоденних проблем дослідження, збереження та повернення національної історико-культурної спадщини.

Активізація досліджень у галузі пам'яткознавства, яка простежується в останнє десятиріччя, перш за все – в історико-пам'яткознавчих дослідженнях, є головним наслідком необхідності відродження духовності та багатовікової культури українського народу. Основні положення і висновки цих робіт можуть бути використані при розробці наукової концепції дослідження й збереження історико-культурної спадщини, в підготовці узагальнюючих праць з історії України, спеціальних курсів з пам'яткознавства, Зводу пам'яток історії та культури України. Опубліковані в дисертаціях рекомендації щодо оптимізації охорони історико-культурної спадщини дають можливість вивести цю сферу на якісно новий рівень.

Список літератури

1. Пам'яткознавчі студії в Україні: Теорія і практика / Ін-т історії України НАН України; Центр пам'яткознавства НАН України та УТОШК; Відп. ред. В. О. Горбик.– К., 2007.– 336 с.
2. Андрес Г. О. Охорона культурної спадщини України в контексті світових інтеграційних процесів (друга половина ХХ – початок ХХІ століття) / Г. О. Андрес: Автореф. дис... канд. іст. наук / 26.00.05.– Музезнавство. Пам'яткознавство; НАН України; Українське товариство охорони пам'яток історії та культури, Центр пам'яткознавства.– К., 2010.– 20 с.
3. О. О. Демиденко Увічнення та збереження історії козацтва в пам'ятках культури України (1945–2005 рр.) / О. О. Демиденко: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; НАН України. Ін-т історії України.– К., 2006.– 19 с.
4. Жукова О. В. Замкові комплекси ХІІ–ХVІІ ст. Хмельницької області на сучасному етапі: стан, проблеми збереження і використання / О. В. Жукова: Автореф. дис... канд. іст. наук: 17.00.08.– Музезнавство. Пам'яткознавство; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2007.– 21 с.
5. Корнієнко В. В. Історико-культурна спадщина та її використання в туристичній сфері України (1991–2007 рр.) / В. В. Корнієнко: Автореф. дис... канд. іст. наук / 07.00.01 – Історія України; НАН України; Ін-т історії України.– К., 2008.– 20 с.
6. Манаєв О. Ю. Охорона та використання пам'яток історії та культури в Автономній Республіці Крим (1991–2006 рр.) / О. Ю. Манаєв: Автореф. дис... канд. іст. наук / 26.00.05 – Музезнавство. Пам'яткознавство; НАН України; Укр. т-во охорони пам'яток історії та культури, Центр пам'яткознавства.– К., 2008.– 20 с.
7. Худолей О. С. Трансформаційні процеси у сфері пам'яткоохоронної справи в Україні (1991 р. – початок ХХІ ст.) / О. С. Худолей: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Східноукр. нац. ун-т ім. В. Даля.– Луганськ, 2007.– 20 с.
8. Гаврилюк С. В. Становлення й розвиток історичного пам'яткознавства Волині, Холмщини і Підляшшя (ХІХ – початок ХХ ст.) / С. В. Гаврилюк: Автореф. дис... д-ра іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича.– Чернівці, 2003.– 39 с.
9. Денисенко О. А. Охорона і збереження пам'яток історії та культури в Українській державі (1918 р.) / О. А. Денисенко: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка.– К., 2002.– 19 с.
10. Принь О. В. Становлення і розвиток державної системи охорони культурної спадщини у Донбасі (1945 – 1991 рр.) / О. В. Принь: Автореф. дис... канд. іст. наук: 26.00.05 – Музезнавство. Пам'яткознавство; НАН України, Укр. т-во охорони пам'яток історії та культури, Центр пам'яткознавства.– К., 2009.– 20 с.
11. Присяжнюк О. М. Становлення і розвиток системи охорони культурної спадщини Одеської області (1944–2009 рр.) / О. М. Присяжнюк; Автореф. дис... канд. іст. наук: 26.00.05 – Музезнавство. Пам'яткознавство; НАН України, Укр. т-во охорони пам'яток історії та культури, Центр пам'яткознавства.– К., 2010.– 20 с.

12. Романовський В. С. Розвиток пам'яткознавства на Харківщині в XIX – на початку XX ст. / В. С. Романовський: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2007.– 19 с.
13. Чернікова І. В. Охорона, вивчення і використання пам'яток історії та культури на Харківщині (1920 – червень 1941 рр.) / І. В. Чернікова: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2007.– 21 с.
14. Хлівнюк О. В. Охорона культурної спадщини в Криму (1887– 1941 рр.) / О. В. Хлівнюк: Автореф. дис... канд. іст. наук: 26.00.05 – Музеєзнавство. Пам'яткознавство; НАН України; Укр. т-во охорони пам'яток історії та культури, Центр пам'яткознавства.– К., 2009.– 20 с.
15. Ярошенко Є. С. Формування системи охорони культурних цінностей в Україні (XIX – поч. XX ст.) / Є. С. Ярошенко: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2004.– 18 с.
16. Беседіна Н. В. Розвиток історичного краєзнавства на Полтавщині (кінець 50-х – 80-і рр. XX ст.) / Н. В. Беседіна: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2002.– 17 с.
17. Ігнатенко М. М. Розвиток історичного краєзнавства на Чернігівщині у другій половині XX ст. / М. М. Ігнатенко: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2004.– 20 с.
18. Каньоса А. М. Наукові та громадські форми історичного краєзнавства на Поділлі (кінець 50-х – 80-і рр. XX ст.) / А. М. Каньоса: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Донец. нац. ун-т.– Донецьк, 2001.– 18 с.
19. Кармазіна Н. В. Розвиток історичного краєзнавства в Криму (1954–1991 рр.) / Н. В. Кармазіна: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Дніпроп. нац. ун-т.– Дніпропетровськ, 2006.– 19 с.
20. Поставнича М. В. Розвиток історичного краєзнавства на Черкащині в 50–90-х роках XX ст. / М. В. Поставнича: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Харківський національний ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2002.– 18 с.
21. Сеньківська Г. Я. Розвиток історичного краєзнавства на Тернопільщині (середина 40-х рр. XX – початок XXI ст.) / Г. Я. Сеньківська: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2009.– 20 с.
22. Щербина Н. Ф. Розвиток історичного краєзнавства на Одещині (1944–1991 рр.) / Н. Ф. Щербина: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова.– Одеса, 2007.– 21 с.
23. Кушпетюк О. І. Історико-краєзнавча діяльність музейних закладів Волині другої половини XIX – початку XX ст. / О. І. Кушпетюк: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Чернів. нац. ун-т ім. Ю. Федьковича.– Чернівці, 2001.– 21 с.
24. Бонь О. І. Академік Олекса Петрович Новицький як історик культури, організатор пам'яткоохоронного та музейного руху / О. І. Бонь: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2000.– 20 с.
25. Філіппенко Р. І. Життя, громадська діяльність і науково-історична спадщина професора Харківського університету С. К. Редіна (1863 – 1908 рр.) / Р. І. Філіппенко: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.06 – Історіографія, джерелознавство та спеціальні історичні дисципліни; Укр. НДІ архів. справи та документознавства.– К., 2004.– 18 с.
26. Верезомська С. Ж. Ф. Ернст у пам'яткоохоронному русі України 1917–1933 рр. / С. Ж. Верезомська: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна.– Харків, 2005.– 17 с.
27. Дідух Л. В. Академік М. Ф. Біляшівський у науковому, культурному та громадському житті України (кінець XIX – перша чверть XX ст.) / Л. В. Дідух: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Нац. ун-т «Києво-Моги́л. акад.».– К., 2005.– 17 с.
28. Коробчук І. М. Культурна спадщина та історія Правобережної України у наукових студіях Ореста Левицького / І. М. Коробчук: Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.01 – Історія України; Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки.– Луцьк, 2009.– 20 с.

Кармазина Н. В. Вопросы охраны историко-культурного наследия Украины в диссертационных исследованиях последних лет / Н. В. Кармазина // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвыпуск «История Украины» – С. 88–99.

В статье раскрыты приоритеты современных исторических исследований, учитывая отраслевой подход. Осуществлена попытка научной классификации диссертаций по вопросам охраны историко-культурного наследия по проблемно-тематическому признаку. Охарактеризованы диссертационные исследования на основе анализа их предмета, цели, основного содержания, научной новизны и практического значения.

Ключевые слова: диссертационные исследования, охрана историко-культурного наследия, памятники истории и культуры, памятникоохранительные проблемы, памятниковедение.

Karmazina N. V. Questions of preservation of historical and cultural heritage of Ukraine in dissertation researches of the last years / N. V. Karmazina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 88–99.

Priorities of modern historical researches are exposed in the article, taking into account branch approach. The attempt of scientific classification of dissertations is carried out on questions of preservation of historical and cultural heritage on a problem-thematic sign. Dissertation researches are described on the basis of analysis of their object, aim, basic maintenance, scientific novelty and practical value.

Keywords: dissertation researches, preservation of historical and cultural heritage, monuments of history and culture, monument studying.

Поступила в редакцию 01.10.2010 г.

УДК 910.4:908(477.75)«17/18»

ВКЛАД АНГЛИЙСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ОСВОЕНИЕ КРЫМА (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВЕКА)

Каушлиев Г. С.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: genasimf@mail.ru*

Публикация посвящена оценке вклада английских путешественников в историко-краеведческое освоение Крыма в конце XVIII – первой половине XIX ст. Осуществлен анализ записок британских пилигримов (М. Гатри, Р. Лайэлла, Э. Кларка, Э. Кравен и др.), побывавших на Крымском полуострове. В ходе исследования было установлено, что английские путешественники, среди других западноевропейских вояжеров, исследовавших юг Украины, внесли наиболее весомый вклад в изучение Крыма в исследуемый период.

Ключевые слова: краеведение, травелог, путешественники, Крым.

ВВЕДЕНИЕ

В современной исторической науке оформилось новое перспективное направление, которое характеризуется повышенным интересом к истории изучения украинских земель путешественниками. Исследование вклада зарубежных пилигримов в историко-краеведческое освоение Украины приобрело особую актуальность в свете активизации штудий, посвященных истории нашей страны во времена отсутствия государственности в XVIII – XIX вв. Этот период характеризуется нехваткой оригинальных исторических источников, которые бы освещали исторические события с непредубежденных позиций. В то же время записки путешественников принадлежат к такому типу источников, в котором бытие как социальных структур и общностей, так и отдельных личностей, освещается целостно, подробно и разнообразно. Особую ценность для украинской исторической науки приобрели травелоги западноевропейских пилигримов, поскольку они описывали наблюдаемые явления и события, с несвойственной для отечественной культурной традиции позиций, порой выражая оригинальные мысли и суждения, касательно актуальных социальных, политических, экономических вопросов.

Наибольший интерес среди отечественных диссертационных исследований, посвященных зарубежным путешественникам, отметим труды П. О. Бочана [1] и Н. А. Никифоренко [2]. Крымские исследователи также активно изучают записки иностранных вояжеров конца XVIII – начала XX ст. Ключевыми работами в этой области являются монографии и серия публикаций А. А. Непомнящего, в которых проанализирован вклад ряда отечественных и зарубежных вояжеров в изучение истории, культуры, экономики Тавриды после включения её в состав Российской империи [3; 4; 5; 6; 7]. Также отметим работу О. Н. Деремедведь, исследовавшей путевые записки английских путешественниц, посетивших Крымский полуостров в XIX столетии [8]. Помимо этого опубликованы некоторые переводы путевых записок

иностранцев, побывавших в Тавриде [9; 10]. Несмотря на постоянное внимание крымских исследователей к истории изучения полуострова европейскими путешественниками, комплексный анализ вклада английских пилигримов в историко-культурное изучение Крыма в конце XVIII – начале XIX ст. до нынешнего времени отсутствовал, что и обусловило выбор темы данного исследования.

Цель нашей работы – анализ вклада английских пилигримов в изучение истории, культуры, этнографии Тавриды после включения её в состав Российского государства.

Задачи: рассмотреть причины визитов англичан в Крым; выявить населенные пункты и памятники античности и средневековья, которые были изучены ими; очертить круг вопросов, связанных с историей, культурой, этнографией Крыма, затронутых в травелогах иностранцев.

1. ПУТЕШЕСТВИЯ В КРЫМ АНГЛИЙСКИХ ВОЯЖЕРОВ В КОНЦЕ XVIII СТ.

В конце XVIII – начале XIX вв. длительные зарубежные вояжи были весьма популярны среди представителей образованной европейской аристократии. Среди государств, которые активно исследовались западноевропейскими путешественниками, особое место занимала Российская империя, обширные просторы которой хранили значительное количество культурно-исторических памятников, принадлежавших к разным эпохам. После событий 1783 г. Крым открылся для европейских пилигримов, желавших изучить памятники античности и средневековья, лично познакомиться с красотами природы легендарного края. Именно с конца XVIII – начала XIX в. полуостров посещают многие европейские ученые, дипломаты, общественные деятели. Во время поездок многие из вояжеров вели дневниковые записи, которые в дальнейшем легли в основу их мемуаров и литературных произведений. Так в эпоху Просвещения получил развитие особый жанр путевых записок, или, как это принято в специальной литературе – травелога – рассказа о посещении отдаленных стран, культура которых несколько отличалась от европейской. Произведения иностранцев содержат множество ценных свидетельств, которые невозможно выявить в других источниках. Так, например, они обращали внимание на многочисленные злоупотребления, коррупцию и бездействие местных властей, тяжелое положение местного населения, особенно крепостных крестьян и т.п. Хотя сведения носят, безусловно, субъективный характер, они позволяют нам всесторонне изучить социально-экономические и культурные процессы, происходившие в регионе в этот период. Англичане, немцы, французы, посещавшие крымский полуостров, часто преследовали отличные от отечественных пилигримов цели. Зачастую они совершали не только туристические поездки или исследовательские миссии, но и занимались миссионерством и изучением мероприятий, которые предпринимало правительство для усиления военного потенциала южных территорий, завоеванных Российской империей.

Особый вклад в развитие и исследование Крыма внесли английские путешественники. С 1783 по 1854 гг. регион посетили около десятка пилигримов из Великобритании, путевые заметки которых были опубликованы после завершения их вояжей. Среди британских подданных, побывавших в Крыму, было и немало женщин, выполнявших здесь весьма разнообразные миссии.

Достаточно неоднозначный вклад в освоение и изучение Крыма внесла английская путешественница Элизабет Кравен (1750–1828), которая осуществила вояж по Тавриде в 1786 г. В зарубежной и отечественной историографии за этой женщиной прочно закрепилась репутация не только писательницы и светской львицы, но и скандально известной авантюристки. Цель её пребывания на полуострове до конца не ясна, однако большинство исследователей связывает вояж путешественницы с разведывательной миссией, организованной англичанами для изучения военного потенциала российской армии в Северной Таврии и на Крымском полуострове [8, с. 9–10].

Э. Кравен родилась в известной аристократической семье графа Беркли 17 декабря 1750 г. 30 мая 1767 г. она вышла замуж за Уильяма Кравена. Спустя 13 лет лорд и леди Кравен расстались, после чего Элизабет отправилась в путешествие по Европе. В феврале 1786 г. она пребыла в Россию, где встретилась с Екатериной II. После посещения Санкт-Петербурга английская аристократка направилась в Крым весной того же года. По всей вероятности, она выполняла задание английского адмиралтейства, которое обратилось к ней с просьбой изучить военно-морские порты и крепости юга России [11, с. 75].

Итогом вояжа Элизабет Кравен стала книга «Путешествия через Крым в Константинополь», которая была опубликована в Лондоне в 1789 г., вызвав значительный интерес в английской обществе [12]. На русском языке её травелог был издан в 1796 г. в Москве в переводе М. Руднича [13]. Произведение представляет собой собрание писем леди Элизабет к маркграфу Бранденбургскому Христиану Фредерику Чарльзу Александру. Данное сочинение представляет особую ценность, поскольку повествует о крымской земле непосредственно после присоединения полуострова к Российской империи. Англичанка стала свидетельницей первых шагов, предпринимавшихся властями по реорганизации социально-экономической жизни в Тавриде в 80-е гг. XIX ст.: колонизации крымских земель иностранцами, строительство Севастополя, налаживание производства вина и других экспортных товаров. В общей сложности труд содержит семь писем (XXXVIII – XLIV) касающихся Крыма [13, с. 256–314].

Во время вояжа по землям Тавриды путешественницу сопровождал правитель Таврической области В. В. Коховский. Помимо сведений, которые встречаются в описаниях практически каждого путешественника, исследовавшего крымскую землю, как то описания крупнейших населенных пунктов региона и их достопримечательностей (ханский дворец в Бахчисарае, мечеть Джума-Джами), рассказ о древностях Херсонеса, в травелог леди Элизабет находится немало оригинальных свидетельств. Так, например, Э. Кравен в своих письмах уделила много внимания описанию казаков, которых было довольно много на полуострове. Английская путешественница в своих путевых записках рассказала об их внешнем виде, обычаях, военном деле, а также стала свидетельницей их учений [13, с. 274–276].

Значительный интерес Э. Кравен вызвали и крымские татары, их быт и религиозные обычаи. В одном из писем, написанных во время пребывания в Карасубазаре, она составила описание национального костюма татарской женщины, рассказала о процессе богослужения в центральной мечети города, а также охарактеризовала промыслы местного населения, которое занималось в основном производством сафьяна и других изделий из кожи [13, с. 280–281].

Особенно важными представляются свидетельства Элизабет Кравен относительно Севастополя, который начал развиваться как военно-морская база Черноморского флота. В письмах о городе не только рассказывается о строительных работах, которые ведутся в гаванях города, но и оставила ряд интересных замечаний, касающихся экономической жизни района. Так, леди Элизабет выразила надежду, что в районе крымского побережья появятся английские поселения, которые бы способствовали налаживанию промышленного производства и развитию торговли во всем бассейне Черного моря [13, с. 304].

«Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году» было одним из первых травелогов, посвященных Тавриде, после событий 1783 г. Книга получила широкую популярность не только в Великобритании, но и в Европе. Практически сразу труд, содержащий рассказ о путешествиях по Германии, Италии, Польше, России, Турции и Франции, перевели на немецкий (Лейпциг, 1789), голландский (Амстердам, 1790) и французский языки (Париж, 1789, 1794) [14, с. 670]. Кроме того, произведение английской путешественницы неоднократно переиздавалось у неё на родине. Преподаватель Московского университета М. Руднич подготовил перевод на русский язык писем леди Кравен с французского издания и составил аннотацию к сочинению в 1795 г. Благодаря её запискам европейцы узнали о Крыме, как о живописном крае, обладающем значительным торгово-промышленным потенциалом, и нуждающемся в иностранной колонизации. За время пребывания в Крыму Элизабет Кравен посетила Перекоп, Карасубазар, Бахчисарай, а также вновь основанные города – Симферополь и Севастополь. По всей вероятности, сведения, собранные во время посещения англичанкой важнейших оборонительных пунктов, были использованы во время высадки турецкого десанта осенью 1787 г. в районе северной Таврии, между Перекопом и Днепром, где русские имели наиболее слабо укрепленные позиции. После жестокого боя десант был уничтожен войсками А. В. Суворова.

2. АНГЛИЙСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ В КРЫМУ В НАЧАЛЕ XIX В.

Еще более «громким» стало посещение Крыма знаменитым ученым, путешественником и преподавателем Эдвардом Кларком (1769–1822) в 1800 г. Получив образование в Тонбридже (графство Эссекс), он был назначен на должность служащего в кембриджском Иезуитском колледже. Однако семейные обстоятельства вынудили его оставить службу и заняться репетиторством. С 1792 г. Эдвард Дэниэл Кларк принимает участие в различных научных экспедициях по всему миру. Более десяти лет он провел в путешествиях по Западной Европе, Ближнему Востоку, Малой Азии, Северной Африке, и Скандинавии. После возвращения из путешествий в 1803 г., он получил профессорскую должность в Кембридже, где преподавал минералогию, химию, а также активно занимался общественной деятельностью, выступив одним из основателей Кембриджского философского общества в 1819 г. [15, р. 61].

В январе 1800 г. Э. Д. Кларк и несколько его попутчиков прибыли в Россию. В сохранившихся письмах английского ученого отразились впечатления от пребывания в Санкт-Петербурге, Москве, Кубани и Крыму [18, р. 267]. Итогом поездки стала серия книг, которые были изданы в Лондоне в первой половине XIX ст., а также ряд переводов его работ на немецкий и французский языки [16; 17]. На территорию Таврии путешественник прибыл летом 1800 г., переправившись через Керченский

пролив. Маршрут его лежал через Феодосию, Карасубазар, Акмечеть, Бахчисарай, Севастополь, Евпаторию и Южный берег Крыма.

В целом, его записки весьма не лестно характеризуют политику российской властей по отношению к местному населению. В его работе «Путешествия в различные страны Европы, Азии и Африки» приводятся многочисленные факты уничтожения исторических памятников, оскорбления религиозных чувств местного населения, надругательств над прахом умерших, вырубки обширных лесных массивов российскими войсками при полном попустительстве местных властей [18, p. 179]. Так, находясь в Бахчисарае, Эдвард Кларк посетил Ханский дворец. Путешественник исследовал все помещения дворца, а также указал на изменения, произошедшие с внешним обликом этого архитектурного сооружения, после визита Екатерины II. По мнению англичанина, дворец постепенно терял свой восточный колорит, поскольку над его реставрацией работали исключительно европейские мастера, имевшие весьма отдалённые представления о традициях восточного зодчества [18, p. 182].

Эдвард Дэниэл Кларк, как известный путешественник и ученый-натуралист, внёс весомый вклад в освоение Таврии. Благодаря его преподавательской деятельности высшие ученые круги английских университетов получили возможность ознакомиться с различными аспектами жизни Крымского полуострова. Публикация его эпистолярного наследия и произведений, посвященных путешествиям, в Западной Европе и Северной Америке также способствовала усилению интереса к региону в первой половине XIX в.

При подготовке своего произведения Эдвард Кларк обратился к запискам Реджинальда Хербера (1783–1826), известного английского миссионера, который посетил Тавриду в 1806 г. В одном из переизданий труда ученого-натуралиста содержится рисунок фонтана в селе Дерекоей на южном берегу Крыма, выполненный рукой Р. Хербера [16, p. 257]. Кроме того, при подготовке французского издания «Путешествий в разные страны Европы, Азии и Африки» переводчик Э. Кларка, ознакомившись с его путевым дневником, включил дополнительные отрывки из него в свои примечания к тексту [16, p. 449–455]. Сам Реджинальд Хербер так и не успел опубликовать свои записки, которые были изданы его женой Амалией (первым редактором, издателем и биографом) после смерти миссионера в 1830 г. [19]. Тем не менее, вояж этого путешественника на полуостров также имел важное значение не только в свете публикации его архивов, которые содержат ценные исторические сведения по истории Крыма начала XIX в., но и в контексте популяризации края среди передовой британской общественности в этот период. К опубликованным фрагментам дневников Р. Хербера в дальнейшем неоднократно обращались английские путешественники. Мери Холдернесс, например, упоминает его описание монастыря Сурб-Хач [20, p. 196], известный ей, вероятно из книги Э. Кларка.

Одним из самых подробных описаний Тавриды, составленных на рубеже XVIII – XIX вв., является сочинение Марии Гатри «Путешествие в Крым», которое было опубликовано в Лондоне в 1802 г. Издателем произведения выступил муж путешественницы доктор Мэтью Гатри, выступивший инициатором экспедиции супруги. В 60-х гг. XVIII ст. он вместе с женой переехал в Россию из Шотландии, став врачом на императорской службе. Спустя некоторое время М. Гатри приобрел известность

как посредник между Россией и Великобританией на культурном и научном поприще. Кроме того, шотландец был собирателем предметов старины и питал интерес к античности. Крым, хранивший в себе остатки древнегреческих колоний, представлялся ему наиболее интересным объектом исследования. Как отметил сам организатор путешествия, образованные европейские путешественники наконец-то получили возможность исследовать этот край, бывший закрытым в течении долгого времени из-за невежественной политики Османской империи [21, р. VI]. Исследовать далекий край он предложил собственной супруге – Марии Гатри – бывшей директрисе Императорского совета института благородных девиц, которая на тот момент вышла в отставку. Первоначально предполагалось, что поездка в Тавриду совершается с оздоровительной целью. Тем не менее, благодаря письмам Марии Гатри к супругу, скрупулезно описывавшей увиденные ею памятники крымской архитектуры и особенности общественной и хозяйственной жизни населения полуострова, поездка превратилась едва ли не в полноценную научную экспедицию [21, р. VI].

В общей сложности произведение состоит из ста писем (448 страниц), шестьдесят семь из которых повествуют о её пребывании в Крыму, и семи приложений, содержащих карты, иллюстрации, рисунки античных монет, статуй, медалей, изделий из керамики, их описания. В книгу вошли комментарии Мэтью Гатри, представляющие собой справочные сведения по истории древнего Крыма, античной мифологии, а также цитаты из древнегреческих авторов.

Путешествие Марии Гатри началось в 1795 г. Она посетила Николаев, Одессу и Херсон, после чего направилась на полуостров. Начиная с первых писем мужу, английская исследовательница демонстрирует высокий уровень эрудиции, приводя точные исторические и географические сведения, касающиеся Тавриды из произведений античных и современных авторов. Так, в письме XV, мы находим точные координаты расположения Крыма, информацию о его протяжённости, описание основных рек, почв, климатических особенностей края [21, р. 55–56].

За время поездки исследовательница посетила практически все крупные населенные пункты Крымского полуострова: Евпаторию, Симферополь, Балаклаву, Севастополь, Пещерные города, Судак, Феодосию, Керчь, Карасубазар. Каждое из писем содержит очерк истории города или античного полиса, находившегося на его месте. Так, например, серия рассказов о Керчи (письма L–LIV) повествует об истории Пантикапея со времени его основания и до захвата города римлянами и сопровождается рисунками монет и предметов старины, найденных в его округе, а также описанием состояния античных памятников на начало 90-х гг. XVIII ст. [21, р. 172].

Во время посещения Карасубазара Мария Гатри, опираясь на свидетельства Птолемея и византийского автора Маврона Кастропа, высказала гипотезу, согласно которой этот город стоит на месте древнего населенного пункта Портакра. Монументальные сооружения (древние храмы и античные бани), расположенные на его территории, она связала с готским и генуэзским присутствием. Также, во время пребывания в Карасубазаре путешественница посетила фабрику по производству сафьяна, скрупулезно изучив процесс изготовления этого ценного материала [21, р. 202–203].

Описывая Крымский полуостров, англичанка избегает острых политических вопросов. Однако в письме, написанном из Карасубазара, она обратилась к анализу

причин присоединения северо-причерноморских территорий к Российской империи. По мнению М. Гатри, главной причиной аннексии Крымского ханства служили его постоянные нападения на южные границы России, а также работоторговля славянским населением в Кафе и других невольничьих рынках Османской империи [21, р. 197]. Путешественница затронула ряд проблем, о которых практически не писали отечественные исследователи Тавриды на рубеже XVIII – XIX вв. Во время посещения Бахчисарая англичанка обратилась к истории последних лет Крымского ханства и жизнеописанию Шагин Гирея. Письмо XXIII практически полностью посвящено рассказу о его внешности, привычках, а также взаимоотношениях с Екатериной II и российским правительством [21, р. 79–82].

Цикл писем, написанных в Симферополе, представляет собой этнографические очерки, посвященные, в основном, крымским татарам. Особый интерес представляет антропологическая характеристика этого народа. Мария Гатри выделила среди них три основных типа: в степной части полуострова обитали татары (или ногайцы) с широкими скулами, узкими глазами, по мнению исследовательницы похожие на калмыков; второй тип она связывала с местным (готским населением), которое обитало в горах, а третий принадлежал настоящим крымским татарам с чертами лица подобными европейским, населявшим предгорья и долины Крыма [21, р. 213–214]. Кроме того, английская путешественница изучила их национальный костюм, жилища, характер и нравы, способы приготовления национальных блюд, а также погребальный и свадебный обряды. Представляет интерес также сравнительная таблица цен на основные продовольственные товары во времена Крымского ханства и при царском правлении. Согласно этой таблице стоимость товаров после присоединения Крыма к Российской империи удвоилась, в связи с депопуляцией и необходимостью рекультивации земель полуострова [21, р. 224].

Эпистолярное наследие Марии Гатри, опубликованное её мужем, сыграло заметную роль в освоении полуострова европейцами в первой половине XIX в., вызвав научную полемику в учених кругах Санкт-Петербурга в связи описанными ею древностями Тавриды. «Путешествие в Крым» является одним из наиболее полных произведений о Тавриде, созданное в исследуемый нами период. В письмах английской путешественницы нашли отражение исторические сведения античных и средневековых авторов, ученых конца XVIII в. (П. С. Паллас и др.), а также её собственные наблюдения, которые в комплексе представляют собой одно из лучших произведений по истории Крымского полуострова с IV века до н.э. по 1796 г. в западноевропейской историографии начала XIX ст. Книга была переведена на многие европейские языки и выдержала серию переизданий. Так, например, в Польше её письма были частично изданы в Кракове в 1810–1811 гг. [22] В 1874 г. в Лондоне был издан двухтомный труд Марии Гатри, представлявший собой оригинальную переработку её произведения [23].

В 1821 и 1823 гг. в Лондоне были опубликованы две интересные работы английской путешественницы Мери Холдернесс. «Замечания касательно обычаев Крымских татар, написанные в течении четырехлетнего пребывания среди этого народа» [24] и «Новая Россия: Путешествие из Риги, в Крым, через Киев с прилегающим отчетом о Колонизации, а также о нравах и обычаях колонистов Новороссии, к которому добав-

лен записки о крымских татарах» [20] представляют собой ценнейший источник по истории и этнографии народов Крыма первой половины XIX в.

Биографические сведения о самой Мери Холдернесс практически не осталось. Нам удалось установить, что она проживала в деревне Карагозы (ныне с. Первомайское, Кировского района) с 1816 по 1820 гг. По всей вероятности, англичанка занималась миссионерской деятельностью в России, и посвятила несколько лет жизни распространению христианства среди крымских народов, исповедующих мусульманство [8, с. 33]. Итогом четырехлетнего пребывания в Крыму стали две работы, которые носят несколько отличный от классических травелогов иностранных пилигримов характер. Так, «Путешествие из Риги в Крым» разделено на две части: первая из них повествует о социально-экономической жизни и политическом укладе Российской империи и Крыма, а вторая освещает национальные особенности населения полуострова.

Обе работы Мери Холдернесс выделяются на фоне произведений иностранных путешественников, поскольку практически не содержат описаний крымских древностей и достопримечательностей. За всё время пребывания на полуострове англичанка весьма кратко описала лишь Симферополь и Карасубазар, ограничившись общими сведениями об этих населенных пунктах [20, р. 91–92]. На обратном пути из Крыма она посетила Севастополь, описав количество населения города, а также технологии строительства домов и административных сооружений [20, р. 96].

Основное внимание автор «Путешествия из Риги в Крым» сосредоточила на изучении колониционных процессов, которые активно проходили в Северной Таврии и Крыму в первой половине XIX ст. Согласно сочинению английской путешественницы освоение земель полуострова осуществлялась следующими этносами: украинцами, русскими, ногайцами, греками, немцами, армянами и болгарями. Мери Холдернесс также определила границы, в рамках которых осуществлялось заселение пустующих земель: от Дуная до Дона, а также Буга и Надднепровья [20, р. 107–108]. Поселения в Крыму были намного меньшими, чем деревни южно-украинских губерний, хотя управление и планировка их оставалась схожими. Соотношение колонистов к свободному населению полуострова было намного меньше, чем в других колонизированных регионах, поскольку правительство стремилось распространить крепостной право на русских и украинских переселенцев [20, р. 116].

В записках Мери Холдернесс нашли отражение многие важные социально-экономические аспекты жизни Тавриды, о которых не решались открыто писать отечественные путешественники. Так, например, в одной из глав «Путешествия из Риги в Крым» сообщается, что деятельность комиссий, решавших земельные споры, весьма неудачна: местным властям удавалось справедливо распределять крымские земли, поскольку их ценность в различных районах полуострова была неравнозначна [20, р. 131]. Англичанка ярко описывает коррупцию, царившую в судах, пассивность местных властей и нежелание центральных органов власти стимулировать освоение крымских земель.

Мери Холдернесс удалось собрать значительное количество подробных этнографических сведений о различных народах Крыма. Обычно как российские, так и иностранные путешественники, ограничивались рассказами о крымских татарах и

караимах, практически не уделяя внимания остальному населению полуострова. Английская путешественница впервые обратила внимания на весь этноконфессиональный состав края. Очерк, посвященный ногайцам, представляется нам одним из наиболее важных, поскольку в нём находятся сведения о постепенном переходе этого народа от кочевого к оседлому образу жизни. В «Путешествии из Риги в Крым» говорится, что российское правительство затрачивало значительные средства для распространения земледелия среди них, однако большинство ногайских татар продолжали вести полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. Также, Мери Холдернесс отметила, что конокрадство является распространённым промыслом среди них: ногайцы уводили коней у своих соседей и продавали их на крымских рынках; после чего возвращались домой на похищенных у местного населения лошадях [20, р. 141–142].

Изучению быта греческой общины Крыма англичанка посвятила достаточно много времени. В её сочинении имеется рассказ о планировке и управлении греческих поселений в Тавриде, описание основных хозяйственных занятий (рыбная ловля, торговля, земледелие и табаководство), одежды греков принадлежащих к различным социальным группам, а также описание обычаев этого народа [20, р. 150–151].

Обратившись к изучению образа жизни немецких колонистов, исследовательница отмечает их привилегированное положение среди других народов, расселившихся в Крыму после 1783 г. Немцы, поселившиеся в юго-восточной части полуострова, получили плодородные земли, пригодные для разведения виноградов, были освобождены от рекрутчины и налогового обложения. Район судакской долины в основном заселили протестанты из Швабии и Швейцарии. Относительно характера германских колонистов Мери Холдернесс отметила: «Они низки и грубы в манерах, особенно мужчины, которые являются наименее цивилизованными обитателями Крыма» [20, р. 162].

Произведение «Путешествие из Риги в Крым» также содержит рассказ о болгарях Крыма. Это описание является едва ли не единственным свидетельством иностранных путешественников об этом народе. Писательница посвятила болгарскому населению Тавриды отдельную главу, в которой она изложила сведения об их внешнем виде, характере и нравах, основных хозяйственных занятиях, семейных привычках и национальном костюме болгарских женщин, а также их религиозных обрядах. Мери Холдернесс отметила трудолюбие, чистоплотность и бережливость крымских болгар, их гостеприимство. Кроме того, в рассказе об этом народе, путешественница приводит сведения о чуме, пришедшей в Крым в 1812–1813 гг. Она записала легенду, согласно которой болгарское гостеприимство спасло жителей деревни от неминуемой эпидемии. Писательница отметила, что болгары Крыма постепенно ассимилируются русским населением, поскольку их язык представлял собой смесь староболгарского и современного русского [20, р. 173–174].

Наиболее подробные сведения в книге Мери Холдернесс касаются Крымских татар, которым посвящено шесть глав произведения «Путешествии из Риги в Крым» (XIX–XXIV), поскольку она прожила четыре года в непосредственном контакте с ними в деревне Карагозы. Англичанка неоднократно становилась свидетельницей брачных, похоронных и многих других обрядов, методов воспитания детей и особенностей внутрисемейных отношений. Всё это легло в основу её первого произведения, посвя-

ценного этому народу – «Замечания касательно обычаев Крымских татар», которое является одной из лучших народоведческих работ XIX в., касающихся Тавриды.

Таким образом, труды английской путешественницы представляют собой первые этнографические справочники посвященные Крыму. Их значение состоит в том, что они подарил европейцам возможность ознакомиться с характером, нравами и бытом населения Тавриды на очень высоком уровне. Многие путешественники, отправляясь в крымские земли, непременно обращались к этим произведениям, дабы почерпнуть необходимые для поездки сведения. Обилие справочной информации (цен на продукты питания, русские эквиваленты английских мер, указание расстояния между населенными пунктами) превратили эти издания в одни из лучших западных путеводителей по югу Российской империи в первой половине XIX в. Так, шотландский путешественник Роберт Лайелл неоднократно цитировал «Путешествие из Риги в Крым» в своих записках, сверяя сведения из этой книги с собственными впечатлениями. Мери Холдернесс удалось достаточно глубоко изучить этносы, населявшие полуостров, поскольку она провела достаточно длительный срок в окружении армян болгар, греков и крымских татар. Современные хрестоматийные издания, посвященные этим народам, не обходятся без фрагментов из сочинения этой английской путешественницы.

В 1825 г. в Лондоне был опубликован двухтомный труд «Travels in Russia, The Crimea, The Caucasus and Georgia» («Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию») [25]. Автором сочинения, повествующего о поездке по России и восточному побережью Черного моря, выступил шотландский доктор Роберт Лайелл (Robert Lyall). Каждая из книг содержит более пятисот страниц текста и по двенадцать иллюстраций, в которых путешественник отразил свои впечатления о вояже из Москвы в Тифлис через Орел, Киев, Одессу, Крым, Кубань и Моздок.

К сожалению, какие-либо биографические сведения о Роберте Лайелле выявить чрезвычайно трудно. Краткую информацию о нём мы можем почерпнуть лишь из его книги. Так, согласно титульному листу произведения, Р. Лайелл являлся членом королевского азиатского общества, общества естественной истории Эдинбурга, членом-корреспондентом литературного и философского общества естественной истории Манчестера, членом императорских обществ сельского хозяйства и естественной истории, и психомедицинского общества в Москве [25, р. III].

Из предисловия нам становится известно, что Р. Лайелл несколько лет прожил в России и достаточно хорошо познакомился с языком, обычаями и нравами местных жителей. Итогом пребывания в стране стали его произведения «The Character of the Russians, and A Detailed History of Moscow» («Характер русского народа, и Подробная история Москвы») [26] и «An Account of the Organization, Administration, and Present State of the Military Colonies in Russia» («Отчёт об организации, управлении и настоящем состоянии военных колоний в России») [27]. Возможность подробно исследовать Российскую империю представилась ему в 1822 г., когда ему предложили сопровождать итальянских дворян, желавших совершить поездку по южным провинциям России. Шотландец выступил в качестве переводчика, гида и доктора для итальянцев [25, р. VII].

Непосредственно Крыму посвящены пять частей книги (Chapter V – IX), состоящие из ста шестидесяти страниц. Путешественники совершили поездку по следующему маршруту: Перекоп – Симферополь – Бахчисарай – Севастополь – Балаклава – Южный берег – Судак – Карасубазар – Кафа – Керчь. Крымскую часть путешествия иллюстрируют три гравюры: «Судакская Долина», «Вид на Гурзуф», «Мавзолей ханов в Бахчисарае». Во время путешествия Роберт Лайелл встретился с А. М. Бороздиным, Ф. Д. Ревелиоти, а также описал экономическое положение крымских городов, климатическое положение на полуострове, основные статьи местной торговли, искусство, быт, обряды, традиции местных народов. В своем сочинении путешественник неоднократно обращается к работам П. С. Палласа, Н. С. Всеволожского и Е. Кларка, М. Холдернесс для сравнения описаний и подтверждения собственных свидетельств [25, р. 243]. Именно поэтому многие рассказы о выдающихся крымских памятниках, таких как, например, Бахчисарайский дворец, весьма кратки. Шотландец предпочитал не заострять внимание на местах, о которых много писали до него.

Во время пребывания в Симферополе английский пилигрим внимательно наблюдал за образом жизни крымских татар. В его сочинении нашли отражение рассказы об их национальной одежде, описание турецкой кофейни, а также порядок мусульманского богослужения в одной из городских мечетей [25, р. 247]. В дальнейшем Роберт Лайелл неоднократно обращается к исследованию быта и обычаев этого народа, постоянно отмечая их подчиненное положение по отношению к русским и, особенно, местным властям. Особый интерес вызывает восьмая часть его сочинения, в которой рассказывается о поэзии, медицине и народном образовании крымскотатарского этноса [25, р. 350–353].

Травелог путешественника содержит ряд уникальных и ценных свидетельств. Так, в сочинении находится следующее описание Александро-Невского собора: «... В Симферополе нет ни единого здания, достойного отдельного поминания, кроме собора. Он построено на том месте, где Суворов одержал победу. Это большое строение продолговатой формы безупречной высоты. Его северный и южный фасады и западная часть полукруглой формы, алтарь представляет собой перистиль с многочисленными колонами» [25, р. 242]. Данный рассказ представляет особую ценность, поскольку Р. Лайелл описывает первый вариант собора, возводившийся долгие годы, но снесённый из-за недостатков в строительстве.

По приглашению А. М. Бороздина Роберт Лайелл посетил суконную мануфактуру, учрежденная в пригороде губернского центра. Согласно свидетельству путешественника, она управлялась немцем, который руководил крымскими татарами. Доход от производства сукна, которое поставлялось на внутренние рынки России, составлял 180000 рублей ежегодно. В целом, сочинение «Путешествие в Россию» отобразило немало ценных сведений касательно экономического развития региона и его хозяйственного освоения. Так, например, вызывает интерес описание методов обработки земли жителями южного бережья, а также различного рода промышленных мануфактур: кожевенных, свечных, мыльных. Дальнейшее путешествие Лайелл совершил в Бахчисарай и Чуфут-Кале. По приглашению одного из караимских раввинов Р. Лайелл и его попутчики посетили синаго-

ги расположенные на территории пещерного города. Исследователь подробно описал внутренне убранство этих сооружений, а также изучил библиотеку, в которой находились уникальные манускрипты и священные иудейские тесты, после чего караимы показали ему мавзолей дочери Тахтамышы, располагавшийся неподалёку. На следующий день английский путешественник стал свидетелем караимского богослужения. Посещение Чуфут-Кале завершается повествованием о национальной одежде крымских караимов и описанием предметов декоративно-прикладного искусства этого народа [25, р. 267, 273–274].

В сочинении «Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию» немало внимания уделено описанию крымских древностей: Херсонеса, Судака, Пантикапея, а также рассказам о музейных коллекциях Феодосии и Керчи. Кроме того, в сочинении мы можем найти значительный объем ценных статистических сведений. Так, исследователь приводит различные цифры, касательно популяции Крымского полуострова, его социальной стратификации, а также процентного соотношения этнических групп на полуострове. В итоге, он приходит к выводу, что население полуострова не превышает 280000 человек, из которых около 190000 – крымские татары [25, р. 346–347].

Путешествие Роберта Лайелла сыграло важную роль в освоении Крыма иностранцами. Его сочинение подытоживает опыт поездок английских путешественников в Крым в первой половине XIX в., и представляет собой ценный источник, благодаря которому мы можем изучить не только социально-экономическую и культурную жизнь на полуострове в 20-е гг. XIX в., но и проанализировать особенности восприятия иностранцами крымских достопримечательностей и образа жизни местных жителей.

ВЫВОДЫ

Анализ записок английских путешественников, посетивших Крымский полуостров в конце XVIII – начале XIX вв., показал, что они внесли наиболее весомый вклад в историко-краеведческое освоение Крыма в этот период. Британские пилигримы представляют собой наиболее многочисленную группу, среди всех западноевропейских вояжеров, посещавших полуостров в данное время. В силу этого, сведения, отразившиеся в их путевых записках, весьма разнообразны, так как в них содержится информация об истории края, его этническом составе и социальной структуре, урбанизационных процессах, состоянии античных и средневековых памятников Керчи, Феодосии, Херсонеса. Благодаря поездкам в Крым путешественников из Великобритании полуостров не только впервые был подробно изучен представителями эпохи Просвещения, но и нанесен на ментальную карту континента в европейском сознании, в качестве неотъемлемой составляющей, которая доступна и открыта для последующего освоения. Помимо этого, сочинения британских пилигримов на сегодняшний момент представляют собой один из наиболее оригинальных и ценных источников по истории и этнографии Крыма на рубеже XVIII – XIX вв. в силу того, что до нашего времени дошел достаточно небольшой массив документов, посвященных событиям, произошедшим на полуострове после присоединения его к Российской империи. Следовательно, травелоги англичан являются неотъемлемым источником как при изучении историко-краеведческого освоения края, так и при исследованиях истории Тавриды в целом.

Список литературы

1. Бочан П. О. Україна в поглядах німецьких і французьких вчених, послів і мандрівників XVII – XIX ст. : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Петро Олегович Бочан. – Чернівці, 2008. – 20 с.
2. Никифоренко Н. О. Мандрівні записки Й.А.Гільденштедта як джерело з соціально-економічної історії України другої половини XVIII ст. : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 00.07.06 / Наталя Олексіївна Никифоренко. – Донецьк, 2000. – 17 с.
3. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий; Ин-т укр. археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 211 с.
4. Непомнящий А. А. Иностранцы путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке / А. А. Непомнящий // Заселення Півдня України: Проблеми національного та культурного розвитку: Наукові доповіді. Міжнародна науково-методична конференція: У 2-х ч. – Херсон, 1997. – Ч. 1. – С. 219–223.
5. Непомнящий А. А. К вопросу о начале научного изучения Крыма: Экспедиция В. Ф. Зуева / А. А. Непомнящий // Пилигримы Крыма–98: Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме. Международная научная конференция : Материалы. – Симферополь : Крымский архив, 1998. – С. 91–96.
6. Непомнящий А. А. Мандрівництво по Криму у першій третині XIX ст. та його роль у розвитку краєзнавства та туризму / А. А. Непомнящий // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму ФПУ. – Київ, 1998. – Вип.1: Матеріали III Всеукраїнської науково-практичної конференції «Туризм в Україні: економіка та культура»: У 2-х ч. – Ч. 2. – С. 138–144.
7. Непомнящий А. А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму / А. А. Непомнящий // Крымский архив. – Симферополь, 1999. – Вып. 4. – С. 35–42.
8. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера : Авантюрные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : Сонат, 2008. – 208 с.
9. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хербера (1806 г.) / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2008. – Вып. 14. – С. 645–697.
10. Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2009. – Вып. 15. – С. 656–681.
11. Колупаев Д. Путешествие леди Кравен. Из истории шпионажа в Крыму / Д. Колупаев // Таврика : 125 лет со дня основания. – Симферополь, 1998. – С. 75–76.
12. Craven E. A journey through the Crimea to Constantinople. In a series of letters from the right honorable Elizabeth lady Craven / Elisabeth Craven. – 2 ed. – London, 1789. – VI, 328 p.
13. Кравен Е. Путешествие в Крым и Константинополь в 1786 году [пер. с фр. М. Руднича] / Елизабет Кравен. – М., 1795. – VIII, 525 с.
14. Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: Библиография и архивы (конец XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Доля, 2001. – 816 с.
15. Otter W. The life and remains of Edward Daniel Clarke; professor o mineralogy in the University of Cambridge / W. Otter. – New York, 1827. – 528 p.
16. Clarke E. D. Reise durch Russland, und die Tartarie in den Jahren 1800–1801 / E. D. Clarke. – Weimar, 1817. – VIII, 683 s.
17. Clarke E. D. Voyages en Russie, en Tatarie et en Turquie : In 2 vol. – Paris, 1812.
18. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia, Africa: In 2 vol. / E. D. Clarke. – Vol. 2. – London, 1816. – 546 p.
19. Herber A. The life of Reginald Heber, D. D. Lord Bishop of Calcutta. By his Widow. With Selections from his Correspondence, Unpublished Poems, and Privet Papers; together with a Journal of his Tour in Norway, Sweden, Russia, Hungary, and Germany, and History of Cossacks : In two volumes / A. Herber. – New York : Protestant Episcopal Press, 1830. – Vol. 1. – 638 p.
20. Holderness M. New Russia: Journey from Riga to the Crimea, with some account of the colonization and the manners and customs of the colonists of new Russia: To which are added notes relating to the Crim Tatars / Mary Holderness. – London, 1823. – VIII, 316 p.

21. Guthrie M. A tour performed in the years 1795 – 1796 through the Taurida, or Crimea, the ancient kingdom of Bosphorus, the once powerful republic of Tauric Cherson and all the other countries on the North shore of the Euxin, ceded to Russia by the peace of Koinargi and Jassi / M. Guthrie. – London, 1802. – XXIV, 448 p.
22. Guthrie M. Listy Pani Goutrie wyjete zley podrozy do Tauryki czyli Krymu oraz do krajow lezacych na polnoc od Czarego morza / M. Guthrie // Historia odleglych pod panowaniem rossyiskem bedacych narodow, mianowicie: Tauryki czyli Krymu, Kalmykow, Kozakow i innnych na polnoc Morza Czarego, tuziez w polnocnowsходnich Syberyi krajach zamieszalych. – Krakow, 1810. – T. 1. – S. 27–60.
23. Guthrie M. Through Russia: From St. Petersburg to Astrakhan and the Crimea : In 2 vol. / M. Guthrie. – London, 1874. – Vol. 1. – XI, 324 p. – IX, 287 p.
24. Holderness M. Notes relating to the manners and customs of the Crim-Tatars, written during a four year's residence among this people / Mary Holderness. – London, 1821. – VI, 168 p.
25. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus and Georgia : In 2 vol. / Robert Lyall. – London, 1825. – Vol. 1. – XXI, 527 p.
26. Lyall R. The character of the Russians and a detailed history of Moscow / Robert Lyall. – London, 1823. – XXVIII, 639 p.
27. Lyall R. An Account of the Organization, Administration, and Present State of the Military Colonies in Russia / Robert Lyall. – London, 1824.

Каушлив Г. С. Внесок англійських мандрівників в історико-краєзнавчому вивчення Криму (кінець XVIII – початок XIX сторіччя) / Г. С. Каушлив // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 100–113.

Публікацію присвячено оцінці внеску англійських мандрівників в історико-краєзнавче вивчення Криму наприкінці XVIII – на початку XIX ст. Здійснено аналіз записок британських пілігримів (М. Гатрі, Р. Лайела, Е. Кларка, Е. Кравен та ін.), що відвідали Кримський півострів. Було встановлено, що саме англійські мандрівники, серед інших західноєвропейських вояжерів, які досліджували Південну Україну, зробили найбільш визначний внесок у вивчення Криму в досліджуваний період.

Ключові слова: краєзнавство, тревелог, мандрівники, Крим.

Kaushliev G. S. The contribution of English voyagers in the case of learning of the Crimea in the end of 18th – beginning of 19th century / G. S. Kaushliev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 100–113.

Publication is devoted to the estimation of English voyagers' contribution in case of learning of the Crimea in the end of 18th – beginning of 19th century. Analysis of English travelers' notes which visited Crimea (M. Guthry, R. Lyall, E. Clark, E. Craven and others) has been accomplished. It was proved that English pilgrims among other European travelers had made the most significant contribution in the case of learning of the Crimea in this period.

Key words: region studies, travelogue, travelers, the Crimea.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 94 (477) “192/193”:369.03

РАДЯНСЬКА СИСТЕМА ДОБРОВІЛЬНОГО СТРАХУВАННЯ В 30-х РОКАХ

Латишева О. В.

*Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна
E-mail: nutsri@rambler.ru*

Радянська система добровільного страхування в 30-х роках. *Актуальність* дослідження полягає у висвітлюванні реорганізації системи страхування, внаслідок якої була ліквідована кооперативна форма, зазнала радикальних змін структура самих установ, а також уніфіковано «стягнення» страхових платежів. Основні принципи реформування системи майнового страхування були зосереджені в «Положенні про Держстрах СРСР», проект якого прийняв Укрдержстрах на нараді 29 липня 1930 р.

Ключові слова: добровільне страхування, обов'язкове окладне страхування, суми страхового відшкодування, страховий інспектор.

Проголошення та здійснення масової колективізації сільського господарства означало фактичну ліквідацію непу, створення колгоспного ладу з його новими майновими відносинами в українському селі, відтак спонукало державні органи переглянути існуючу систему страхування, виокремлюючи усупільнений сектор в якості пріоритету. Селянське майно стало колгоспним, а суми страхового відшкодування потрапляли на рахунки державного банку. Колгоспи, колгоспники та селяни-одноосібники сплачували страхові внески за нормами обов'язкового окладного страхування, яке виконувало фіскальну функцію, а також добровільного страхування, що перетворилося на форму самообкладання, тобто додаткового податку. Примусова колективізація, політика розкуркулення та хлібозаготівель, які виснажували сільське господарство, руйнували усталені форми і принципи майнового страхування, тому що катастрофічний падіж худоби «списували» на опір так званих куркулів, відтак Держстрах не повертав страховки селянинові. Теорія «класового тарифу», яка з'явилася тоді, переконливо свідчила про ідеологізацію страхування колгоспного та селянського майна. Сума страхових платежів становила у 1929 р. близько 60% суми єдиного сільськогосподарського податку [1], тому їх вважали джерелом наповнення державного бюджету, а систему страхування почали ототожнювати з податковою.

На початку 30-х рр. відбулася реорганізація системи страхування, внаслідок якої була ліквідована його організаційна кооперативна форма, зазнала радикальних змін структура самих установ, а також уніфіковано «стягнення» страхових платежів шляхом створення спеціальних страхових фондів для відрахування до них належних коштів підприємствами усупільненого сектора. Основні принципи реформування системи майнового страхування були зосереджені в «Положенні про Держстрах СРСР», проект якого з побажаннями та пропозиціями прийняв Укрдержстрах на нараді 29 липня 1930 р. [2] Про добровільне страхування жодного слова, але дуже концентровано виписано норми і правила обов'язкового окладного страхування для колективного та приватно-господарського сектору. Страхові платежі приватного сектору стя-

гували за принципом майнової прибутковості, а не загальної прибутковості господарств, тому власники майна не наважувалися добровільно страхувати його, позаяк ризик неповернення страховки був великий. Постановою ЦВК та РНК СРСР від 3 лютого 1931 р., крім ліквідації республіканських установ державного страхування, скасувало принцип добровільного страхування майна державних підприємств та закладів, а також добровільне понадокладне страхування майна, якщо воно підлягало окладному страхуванню. Для приватного сектора добровільне страхування залишалося, яке застосовували для хатнього майна, сільгосппродуктів, реманенту, транспортних засобів, а також будівель від вогню, рослин від градобою, вимочок та вимерзання, худоби від смерті, але за відсутності їх окладного страхування [3]. Добровільне страхування не стосувалося майна тих господарств які оподатковувалися єдиним сільськогосподарським податком індивідуальним порядком або прибутковим.

Добровільне страхування зберегли, однак обмежили його секторально та організаційно-функціонально, тому що інструкції торкалися переважно окладного страхування. Винятком є систематизований збірник нормативних актів про тарифи і тарифні правила державного добровільного страхування, опублікований з дозволу органів цензури 10 квітня 1932 р. загальним накладом 30 тисяч примірників [4]. Інструкції і тарифні правила зафіксували історію здійснення добровільного страхування різного майна, а також загальні правила та норми страхових операцій. Для оформлення добровільного страхування страхувач (господарство) подавав до фіноргану заяву, у якій було зазначено: назву організації, прізвище власника, його соціальний стан, категорію майна, вартість, страхову суму, структуру хати, якість матеріалу, термін страхування. Страховий інспектор чи уповноважений від районного фінвідділу встановлювали суму премії, яку страхувач мав сплатити на поточний рахунок районного страхового відділу місцевої філії Держбанку, подавши квитанцію про страховий внесок та одержавши страховий квиток.

До страхування добровільним порядком приймали майно, яке не підлягало обов'язковому окладному страхуванню: товарно-матеріальні цінності, сільськогосподарські продукти власного господарства, хатнє та господарське майне первинних кооперативів системи споживчої, міської кустарно-промислової, житлово-будівельної та житлоорендної кооперації, а також хатнє рухоме майно міського та сільського населення, сільгосппродукти. Страхова сума майна не повинна була перевищувати для робітників і службовців в містах першого рівня – 4000 крб. на родину, а по селах 2000 крб. [5] Оцінка майна відбувалася згідно «Загальних правил добровільного страхування від вогню» 1928 р., тобто непівської доби. Заборонялося страхувати добровільним порядком майно, яке належало до окладного обов'язкового страхування, будь-яке майно колгоспів, акціонерних товариств, МТС, громадських організацій та кооперативів, на яке поширювалися правила страхування усупільненого сектору. Страхові кошти від населення приймали райфінвідділи, їхні посередники: ощадкаси, профспілки, громадські організації, житлова кооперація, які мали на власні витрати 10% зібраної премії.

Кооперативне страхування ліквідували весною 1931 р., але зберегли добровільне державне страхування кооперативного майна від огню. До об'єктів страхування майна первинної кооперативної ланки належали товарно-матеріальні цінності, тара,

матеріали промислового значення (сировина, паливо, півфабрикати, готова продукція на складах), транспорт, що обслуговує торгівлю. Вони належали раніше до компетенції органів гарантійного страхування, яке було скасовано у 1930 р. Страхова сума майна обмежувалася цифрою 5000 крб., а страхова ставка коливалася від 125 коп. до 175 коп. на 100 крб. страхової суми [6], яка залежала від класу підприємств.

Для системної тарифікації страхування майна була здійснена класифікація адміністративних населених пунктів: міста та селища міського типу розподілялися на три класи, а сільські місцевості на два райони. Наприклад, до першого класу потрапили міста - Київ, Харків, Чернігів, Дніпропетровськ, Одеса, Миколаїв, Нікополь, Мелітополь та інші, а також селища – Нова Прага, Лисичанськ; до другого – міста Охтирка, Біла Церква, Вінниця, Пирятин, Черкаси, Конотоп, Богодухів, Лебедин, Житомир, Кобеляки, Миргород, до третьої – Глухів, Овруч, Жмеринка та інші. Сільські райони розмежовувалися за адміністративними кордонами колишніх округ. Так, до першого району потрапили села Артемівської, Дніпропетровської, Запорізької, Лубенської, Полтавської, Маріупольської, Херсонської округ, а разом 16 колишніх адмінцентрів. До другого району було виділено 12, з них села Білоцерківської, Бердичівської, Київської, Проскурівської, Харківської та інших округ [7]. Використані принципи класифікації населених пунктів з точки зору встановлення оптимальних тарифів виявилися недосконалими, позаяк майнова відмінність селян північної Київщини та Чернігівщини була дуже умовною. Майновий стан селянських господарств в роки масової колективізації, політики розкуркулення та хлібозаготівель швидко змінювався, тому районування тарифних ставок втратило перспективу, вимагало докорінного перегляду.

Кооперативні товариства в сільських районах України, які застрахували добровільно крупи, борошно, олію, молочні та м'ясні продукти, мали ставку премії 55 коп. на 100 крб. страхової суми для першого району та 70 коп. для майна другого району. Якщо майно коштувало десятки тисяч карбованців, то страховка мала відносно серйозну суму, а за інших умов виконувала функцію застереження від кримінальної відповідальності. Для органів державного страхування страхові внески кооперативних товариств давали додаткові кошти до бюджету. Страховка діяла протягом року, тому кожне її поновлення приносило значні кошти, які були добровільними жертвами населення на потреби індустріалізації тощо.

Діяв тариф №3 для добровільного страхування від вогню хатнього та господарського рухомого майна приватних осіб звичайним порядком, але він не поширювався на господарства «куркульського елемента». Дивним виглядало страхування взуття, одягу, посуду, меблів, але вартим для роздумів власника було страхування палива, сільськогосподарського реманенту (машин, саней, возів), худоби, що не підлягала нормам обов'язкового окладного страхування, інструменту, готової продукції кустарного виробництва. Якщо майно перебувало в кам'яному приміщенні, то тариф становив для міст «першої кляси» 7 коп. на 100 крб. страхової суми, другої 12 коп., третьої 25 коп. Запропоновані тарифи не могли викликати матеріального зацікавлення власників, тому подібна тарифікація швидше нагадувала ставки оподаткування рухомого майна та продуктів, а також одну із форм грошової повинності населення. В сільських місцевостях нормальний тариф становив 90 коп. для першого та

120 коп. для другого району, але він не стосувався куркульських господарств, які підлягали нормам так званого «класового тарифу».

Вигідним був тариф №4 «спрощеного страхування» від вогню, якщо порівнювати його з попередніми двома, тому що на випадок пожежі власник отримував фактичну вартість знищено майна, але в межах застрахованої суми. Тариф №5 застосовували для добровільного страхування продуктів сільського господарства, які належали селянським господарствам. Наприклад, хліб, насіння, молочні та м'ясні продукти, овочі, фрукти мали тариф від 90 до 120 коп. на 10 крб. страхової суми, а зернові культури, що перебували в скиртах, покосах та хміль і льон 150-180 коп. на 10 крб. страхової суми залежно від району. Дозволялося страхувати продукти на термін менше року, але зростала ставка тарифу за принципом: на три місяці 40% , від 3-х до 6-ти місяців 60%, від 8 до 9 місяців 80%, від 9-ти до 12-ти місяців 100% страхової премії [8].

Зміст та структура заяви про добровільне страхування враховувала категорії майна (хатнє, господарське рухоме, господарські продукти, сільськогосподарський реманент, сільгосптварини, будівельні матеріали, майно кустарного виробництва, вироби, займисті та менш займисті матеріали тощо), які відповідали конкретним номерам тарифу. Від реальної вартості майна залежала певною мірою його страхова оцінка, а від тарифу та ставки належна до сплати сума. Тарифи, правила і принципи добровільного страхування, які діяли в умовах тотального вилучення сільськогосподарської продукції у безпосередніх її виробників протягом 1931-1933 рр., судячи з опублікованих архівних документів [9], можна віднести до розряду теоретичних розробок, тому що поєднання грошової (позики індустріалізації, єдиний сільгосподаток, самообкладання, окладне і добровільне страхування, культ - збір тощо) та натуральної повинностей (план хлібозаготівель, натуральні штрафи, обов'язкове постачання державі картоплі, молока, м'яса) означало дискредитацію самої системи державного майнового страхування, бо держава була основним визискувачем.

Історичні аспекти розвитку добровільного страхування частково висвітлювалися в літературі 30-х рр., але в контексті агітації та пропаганди радянської системи, «Короткого курсу ВКП(б)», навіть масового політичного терору та пошуку «шкідників» серед апарату Держстраху та його низової ланки. Книги стосувалися системи державного страхування колгоспного майна, окремих об'єктів майнового страхування [10], а також її реформування протягом 1931–1933 рр. [11] Для цього періоду було характерним посилення ролі обов'язкового окладного страхування, перекладання провини за недолугу економічну політику та її руйнівні наслідки на «класового ворога». Винними визнавали місцеві органи влади, які не могли запобігти масовому скороченню селянського стада худоби, занепаду зернового господарства, тому в партійно-радянських органах відбулася «політична чистка», внаслідок якої переглянули штати 16-ти наркоматів УСРР, чотирьох банків, 70 республіканських господарських установ, скоротивши їх на третину [12].

Реорганізація системи страхування в сільських районах, яку започаткувала постановою ЦК ВКП(б) від 8 березня 1933 р., торкнулася низової ланки, тобто районів та сільрад, що означало «наближення» страхового апарату до населення. Зникли страхові агенти, а натомість постали страхові ревізори та інспектори. Якщо протягом 1931-1932 рр. страхові збитки становили дві третини суми страхового збору, то у

1933 р. лише 28% [13]. В абсолютних цифрах страхові надходження в СРСР становили: у 1931 р. 508, у 1932 р. 689, у 1933 р. 908 млн крб., у 1934 р. понад 1 млрд., 1935 р. 1,2 млрд., 1936 р. 1,4 млрд. крб. [14] Пряме підпорядкування державного страхування майна суб'єктів господарювання та громадян Наркомфіну лише посилювало фіскальні функції органів влади.

27 липня 1934 р. ЦВК та РНК СРСР видали постанову «Про добровільне страхування», яка не скасовувала його попередні форми, але дозволила здійснювати в селах та селищах, в колгоспах та кооперативних товариствах добровільне понадокладне страхування. Воно стосувалося будівель, підприємств, обладнання, реманенту в межах різниці між інвентарною оцінкою та їх справжньою вартістю згідно оцінки страхових органів, а також сільськогосподарських тварин, враховуючи тверді норми по окладному страхуванню цих об'єктів та реальну вартість [15]. Уряд дозволив Держстраху СРСР добровільне понадокладне страхування великої рогатої худоби віком до 10 років та коней віком до 12 років, які перебували у власності колгоспників та «одноосібних трудових господарств», але не більше твердих норм забезпечення по окладному страхуванню за конвенційними цінами або заготівельними. Так зване добровільне страхування поширювалося на дрібну худобу, птицю, кролів, навіть бджіл, але за тарифними ставками окладного страхування. Страхові внески сплачували двічі: одразу по завершенню страхування об'єкта та через два місяці. Економічно-фінансова мотивація запровадження добровільного понадокладного страхування, на переконання В.К.Райхера, полягала в тому, що окладні страхові норми не досягали дійсної вартості худоби. Цей вид страхування давав певні переваги колгоспам та кооперативам, яким дозволялося страхувати худобу за ставками, що відповідали їх повній вартості, а для колгоспників та одноосібників обмежувалися віком худоби. Згаданий дослідник, котрий був одночасно і співробітником державних органів страхування у 20-30-х рр., виокремив страхування худоби, кролиць, птиці, бджіл колгоспів та кооперативів, а також овець, кіз і свиней колгоспників та одноосібників, але в межах встановлених норм, в спеціальний вид добровільного страхування. Цей вид не був додатковим до окладного страхування (понадокладним), позаяк вони взагалі не підлягали окладному страхуванню. Обидва види добровільного страхування мали не вибірковий, а суцільний порядок, тобто страхувалася або уся худоба, або одного виду.

17 вересня 1935 р. ЦВК та РНК СРСР внесли зміни і доповнення до постанови від 17 липня 1934 р. про добровільне страхування, які стосувалися добровільного понадокладного страхування посіву спеціальних і технічних культур, урожаю садів, виноградників, городів, бахчевих, які належали колгоспам та кооперативам, а також великої рогатої худоби та коней в господарствах колгоспників та одноосібників в районах, передбачених Зразковим статутом сільськогосподарської артілі [16]. Ставки страхових платежів були меншими порівняно з окладним страхуванням, але з 1935 р. почала діяти єдина норма відповідальності для всіх видів страхування зернових культур: за твердими цінами на гектар посіву з пропорційним принципом розрахунку. Страхове забезпечення стосувалося не якоїсь абстрактної частини ушкодженого урожаю, а кожного гектара окремо. Діяла також соціальна диференціація норм страхового забезпечення по страхуванню культур від граду, злив, вимочок,

вимерзання, яка базувалася на показниках усупільнення та класового принципу. Колгоспи України в разі стихійного лиха отримували страхове забезпечення з гектара пошкодженого посіву зернових культур 60 крб., виноградників, садів 450 крб., коренеплодів і технічних культур 175 крб., колгоспники відповідно – 50, 400 та 160 крб., одноосібники 50, 375 та 150 крб. [17]

Запропоновані види добровільного страхування, які мали на меті лише стягнення додаткових коштів, виявилися недостатньо ефективними. Зокрема, наркомфін УСРР О.О.Рекіс, виступаючи на 3-ій сесії ЦВК УСРР у лютому 1936 р., назвав загальну вартість майна, застраховано системою Держстраху – 12,5 млрд. крб., з них колгоспів 4,7 млрд., колгоспників трохи більше 4 млрд. крб., але порядком понадокладного добровільного страхування лише 169 млн крб., з них 33 млн крб. припадало на 6 тис. колгоспів [18]. Постанови 1934 та 1935 р. про новий вид добровільного страхування не знаходили підтримки населення, яке вичерпало власний економічний ресурс. У 1935 р. застраховане майно становило лише 20% його реальної вартості, колгоспної робочої худоби 12%, великої рогатої худоби 7,2 %, овець 3,3%, свиней близько 3% від їх загальної кількості [19]. У колгоспників та одноосібників було застраховано 0,2-0,7% наявного поголів'я худоби. Сподівання на додатковий вид страхування не виправдалися, тому залунала критика Держстраху. «Пора засвоїти, - наголошував Л.Легостаєв, - що, наприклад, понадокладне страхування добровільне для колгоспів та колгоспників, але обов'язкове для страхових органів і повинно тепер стати одним із вирішальних показників усієї роботи на селі» [20]. В газетах друкувалися матеріали агітаційно-пропагандистського характеру, спрямовані на розгортання ударних кампаній на підтримку добровільного понадокладного страхування. Так, загальні збори колгоспників артiлі ім. 9-го січня М. Сланецької сільради, Амвросіївського району, Донецької області вирішили застосувати цей вид добровільного страхування. «Ми, - зазначалося в резолюції зборів, яку підписали 182 особи, - звертаємось до всіх колгоспників із закликом підтримати наш почин: своє життя застрахувати колективно, худобу та майно – добровільно понад оклад. Від замаху класових ворогів ми самотужки навчилися захищати власне майно; державне ж страхування оберігає колгоспи та колгоспників від стихійного лиха» [21]. У 1935 р. в СРСР було застраховано від вогню 11,6 млн дворів, а також 12,3 млн коней [22], але винятково за ставками окладного страхування.

Принцип добровільності означав для конкретного колгоспу широке право вибору: страхувати усі культури, окремий їх вид (пшеницю чи жито), але на всій площі їх посіву, а також обирати страховий випадок – від граду, зливи, вимочок або вимерзання. Розрахунок з колгоспами відбувався через банківську систему шляхом поповнення їхніх неподільних фондів, капіталовкладень, тобто безготівково. Колгоспники та одноосібники не мали таких умов добровільного страхування, сплачуючи страхові внески готівкою в обмежений часовий термін, але не він був причиною їх байдужого ставлення до цих видів добровільного страхування, а відсутність матеріального зацікавлення через недостатнє страхове забезпечення.

Враховуючи недоліки добровільного страхування, союзний уряд видав 5 вересня 1935 р. чергову постанову «Про роботу Держстраху по добровільному страхуванню», якою визнав недостатньою діяльність Нарком фiну СРСР, позаяк значна частина май-

на колгоспів, колгоспників, робітників і службовців виявилася незастрахованою [23]. Постановою запроваджувалося понадокладне добровільне страхування посіву зернових та бобових культур колгоспів, а також повертався інститут страхових агентів Держстраху, пропонувалися премії та інші форми заохочування їхньої роботи за виконання та перевиконання планів добровільного страхування. 29 листопада 1936 р. з'явилися «Правила добровільного понадокладного страхування посіву зернових та бобових культур», тобто уряд вимагав посилити тиск на суб'єктів господарювання з метою максимального вилучення у них страхових платежів. «Порядком понадокладного страхування на засадах повної добровільності, - наголошувалося там, - можуть страхуватися належні колгоспам і товариствам спільного обробітку землі посіви зернових та бобових культур від того стихійного лиха, по якому встановлена відповідальність Держстраху порядком обов'язкового окладного страхування цих культур на даній місцевості (тобто від градобиття, злив, бурі і вогню або від вимочок, вимерзання, випрівання та повені)» [24]. Отже, судячи з тексту постанови, дещо розширили страхове поле. Дозволялося страхувати усі зернові та бобові культури колгоспу, а також кожну зокрема, проте на всій її площі, а не окремому гектарі. Страхове забезпечення коливалося між нормою відповідальності по обов'язковому окладному страхуванню та повною вартістю урожаю, вирахованою по державним заготівельним цінам. Страхування було добровільним, а тариф за принципом окладного обов'язкового. Якщо страхувалася уся площа, то колгосп отримував скидку 10% тарифної ставки. Правління колгоспу подавало заяву районному страховому інспектору, вказавши площу застрахованих зернових та бобових культур, їх пересічну урожайність, страхову суму, але не вищу від вартості урожаю. Господарство вносило половину страхової суми разом з поданням заяви, а решту через два місяці. Страхувач мав повідомити районного страхового інспектора про збитки протягом п'яти діб після їх виявлення, щоб уникнути бюрократичних ускладнень та стягнень.

Друга половина 30-х рр. вирізнялася абсолютизацією необмеженої влади партійних та радянських органів, масовим політичним терором, насаджуванням карально-репресивних методів управління суспільством, тому декларування принципу добровільності на початку його формування трансформувалося в окремий вид додаткового окладного страхування. Характеризуючи розвиток системи державного страхування у 1937 р., В.К.Райхер писав, що там було виявлено «заклятих ворогів народу», «реставраторів капіталізму», «агентів фашистських розвідок», які намагалися «... спотворити страхову політику партії і радянської влади», порушуючи «... принцип добровільності в галузі понадокладного страхування» [25]. До порушень були віднесені наступні явища: самочинне, за відсутності згоди власника майна на добровільне понадокладне страхування, стягнення з нього страхових платежів шляхом приписок до платіжних повідомлень по обов'язковому окладному страхуванню, утримання їх із суми відшкодування за збитки, а також «... стягнення платежів по добровільному страхуванню в примусовому порядку». Три перевірки роботи страхових установ, здійснених протягом 1936 - 1937 рр. контрольно-ревізійними органами, виявили факти незаконного отримання страхових платежів, оформлення страховки за надмірно високими тарифними ставками. Перелічені порушення, на думку В.К.Райхера, призвели до недовиконання плану понад-окладного страхування у

1937 р. майже на 30%, а по страхуванню домашнього майна на 71,7% [26]. Інші автори підкресливали той факт, що саме «шкідництво» з боку «ворогів народу» призвело до зменшення рівня охоплення добровільним страхуванням майна колгоспів. Так, станом на 1 січня 1937 р. лише 15% колгоспів використали добровільне страхування, застрахувавши 22% коней, 14,4% голів великої рогатої худоби, близько 8% посівних площ, а колгоспники застрахували лише 2,5% наявної у них худоби [27]. 21 березня 1937 р. ЦВК і РНК СРСР звільнили сільські ради від обов'язків по нарахуванню грошових податків, страхових платежів та натуральних поставок, а з 1 липня того ж року передали ці повноваження районним фінвідділам [28]. Саме вони їздили селами та збирали грошову повинність населення, до якої належало і добровільне понадокладне страхування.

Протягом 1938-1939 рр. з'явилися інструктивно-нормативні документи, які упорядковували систему добровільного страхування майна колгоспів та селян. Так, 4 жовтня 1938 р. Наркомфін СРСР ухвалив інструкцію «Про добровільне (понадокладне) страхування майна, посіву і тварин, що належать колгоспам і трудящим», яка доповнила зміст постанов 27 липня 1934 р. та 5 вересня 1936 р. деякими положеннями. Вони стосувалися особливостей страхування насаджень картоплі, тварин та бджіл на випадок смерті від хвороб, вікових обмежень їх страхування та відповідно тарифних ставок, порядку та умов оформлення майнового страхування [29]. Наприклад, страхові платежі становили: для страхування великої рогатої худоби 2 крб. від 100 крб. страхової суми, овець та кіз 3 крб. 20 коп., свиней 3 крб. 75 коп. кролиць та сімей бджіл 6 крб., посівів південної коноплі від 1 крб. 30 коп. до 3 крб. Залишалася 10% скидка для колгоспів, а також пільгові скидки, але не більше 50% від суми страхових платежів по добровільному страхуванню. 23 листопада 1938 р. Наркомфін СРСР ухвалив «Правила добровільного страхування засобів транспорту», які стосувалися легкових та вантажних автомобілів, автобусів, трамваїв, тролейбусів, мотоциклів, катерів, моторних човнів, поромів, парусних суден, літаків, тракторів, що належали державним установам та закладам [30]. 14 квітня 1939 р. з'явилися «Правила добровільного страхування домашнього майна від пожеж, блискавки, вибуху, повені, землетрусу, буревію, зливи, обвалів та поповзнів». В преамбулі «Правил» зазначалося, що успішне виконання сталінських п'ятирічок забезпечило трудящим країни «небачене зростання матеріального добробуту», а особиста власність охороняється сталінською конституцією [31]. Не забули також зазначити, що добровільне страхування домашнього майна було одним із напрямків поліпшення матеріального добробуту людей. До категорії домашнього майна, яке підлягало захисту Держстраху, належали: меблі, одяг, білизна, музичні інструменти, мисливська зброя, спортивний реманент, швейні машинки, книги, картини, паливо, мотоцикли, велосипеди, автомобілі, інструменти стоматологічних кабінетів. Держава сплачувала страховку лише у випадку стихійного лиха, передбаченого чинними «Правилами». Страхування майна відбувалося з оглядом та без його огляду, але без огляду страхували сімейне майно до 10000, одинаків до 6000 крб. страхової оцінки. Страхування будівель, яке підлягало обов'язковому огляду та оформленню відповідного страхового свідоцтва, відбувалося шляхом щорічних платежів з кожної тисячі стра-

хової суми. Тарифні ставки залежали від якості будівельних матеріалів, вогнетривкого чи не вогнетривкого даху, але в межах 1 крб. – 7 крб. 50 коп.

Дивним виглядало індивідуальне добровільне страхування життя трудящих на випадок смерті, особливо у 1938 р., тобто в апогей великого сталінського терору. Страхувач оформляв заяву та сплачував 15 крб. вступного внеску, вказуючи кому необхідно було виплатити страхову суму у разі його смерті. «Держстрах сплачує повністю страхову суму у випадку смерті застрахованого від будь-якої причини, - зазначалося в правилах від 1 жовтня 1938 р., - а також у випадку повної та постійної втрати застрахованим працездатності від нещасних випадків, які сталися протягом дії страхування» [32]. Репресії позбавляли життя сотень тисяч радянських громадян, позбавляли їх працездатності після повернення з таборів, але жалюгідна страховка не могла повернути їх до повноцінного життя. Внески коливалися від одного року до десяти років терміну страхування в межах 17–37 крб. на тисячу страхової суми, від 15 до 25 років в межах 20–27 крб, а максимальна сума становила 50 крб., якщо особа досягла 59 років [33]. Страхувач мав право доручення на отримання страховки іншою особою, засвідчивши наявність страхового свідоцтва.

Затверджені Наркомфіном СРСР 1 жовтня 1938 р. «Правила добровільного страхування життя від нещасного випадку» нормативно дублювали попередні «Правила» індивідуального страхування, але чітко виписували відповідальність Держстраху, умови виплати страхової суми. «Нещасним випадком» вважалася несподівана пригода, яка викликала смерть або каліцтво застрахованого: ушкодження частин тіла від опіку, замерзання, обмороження, утоплення, від нападу зловмисника або хижої тварини, удару блискавки та електричного струму, необережного поводження з машинами та механізмами, отруєння газами та іншими шкідливими речовинами. Страхуванню підлягали особи від 17 до 70 років, які оформляли страхове свідоцтво, сплачували перший та наступні страхові внески. Для отримання страхової суми необхідно було подати в Держстрах наступні документи: страхове свідоцтво, копію акта про фіксацію нещасного випадку, а також довідку Загсу про смерть. Тарифні ставки, затверджені Наркомфіном СРСР 25 листопада 1939 р., становили протягом року від 2 крб. 50 коп. до 12 крб. на кожну тисячу страхової суми, тобто страхувач 4-го класу міг отримати наприкінці року 120 крб., якщо з ним сталася «нещасна пригода». Чим коротшим був термін страхування, тим вищою була тарифна ставка. До четвертого класу належали робітники, майстри та змінні інженери, які працювали на дуже небезпечних вибухових підприємствах, пов'язаних з динамітом тощо. На скалічених арештантів сталінських в'язниць подібні правила не поширювалися.

Діяла також «Інструкція з організації та оформлення добровільного колективного страхування життя трудящих» від 17 травня 1938 р. та «Правила добровільного колективного страхування життя трудящих» від 9 лютого 1939 р. Для укладання колективного страхування життя існувала низка необхідних документів: список осіб, що виявили бажання страхуватися, (форма №124), платіжний список (форма №125), особистий рахунок збиральника платежів (форма «126»), книги квитанцій з корінцями (форма №206) страхове свідоцтво для колективу (форма №207), страхові посвідчення для застрахованих (форма №208). Страхування відбувалося за місцем роботи. Наприклад, колгоспники та колгоспниці повинні були виробити не менше 80 трудоднів, а їх стра-

хування відбувалося за виробничими бригадами та ланками. Страхова сума коливалася від 500 до 5000 крб. на кожну особу, а термін страхування становив один рік. Якщо особа страхувалася на тисячу карбованців, то вона сплачувала 12 крб. страхового внеску, але наступного року поновлювала страховку, відтак кошти потрапляли на банківський рахунок Держстраху. Він відповідав лише за втрату загальної непрацездатності, а не професійної. У випадку смерті страховку виплачували особі, яка була зазначена в заяві застрахованого, а за її відсутності – найближчим родичам.

Таким чином, проаналізовані нормативно-правові акти радянської держави свідчать про суперечливу історію становлення та функціонування системи добровільного страхування. Принцип добровільності означав лише факт згоди власника майна та суб'єкта господарювання, а не право вибору форм майнового страхування, обмежившись однією з них. Колгоспи та радгоспи, а також промислові підприємства безпеліційно сплачували страхові внески згідно інструкцій та правил, встановлених органами влади. Вираз про те, що добровільність існувала для населення, а для Держстраху стягнення страхових платежів було обов'язковим – означав функціональну суть системи так званого добровільного страхування. Понадто добровільне страхування, особливо за тарифними ставками обов'язкового окладного страхування, відбувалося примусово, а його норми і правила відповідали принципам податкової системи. Ставлення населення, особливо сільського, до так званого добровільного страхування, судячи з відсотків охоплення майна та суб'єктів господарювання, було негативним. Держстрах, запроваджуючи добровільне страхування хатнього майна, навіть одягу та білизни, мав одну мету – максимальне стягнення коштів населення.

Список літератури

1. Угрунтування та методологія класового оподаткування майна, що підлягає обов'язковому сільському окладному страхуванню та матеріали щодо реорганізації державного страхування. – Харків, 1929. – С. V.
2. ЦДАВО України. – Ф. 539. – Оп. 7. – Спр. 1037. – Арк. 251.
3. СЗ СРСР. – 1931. – №8. – Ст. 88.
4. Тарифи й тарифні правила державного страхування (крім окладного). Систематизований збірник тарифів і тарифних правил та пояснення про порядок застосування їх. – Харків: Укрфілія держфінвидаву, 1932. – 40 с.
5. Там само. – С. 11.
6. Там само. – С. 13.
7. Там само. – С. 18.
8. Там само. – С. 22.
9. Колективізація і голод на Україні. 1929–1933 рр. : Зб. док. і мат-ли. – 2 вид. – К. : Наукова думка, 1983. – 732 с.; Голодомор 1932–1933 років в Україні : Док. і мат-ли. – К. : Видав. дім «Києво-Могилянська академія», 2007. – 1128 с.
10. Васильєв И. Укрепление колхозов и сельское страхование / И. Васильев, А. Алексеев. – М. : Госфиниздат СССР, 1932. – 32 с.; Очан С. И. Руководство по страхованию животных / И. Очан. – М. : Госфиниздат, 1934. – 99 с.; Бінов А. Державне страхування – на службу колгоспному ладові / А. Бінов. – Харків: Укрфілія Держфінвидаву СРСР, 1934. – 45 с.
11. Райхер В. К. Государственное страхование в СССР / В. К. Райхер. – М. ; Л. : Госфиниздат, 1938. – 128 с.
12. Иванов А. Сокращение и упрощение аппарата на Украине / А. Иванов // Правда. – 1933. – 4 янв.
13. Райхер В.К. Вказ. праця. – С. 69.
14. Там само. – С. 21.

15. СЗ СССР. – 1934. - №40. – Ст. 317.
16. Там само. – 1935. - №51. – Ст. 423.
17. Райхер В. К. Вказ. праця. – С. 95.
18. Финансовая программа УССР на 1936 год. Доклад А.А.Рекиса на 3-й сессии ЦИК УССР // Экономическая жизнь. – 1936. – 18 февр.
19. Легостаев Л. Пора Госстраху перестроиться / Л. Легостаев // Экономическая жизнь. – 1936. – 12 марта.
20. Там само.
21. Государственное страхование сберегает богатство колхозов и колхозников (Письмо колхозников артели имени 9-го января) // Экономическая жизнь. – 1936. – 12 марта.
22. Организация и техника государственного страхования в СССР / Ф. Коношин, Н. Легздинг, С. Очан и др. – М. : Госфиниздат, 1939. – С. 47.
23. СЗ СССР. – 1936. - №46. – Ст. 398.
24. Там само. – СЗ СССР. – 1936. – № 61. – Ст. 453.
25. Райхер В. К. Вказ. праця. – С. 71.
26. Там само.
27. Организация и техника государственного страхования в СССР... – С. 20.
28. Там само.
29. Сборник важнейших постановлений и ведомственных распоряжений по государственному страхованию / сост. В.С.Давыдов, отв. ред. А.Н.Власов. – М. : Финиздат, 1940. – 246 с.
30. Там само. – С. 157.
31. Там само. – С. 161–162.
32. Там само. – С. 196.
33. Там само. – С. 198.

Латышева Е. В. Советская система добровольного страхования в 30-х годах / Е. В. Латышева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвыпуск «История Украины» – С. 114–124.

Советская система добровольного страхования в 30-х годах. *Актуальность* исследования заключается в освещении реорганизации системы страхования, вследствие чего была ликвидирована кооперативная форма, радикально изменилась структура самих организаций, а также унифицировано «взимание» страховых платежей. Основные принципы реформирования системы имущественного страхования были сосредоточены в «Положении о Госстрахе СССР», проект которого принял Укрдзержстрах на совете 29 июля 1930 г.

Ключевые слова: добровольное страхование, обязательное окладное страхование, суммы страхового возмещения, страховой инспектор.

Latysheva O. V. Soviet System of Voluntary Insurance in the 1930-ies / O. V. Latysheva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 114–124.

The topicality of the research consists in covering the reorganization of the insurance system, that resulted in liquidation of co-operative form, radical changes in the structure of establishments, and unification of recovery of insurance premium. Basic principles of reformation of the system of property insurance were concentrated in “Statute on State Insurance of the USSR”, the project of which was adopted by Ukrderzhstrakh at the conference on July 29, 1930.

Keywords: voluntary insurance, obligatory salary insurance, sums of insurance compensation, insurance inspector.

Поступила в редакцию 01.10.2010 г.

УДК: 904:297"12/14"(477.75)

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ

XIII – XV ВЕКА В СТАРОМ КРЫМУ: В. Д. СМИРНОВ

Ломакин Д. А.

*Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского
E-mail: LomakinDA@mail.ru*

В статье рассмотрены результаты поездки В. Д. Смирнова (1886 г.) в Старый Крым, проанализированы описания древностей мусульманского происхождения, оставленные ученым в своих путевых записках. Обобщен вклад В. Д. Смирнова в изучение археологических памятников Солхата золотоордынского периода.

Ключевые слова: В. Д. Смирнов, Старый Крым, археологические памятники.

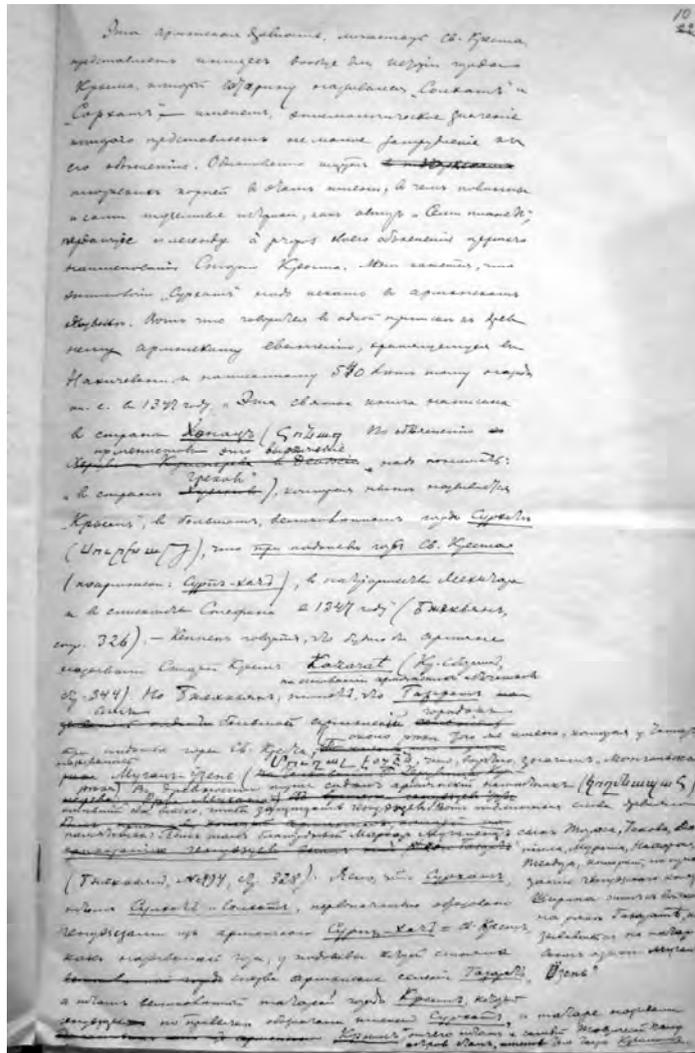
Начиная с конца XVIII века, с момента возрастания интереса к Крымскому полуострову, одним из объектов пристального внимания путешественников стал средневековый Солхат (ныне Старый Крым), бывшая столица Крымского улуса Золотой Орды. Некогда могущественный город посетили авторитетные исследователи древностей Северного Причерноморья (П. С. Паллас, Е. Е. Кёлер, П. И. Кёппен, Ф. Дюбуа де Монпере и др.), которые оставили рапорты, отдельные путевые заметки, первоначальные наброски работ, копии собранных документов, зарисовки планов старинных зданий, укреплений и памятников, а также копии и оригиналы карт, вызывающие у современных исследователей значительный интерес.

История изучения Старого Крыма последней трети XIX века непосредственно связана с именем Василия Дмитриевича Смирнова (1846–1922) – профессора Санкт-Петербургского университета, известного российского тюрколога. Его имя вошло в историю науки как «основателя крымской востоковедческой историографии» [10, с. 506–507].

Незадолго до защиты диссертации – в 1886 году – по заданию императорской Археологической комиссии В. Д. Смирнов совершил поездку в Крым. Информацию об этом содержит доклад главы комиссии Алексея Александровича Бобринского (1852–1927). Комиссия «воспользовалась поездкой в Крым профессора Санкт-Петербургского университета» [1, с. 105–109]. Основное внимание в Крыму исследователь уделил знакомству с материалами симферопольских архивов. В то же время востоковед отметил, что невозможно было не остановиться на непосредственном изучении памятников материальной культуры [4, с. 149].

Результаты поездки В. Д. Смирнова в Крым в отечественной и зарубежной историографии отображены не в полной мере. Рассматривая пребывание ученого на полуострове, исследователи, как правило, основное внимание уделяли работе В. Д. Смирнова в местных архивах, сбору ученым крымскотатарских рукописей и документов [2; 4], что сам историк выделял как первостепенную задачу [4, с. 149]. В итоге непродолжительная поездка В. Д. Смирнова в Старый Крым осталась в тени, результаты исследования им старокрымских древностей до настоящего момента

нуждаются в скрупулезном анализе, что необходимо для воссоздания полной картины истории изучения комплекса мусульманских памятников Солхата золотоордынского периода последней трети XIX века.

Лист рукописи В. Д. Смирнова «Описание археологических памятников татарского происхождения в Старом Крыму» (Научный архив Ин-та восточных рукописей РАН, ф. 50, оп. 1, д. 22)

Итогом научной поездки ученого стала неопубликованная статья «Описание археологических памятников татарского происхождения в Старом Крыму» (рукопись отложилась в Научном архиве Института восточных рукописей РАН [12, л. 1–16]), а также опубликованный отчет «Археологическая экскурсия в Крым 1886 года» [8; 9]. Публикация позволила детально проследить маршрут поездки

В. Д. Смирнова: Феодосия – Судак – Старый Крым – Ортолан – Биче-Ели – Карасу-базар – Токлук. Находясь в различных местах Крыма, В. Д. Смирнов не ставил перед собой цель каких-либо «самостоятельных исследований, а только проверку тех данных об известных исторических местностях и кладбищах, о каких упоминали раньше ученые» [11, л. 1].

Значительное внимание В. Д. Смирнов уделил Старому Крыму и его многочисленным памятникам истории и культуры золотоордынского периода. При въезде в город ученым были обнаружены остатки средневековых крепостных стен и оборонительного рва, которые находились в сильно поврежденном состоянии и были едва видны из-под земли. В. Д. Смирнов был глубоко впечатлен пренебрежительным отношением местных жителей к памятникам старины, беспощадным их уничтожением. Ученый оставил в своем отчете следующую запись: «Старый Крым представлял сплошную массу древностей несомненно татарских. <...> По ту сторону окаймляющей с севера город горной возвышенности существовали искусственные укрепления в виде рва и каменных стен. Теперь заметны лишь признаки не наполнившегося землей рва; о стенах же свидетельствуют лишь остатки фундаментов, да частичка какого-то строения, видневшаяся с холма Кемаль-Ата направо к Агармышу. <...> Не осталось ничего и от внешних стенных сооружений: все это разрушено, выломано, вывезено в город и употреблено частью для постройки новых домов, частью сложено в виде оград. Такого беспощадного истребления древностей, как в Старом Крыму, нигде еще, кажется, не было видано. Там даже есть рабочие, специально занимающиеся ломкой древних строений и фундаментов. Разрушителями являлись не простые невежественные люди, а иногда даже люди образованные, и вовсе не вследствие какой-либо необходимости, например, по требованию плана собственной постройки или почему-либо в этом роде, а единственно потому только, что можно безответственно и безнаказанно творить это разрушение, жертвой которого стали остатки древностей, находившиеся далеко за чертою пространства, занимаемого нынешним городом. Я сам был свидетелем этого беспощадного и ничем не вынужденного разрушения. На пространстве внутри естественной горной ограды, по дороге мимо холма Кемаль-Ата еще два года тому назад я сам видел остатки стен и зданий, шедших вдоль горного склона по направлению от Кемаль-Ата к Агармышу. Ныне же летом я застал лишь два небольших кусочка зданий, и ни малейших признаков стен: все разрушено и расхищено» [9, с. 504].

Здесь же, при въезде в город, по словам академика П. С. Палласа, посетившего Старый Крым весной 1794 года [7, с. 44], находился надгробный памятник из тесаных камней, с готическим сводом и татарской надписью 1454 года. Караулов упоминал о нем в 1883 году [7, с. 46]. В. Д. Смирнов обнаружить его не смог, так как «и следов его не сохранилось, и даже на расспросы никто не мог указать места, где был этот памятник» [9, с. 505]

Не осталось без внимания ученого расхищение местных древностей на холме Кемаль-Ата, где ученый застал лишь «немногие надгробные памятники с именами шейхов, остатки фундаментов прежних зданий дервишского текие и погребальных тюрбе. Но старокрымские обыватели самым варварским образом поступили с этим

памятником старины: они раскопали усыпальницы до склепов, проломали своды и, не найдя ничего кроме костей и черепов, снова завалили их каменными глыбами, так что теперь к ним и подступиться трудно. Распаханная под табачную плантацию поверхность западного склона холма усеяна черепками глиняной посуды прежних форм с оригинальными на них узорами» [9, с. 505]. У подошвы холма Кемаль-Ата, В. Д. Смирнов обнаружил «следы подвала какого-то здания» [9, с. 505]. По рассказам местных жителей некогда там находилась так называемая «Мускусная» мечеть. Более упоминаний об этом сооружении в отчете В. Д. Смирнова нет.

От Кемаль-Ата до городской застройки профессор наблюдал огромную незаселенную площадь, где «только масса сравненных с землею фундаментов, свидетельствовала о том, что по этому пространству некогда раскинут был громадный город» [9, с. 505]. В черте города В. Д. Смирновым были обнаружены развалины массивного строения, предположительно так называемой мечети Бей-Барса. «Здание это было чрезвычайно массивное по толщине стен, высоте сводов, величественности портала. Особенность его конструкции составляли контрфорсы у стен, чего не заметно в других сооружениях татарского стиля» [9, с. 505].

План фасада мечети Узбека в Старом Крыму (ЗООИД.– 1883.– Т. 13.– С. 297)

Современный вид фасада мечети Узбека

В. Д. Смирнов не мог оставить без внимания наиболее известный и сохранившийся памятник средневековой истории Старого Крыма – мечеть хана Узбека, который также не щадило ни местное население, ни время. «Фасад ее носил явные

признаки разрушения, постигшего эту древность; особенно это выдавал безверхий минарет мечети. По краям портала имелся резной карниз, в орнаментах которого вплетены слова арабской надписи, теперь уже настолько выветрившейся, что их разобрать нельзя. Верхней части этого орнамента теперь совсем не существует: она затерялась после разрушения фасада. <...> Рисунок орнамента, украшающего вход, в свое время был очень красив, но, вырезанный из мягкого желтоватого известняка, он попортился частью от тлетворного действия стихий, частью от разрушительных инстинктов человеческих, следы которых можно усмотреть в именах тех, чья рука нацарапала их на этом памятнике. Но все же портал настолько сохранился, что по его орнаментам можно судить о великолепном художественном стиле его» [9, с. 505–507]. «Окна в мечети, как в северной фасадной стене, так и в противоположной ей южной помещены очень низко – характерная черта татарских построек вообще и мечетей в частности. Характерна также форма капителей на колоннах, поддерживающих арки: этот рисунок встречается всюду в Крыму в соответственных частях старинных зданий, равно как и форма самих арок. Крыша мечети обыкновенна, в два ската, образующая треугольник с линией потолка здания» [12, л. 2]. Ученым было осмотрено и детально описано помещение мечети, в отчете приведены данные замеров различных архитектурных деталей.

Следует отметить, что к моменту выхода из печати «Археологической экскурсии» В. Д. Смирнова был опубликован тринадцатый выпуск «Записок Одесского общества истории и древностей» (1883 год), в котором в качестве приложения был помещен рисунок фасада мечети Узбека. По наблюдениям В. Д. Смирнова, на нем «мало сходства с действительным видом этого фасада; или же, может быть, этот рисунок был снят при других обстоятельствах» [9, с. 505].

Не осталось без внимания ученого медресе – «большое здание со сводом, одной своей частью примыкающее к южной стене мечети, а другой самостоятельно заканчивавшееся с северной стороны. С востока был, как видно, главный вход, а вокруг стен внутри двора были расположены 24 кельи со сводами и куполами, которые еще можно теперь заметить отчасти на юго-восточной части развалин и у северной стены прежнего здания» [9, с. 508].

К востоку от мечети Узбека В. Д. Смирновым были замечены «сильно выдающиеся над поверхностью земли остатки фундамента какого-то крупного строения, которое татары считали за монетный двор» [9, с. 509]. Исследователь не поддержал данную точку зрения, но и не высказал каких-либо гипотез относительно происхождения развалин этой постройки. По этому поводу он лишь заметил, что «монетные дворы составляют одну из слабостей нынешних жителей Крыма, которым снятся и грезятся повсюду клады и старинные деньги. Где только не усматривают этих монетных дворов – и в Бахчисарае, и в Карасу-Базаре, и в Старом Крыму, и в Эски-Сарае, близ Симферополя. Но чеканка ханской монеты не составляла особенно выдающейся отрасли государственной деятельности ханского правительства; ханы не нуждались в постройке крупных зданий для монетных фабрик [12, л. 2].

В южной части города, близ холма Кемаль-Ата В. Д. Смирнов исследовал «развалины огромных размеров, которые были известны у местных жителей под названием «Хан-Сарай». <...> На краю западной стороны этого громоздкого здания

слева находилась квадратная, точно будто башня, пристройка и брешь между ней и стеной, как будто похожая на ворота, сквозь которые виднелась внутренняя сторона северной части строения. Но так как южной стены совсем не существовало, ибо она разрушена обывателями, то и нельзя теперь сказать, где был вход в Хан-Сарай. Старожилы сообщали, что ворота находились на юго-западном углу здания и были украшены резными косяками; но теперь всего этого и следов нет. Есть неподалеку около одного дома огромный, в сажень и более, камень, весь испещренный резьбою и служащий ныне скамейкою для собеседничества соседей с хозяевами дома. Он-то, можно думать, и составлял некогда принадлежность какой-нибудь строительной части Хан-Сарая, и всего скорее – ворот. Площадь этого здания, имеющая около ста саженей в окружности, представляет неправильную форму параллелограмма, у которого один угол скошен в виде сегмента» [9, с. 509].

В. Д. Смирнов склонен был относить эту постройку не к комплексу ханского дворца, а к караван-сараяу. К подобному выводу его подтолкнули следующие обнаруженные им факты: «высота стен, углубления в стенах снаружи, предназначенные для крепления балок, на которых лепятся обыкновенно чердаки, т. е. легкие деревянные чуланчики, заменяющие наши номера гостиниц, близость здания той части города, где должен был находиться главный выезд из него возле Кемаль-Ата, за которым лежит сейчас деревня Тамгаджи, где производился досмотр и клеймение всех ввозившихся в город товаров – все это склоняло к мысли, что это был не ханский дворец» [9, с. 509].

Во время пребывания В. Д. Смирнова в Старом Крыму при прокладке водопроводных труб была обнаружена печь средневековых татарских бань. При этом были «найжены четыре мраморные (по мнению В. Д. Смирнова) банные вазы или раковины с резными украшениями, которые валялись у одного армянина во дворе, купленные им неизвестно у кого по 10 копеек за штуку» [9, с. 511]. Находки в последствии были выкуплены Русским археологическим обществом и принесены в дар Таврической ученой архивной комиссии. Осматривая древности, А. И. Маркевич, командированный ТУАК в Старый Крым в 1888 году, оставил следующую запись: «Мраморные банные вазы или раковины, как их описывал профессор В. Д. Смирнов, оказались изготовленными из местного известняка и самого простого вида, какие можно видеть в любой турецкой бане» [3, с. 65].

В. Д. Смирнов также обнаружил валявшуюся «под лавкой в кабаке еврея Сруля мраморную доску, очевидно являющейся надгробным памятником, как показывала имеющаяся на ней арабская надпись» [9, с. 511]. Благодаря стараниям А. И. Маркевича надпись на плите была переведена: «месяц Сефер 742 года» [3, с. 65]. Дата соответствовала 1341 году по Р. Х. и близка к году возведения мечети Узбека. Других плит от того памятника, часть которого составляла данная плита, не сохранилось.

В отчете о своих исследованиях в Крыму В. Д. Смирнов продемонстрировал не только глубокое знание исторических памятников Крыма, но и знакомство с основным корпусом крымоведческой литературы. Значение проведенных в Крыму исследований ученым вскоре было отмечено специалистами Археологической комиссии [6, с. 105–109].

Изложение материала В. Д. Смирновым составлено в форме, характерной для путевых записок путешественников XVII – первой половины XIX века, общей чертой которых является описательный характер помещенных в них сведений, присутствие личных авторских мнений и предложений. В тексте присутствует множество статистических данных, личных впечатлений и оценок автора, но при этом отсутствует какой-либо анализ изложенных данных. Следует учесть, что В. Д. Смирнов перед поездкой в Крым не ставил подобных целей, наметив лишь проверку уже имеющихся сведений о древностях и работу в крымских архивах. Ныне работы В. Д. Смирнова о старокрымских древностях являются важнейшим источником по изучению археологических памятников мусульманского происхождения XIII – XV века в Старом Крыму.

Благодаря поездке в Крым В. Д. Смирнову удалось пробудить живой интерес в среде ученых к мусульманским древностям Солхата, обратить внимание местных краеведов на проблему охраны памятников города. Принятые в дальнейшем попытки сохранения старокрымских древностей являются заслугой в том числе и В. Д. Смирнова.

Список литературы

1. Бобринский А. А. Доклад о действиях императорской Археологической комиссии за 1886 год // Отчет имп. Археологической комиссии за 1882–1888 годы. С атласом / А. А. Бобринский. – СПб., 1891. – С. 105–109.
2. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – С. 237–267.
3. Маркевич А. И. Поездка в Старый Крым / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1888. – № 6. – С. 64–77.
4. Непомнящий А. А. З історії вивчення пам'яток Криму наприкінці XIX – початку XX ст.: В. Д. Смирнов / А. А. Непомнящий // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України; УТОПК. – К., 2009. – Вип. 15. – С. 145–166.
5. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий; Ин-т украинской археологии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – (Научно-справочные издания по истории Украины; Вып. 46). – 212 с.
6. Отчет имп. Археологической комиссии за 1882–1888 гг. – СПб., 1891. – С. 105–109.
7. [Паллас П. С.] Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (продолжение) / П. С. Паллас // ЗООИД. – 1883. – Т. 13. – С. 35–108.
8. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года / В. Д. Смирнов // Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. – СПб., 1887. – Т. 1. – Вып. 4. – С. 273–302.
9. Смирнов В. Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года / В. Д. Смирнов // Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. – Симферополь, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – С. 499–529.
10. Vernadsky G. Russian historiography: History / G. Vernadsky. – Belmont, 1978. – 509 p.
11. Институт восточных рукописей, научный архив РАН, ф. 50, оп. 1, д. 21, л. 1.
12. Там же, д. 22 Описание археологических памятников татарского происхождения в Старом Крыму : [Рукопись]. – л. 1–16.

Ломакін Д. А. До історії вивчення мусульманських пам'яток XIII – XV століть у Старому Криму: В. Д. Смірнов / Д. А. Ломакін // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 125–132.

У статті розглянуто основні підсумки подорожі В. Д. Смірнова (1886 р.) до Старого Криму, проаналізовано описи старожитностей мусульманського походження, зроблені вченим. Узагальнено внесок В. Д. Смірнова у дослідження археологічних пам'яток Солхату часів Золотої Орди.

Ключові слова: В. Д. Смірнов, Старий Крим, археологічні пам'ятки.

Lomakin D. A. The history of studying complex of muslem monuments of XIII – XV centuries in the Stary Krym: V. D. Smirnov / D. A. Lomakin // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 125–132.

V. D. Smirnov's results of the trip to Stary Krym, descriptions of Moslem antiquities, left by the scientist in his travel notes are examined in the article. Smirnov's contribution to the study of archeological monuments of Solkhat during the Golden Horde's times is generalized here.

Keywords: V. D. Smirnov, Stary Krym, archaeological monuments

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 904(=512.143)(477.75):351.853

**ПУТЕВОДИТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
КАК ФОРМА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ КРЫМА**

Молочко Е. В.

*Центр памятниковедения НАН Украины и
Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Киев, Украина
E-mail: jane557@mail.ru*

Во второй половине XIX века обилие археологических и культурных достопримечательностей сделало Крым одним из привлекательнейших туристских районов Российской империи. Увеличившийся интерес к развитию туризма был связан с популяризацией историко-культурного наследия полуострова. Основную информацию о крымских курортах приезжающие черпали из путеводителей. Данные справочные издания являются уникальным источником, так как здесь помещалась информация об исторических памятниках, большинство из которых не сохранились до наших дней. Рассмотрение этих работ позволит составить полное представление об охране и изучении историко-культурного наследия края в исследуемый период.

Ключевые слова: памятниковедение, путеводитель, историко-культурное наследие, Крым.

Со второй половины XIX века совершенствовались формы экскурсионно-познавательной работы и методы краеведческих исследований. Памятники истории и культуры Крыма стали объектом для усиленного внимания ученых. Распространение экскурсионных поездок было связано с экономическими, транспортными, социально-политическими тенденциями развития края. Становятся более разнообразными цели и мотивы путешествий:

- курортные – с целью отдыха и лечения;
- экскурсионные – знакомство с природными, историческими и культурными достопримечательностями;
- научные – для исследований историко-культурного наследия края.

Активизация экскурсионной деятельности сопровождалась открытием исторических, культурных и природоведческих памятников. В XIX веке большую популярность для приезжих получили южные районы Крыма, к которым легко было добраться по суше и по морю. Важной сферой туризма стало познание местности по конкретным памятникам исторического прошлого.

Распространение горных восхождений, пеших походов и прогулок, стремление русской интеллигенции использовать путешествия и познавательные экскурсии для просвещения содействовали становлению и развитию популярных краеведческих изданий – путеводителей по Крыму. Крымский полуостров был центром рекреации, курортов, объектом туристических интересов определенных слоев общества, которые

создавали на них спрос. На Западе литература этого жанра была популярной, а в Российской империи только начала развиваться, когда улучшение путей сообщения (строительство Курско-Азовской, Киевско-Одесской и Одесско-Балтской железных дорог, регулярное пассажирское пароходство на Черном и Азовском морях и по Днепру) привело к значительному росту количества приезжающих на отдых в Крым [1, с. 37]. Эти издания знакомили туристов и исследователей полуострова не только со способами путешествий, но и с наиболее интересными маршрутами со всеми их достопримечательностями. Особое внимание было уделено древним памятникам.

Вопрос о становлении путеводителя как справочного издания, содержащего различного вида сведения о памятниках истории и культуры полуострова, является ключевым в изучении туристическо-краеведческой литературы о Крыме второй половины XIX – начала XX века. Формирование суждений и критики по поводу выхода этих изданий из печати занимает, в свою очередь, центральное место в рассмотрении их как исторических источников по охране историко-культурного наследия Крыма. Авторы путеводителей – представители различных слоев общества – каждый по-своему подходили к составлению путеводителей. Подготовка данных изданий требовала от них знания разнообразной статистической информации о полуострове, об истории, быте и культуре населявших его народов, топографических особенностей. В свою очередь это повлияло на различный характер информации, помещаемой в путеводителях.

Таким образом, отдельные аспекты данной проблемы нашли отражение в историографии. Основную информацию о наличии досоветских путеводителей можно было почерпнуть из библиографических изданий. Основной вклад в составление списка досоветских путеводителей по Крыму внес А. И. Маркевич. В его указателе литературы о Крыме «TAURICA» путеводители помещены вместе с записками путешественников, работами по географии, этнографии, статистике, но не представлены в качестве отдельной группы [2]. Новый этап в изучении библиографии и анализа досоветских путеводителей по Крыму открыл доктор исторических наук, профессор кафедры истории Украины Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Андрей Анатольевич Непомнящий [3; 4]. В его работах представлена ретроспективная библиография крымоведческих изданий, предложено разделение путеводителей на группы, в зависимости от их особенностей, проведен глубокий анализ наиболее ярких изданий этого рода и сделан аргументированный вывод об их значении. В исследовании А. И. Тарасенко [5] удачным представляется выделение трех периодов развития жанра путеводителя, на основе которых прослеживается его становление.

Путеводители – особая группа исторических источников, которые привлекаются при разработке вопросов памятниковедения, социально-экономической и культурной истории. Они появились, когда был накоплен значительный комплекс сведений в области истории, географии, этнографии и статистики, и одновременно возникла потребность сообщить эти данные публике в популярной форме.

Эти разные по объему книги (от 40 до 600 страниц) были путеводителями практически в современном значении слова. В них содержались не только историко-культурные сведения о городах и станциях, но и практическая информация для пу-

тешественников разных категорий населения. Это сделало досоветские путеводители по Крыму наиболее эффективным источником, из которого можно было получить полные сведения об интересующем памятнике истории и культуры, географическом, природно-ресурсном и историко-культурном положении Крыма на данном промежутке времени.

В путеводителях освещались разнообразные циклы туристических занятий:

- познавательные (ознакомление с природными, культурно-историческими, этнографическими достопримечательностями края);
- развлекательные (катание на лодках, походы в горы);
- оздоровительные (купания);
- справочная информация;
- смена впечатлений и почти постоянный контакт с природой.

После длительного периода становления жанр путеводителя приобрел присущие ему специфические черты: сочетание справочной и образовательной информации [3, с. 151]. Книга должна была предоставлять сведения о предмете, заменяя научные труды, затрагивать широкую проблематику и выходить за пределы информации о конкретном городе или памятнике истории и культуры.

По содержанию путеводители по Крыму разделялись по географическому принципу (по полуострову в целом, по отдельным его частям, по городам). Отдельно выделялись путеводители справочного характера, в которых помещались данные по разным аспектам жизни края. Среди большого количества справочных изданий по Крыму отечественных и зарубежных авторов наиболее достоверными были те, над составлением которых работали местные краеведы. По своему уровню они не уступали, а иногда имели преимущества перед лучшими путеводителями, изданными в России.

Различное социальное положение туристов, посещавших Крым, приводило к тому, что создавались путеводители разного уровня полноты и сложности. Со второй половины XIX века они предоставляли справочную информацию, рассчитанную на интересы определенного круга приезжающих [6, с. 112]. В таких путеводителях описывались наиболее популярные и посещаемые памятники Крыма. Они были не доступны для широкой общественности, так как издавались небольшими тиражами (от 1500 до 50 экземпляров) и отличались высокой ценовой категорией. Недорогими были только практические справочники [3, с. 178].

Содержание и форма путеводителя по Крыму определялись не только запросами наиболее обеспеченных в материальном плане туристов. Определенная группа приезжающих преследовала новые цели – туризм западного типа или образовательное путешествие для ознакомления с памятниками истории и культуры Крыма. Интерес их вызывала информация, дающая возможность осознать наблюдаемое в путешествии, что привело к популярности пешеходных маршрутов. Этот состав туристов и экскурсантов со своими установками и целями предъявлял новые требования к путеводителям [6, с. 113].

Составители справочных изданий при подготовке исторических очерков о Крымском полуострове и об отдельных городах использовали краеведческую литературу, что способствовало знакомству с исследователями по Крыму массового читателя. Ав-

торами путеводителей были известные краеведы, а также любители края, имевшие литературный талант и средства для издания своего варианта справочника [3, с. 178].

Лучшие путеводители содержали информацию из столичных и местных изданий, с частичным использованием архивных материалов. Однако публиковалась литература путеводительного жанра, где помещались предания о Крыме вместе со справочно-информационными сведениями, и исторические очерки без ссылок на источник [4]. Смысл путеводителя был связан с его предназначением – предоставлять справочную информацию о крае, в некоторой степени заменяя научные труды, недоступные широким кругам читателей. Содержащаяся в них информация зависела от стремления автора представить ее определенным образом.

В настоящее время известно более трехсот двадцати досоветских путеводителей по Крыму, что позволило их классифицировать. Исследователи делят путеводители на несколько групп: 1) издания, подготовленные местными краеведами на основе личных или собранных материалов; 2) работы компилятивного характера, дающие обобщенное представление о крае; 3) путеводители по Российской империи в целом, включающие в себя в виде главы (раздела) информацию о Крыме; 4) работы специализированного характера, предназначенные для удовлетворения профессиональных интересов приезжающих [3, с. 152; 5, с. 265]. Путеводителям присуща компилятивность, поэтому можно выделить работы, относящиеся к группе компиляций, избрав определяющим признаком использование ранее опубликованных путеводителей (нет указаний на источник).

В истории издания путеводителей по Крыму в досоветское время логично выделить три периода: начало 50-х гг. XIX века – 1880 год, 80-е гг. XIX века – 1900 год, первые годы XX века [5, с. 266].

В течение первого периода происходило становление жанра путеводителя. В основном это были работы о Крыме или Таврической губернии в целом и об отдельных городах [7]. Именно в это время были опубликованы специализированные путеводители. Основное внимание авторы начала эпохи курортного развития уделяли подробному описанию историко-культурного наследия Крыма, приводили подробные сведения по истории, географии и этнографии региона. Путеводители в большей степени были еще ориентированы на путешественников, а в меньшей – на приезжающих на отдых и лечение.

Путешествия в 50-х – 80-х годах XIX века оставались преимущественной привилегией высших слоев общества и дорогостоящим развлечением. Главная задача составителей путеводителей данного времени заключалась в сообщении сведений о крае. Путеводители предоставляли различную информацию о крае, а ее использование читателями пока может только предполагаться. Авторы с большей или меньшей обстоятельностью описывали Крым, восхищаясь его красотами, но прямо не обращались к читателю с приглашением увидеть все своими глазами [5, с. 266]. Популяризировали и знакомили приезжающую российскую публику с памятниками истории и культуры Крыма, прежде всего, местные краеведы.

Со временем количество желающих посетить полуостров увеличивалось. Быстрое развитие получила курортная инфраструктура, поэтому появилась необходимость в издании справочной литературы для туристов, которая знакомила с быто-

выми аспектами жизни края [8, с. 7]. Путеводители, опубликованные в 70-х годах XIX века, не содержали подобных сведений, поэтому в конце 80-х годов наблюдается переворот в издательстве туристической литературы. Информация о курортах и памятниках Крыма стала помещаться в разнообразных путеводителях общего характера (по определенным маршрутам и регионам).

Немного позднее путеводителей общего характера появились издания для туристов, посвященные отдельным курортным местностям Крыма. Их появление было указанием на превращение определенного места в более или менее значительный курорт. Не смотря на это, первое подобное издание содержало сведения не о курортном, а о туристическом районе. В 1857 году был издан путеводитель по Севастополю с целью «благотворения на его развалинах». Это свидетельствовало о внимании к разрушенным памятникам истории и культуры города в результате событий Крымской войны [9].

Во второй половине 80-х годов XIX века стали издаваться путеводители-справочники по популярным курортам – Алушке, Евпатории и Ялте. Авторы этих книг преследовали несколько целей: 1) доказать преимущества историко-культурного наследия и курортов Крыма перед зарубежными, привлечь публику именно сюда; 2) максимально облегчить приезжему пребывание на курорте (заранее сообщить о ценах и пансионатах, указать адреса лечебниц, порекомендовать экскурсионные маршруты) [11, с. 311].

В последнее двадцатилетие XIX века преобладало два типа путеводителей: работы-компиляции и работы местных краеведов. Издания этого периода содержали сведения, которые были необходимы и полезны для любого туриста [10]. Не просто расширить кругозор, а объяснить – где и как можно поправить здоровье, что следует увидеть – цель этих путеводителей. Главным адресатом стал потенциальный турист, когда ранее им был любопытствующий читатель [5, с. 266]. Путеводительный жанр достиг наивысшего развития, чего не было в развитии справочно-краеведческих изданий по Крыму советского периода.

На протяжении почти семидесяти лет (1850–1917 гг.) произошло смещение приоритетов в издании данной литературы: от простого сообщения сведений до способствования развитию отечественного туризма посредством популяризации историко-культурного наследия Крыма [5, с. 269].

В XIX веке путешествия по Крыму стали пользоваться интересом у значительной части общества, но сопровождалась определенными затруднениями. До второй половины XIX века не было издано серьезного справочника по Крыму, который бы всесторонне помогал путешественникам в освоении края. В данных справочных изданиях описалась природа, приведены исторические очерки развития городов, этнографические описания народов Крыма. Их цель – помочь отдыхающим и путешественникам самостоятельно ознакомиться с достопримечательностями и историей края.

Таким образом, в связи с увеличением количества приезжающих в Крым во второй половине XIX века получил развитие оригинальный вид краеведческого издания – путеводитель. Пройдя становление вслед за развитием записок путешественников к функциональному изданию с четкой структурой и устоявшейся системой подачи сведений, жанр путеводителя приобрел присущие ему черты. Содержа-

ние и форма путеводителей по Крыму отличались в зависимости от того, на каких читателях они были рассчитаны. Созданные на основе личных наблюдений автора, эти издания являются важным историческим источником о сохранности памятников истории и культуры Крыма во второй половине XIX века. Изучение путеводителей, как формы краеведческой литературы, расширит сведения о состоянии и охране историко-культурного наследия края.

В настоящее время издается большое количество путеводителей по Крыму. Досоветские справочные издания не содержали иллюстрации хорошего качества и подробнейшие сведений о местах развлечения, а в нынешних изданиях эти данные представлены подробнейшим образом. Однако информация по истории и культуре того или иного города, о его историко-культурном наследии дается не в полном объеме. Поэтому сегодня популярны репринтные переиздания наиболее удачных досоветских путеводителей местных краеведов.

Список литературы

1. Санцевіч А.В. Історичні знання у довідниках-путівниках по містах України / А.В. Санцевіч // Всеукраїнська науково-практична конференція «Туризм і завдання національно-культурного відродження України» : Тези доп. та повідомл. / Ін-т туризму ФПУ. – К.; Черкаси, 1992. – С. 37–39.
2. Маркевич А.И. «TAURICA» : Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Вып. 1 / А.И. Маркевич // ИТУАК. – 1894. – № 20. – С. 1–395; То же. – Вып. 2 // Там же. – 1898. – С. 92–185; То же. Вып. 3 // Там же. – 1902. – С. 47–128.
3. Непомнящий А.А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX в.) / А.А. Непомнящий; Ин-т украинской археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 212 с. – (Научно-справочные издания по истории Украины ; вып. 46).
4. Непомнящий А.А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття) : Біобібліографічне дослідження / А.А. Непомнящий. – Сімферополь : Бізнес-Інформ, 2003. – 456 с.
5. Тарасенко А.И. Источниковедческое изучение и классификация путеводителей / А.И. Тарасенко // Архівознавство, археографія, джерелознавство : Міжвідомчий зб. наук. праць / Український НДІ архівної справи та документознавства. – К., 2002. – Вип. 5. – С. 260–271.
6. Зимин Н.П. Очерки экскурсионной библиографии по Крыму. – Ч. 1 : Путеводители / Н.П. Зимин // Крым. – 1928. – №1(5), вып. 1. – С. 112–127.
7. Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма / Ф.В. Ливанов. – М., 1875. – 66, 6, 59, 41, 4, 127, 39, 3, 6, 95, 11, 25, 39 с.; Сосногорова М.А. Путеводитель по Крыму для путешественников / М. А. Сосногорова. – Одесса, 1871. – VIII, 370 с.
8. Тронько П.П. Краєзнавство та туризм : Проблеми взаємодії та співробітництва / П.П.Тронько // Туристично-краєзнавчі дослідження / Ін-т туризму. – К., 1998. – Вип. 1 : Матеріали III Всеукраїнської науково-практичної конференції «Туризм в Україні – економіка та культура», ч. 1. – С. 5–10.
9. Афанасьев Д. Путеводитель по Севастополю, его бастионам и окрестностям, изданный с целью благотворения на его развалинах / Д. Афанасьев. – Николаев, 1857. – 50 с.
10. Вебер Ф.Д. Город Ялта с его обитателями и лечебными средствами. Климатологический эскиз и путеводитель / Ф.Д. Вебер. – СПб., 1886. – IV, 229 с.; Москвич Г.Г. Практический путеводитель по Крыму / Г.Г. Москвич. – Одесса, 1888. – XXVIII, 227 с.; Пьянков В.Г. Крым – Евпатория. Мойнакское лимано-лечебное заведение, состоящее в заведывании докторов С.П. Цеценевского и С.И. Ходжаша, и морские купания в Евпатории / В.Г. Пьянков. – Евпатория, 1886. – 58 с.

Молочко Є. В. Путівники другої половини XIX – початку XX століття як форма популяризації пам'яток історії та культури Криму / Є. В. Молочко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 133–139.

У другій половині XIX століття велика кількість археологічних і культурних пам'яток зробили Крим одним з найпривабливіших туристичних районів Російської імперії. Збільшившийся інтерес до розвитку туризму був пов'язаний з популяризацією історико-культурної спадщини півострова. Основну інформацію про кримські курорти приїжджаючі черпали з путівників. Дані довідкові видання є унікальним джерелом, так як тут містилася інформація про історичні пам'ятки, більшість з яких не збереглися до наших днів. Розгляд цих робіт дозволить скласти повне уявлення про охорону та вивчення історико-культурної спадщини краю в досліджуваний період.

Ключові слова: пам'яткознавство, путівник, історико-культурна спадщина, Крим.

Molochko Ye.V. The guidebooks of the second half XIX - early XX centuries as the form popularization of historical and cultural monuments Crimea / Ye.V. Molochko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 133–139.

In the second half of the XIX century the abundance of archaeological and cultural attractions have made Crimea one of the most attractive tourist regions of the Russian Empire. The increased interest in the development of tourism has been associated with the popularization of historical and cultural heritage of the peninsula. Basic information about the Crimean resorts coming drawn from guidebooks. These reference books are a unique source, as here include information about historic monuments, most of which have not survived to our days. Consideration of these works will allow a comprehensive understanding on the protection and study of historical and cultural heritage of the region in the study period.

Keywords: monument studying, guidebook, historian-cultural heritage, the Crimea.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК [001:930] (477.75)–057.4

НИКОЛАЙ ЭРНСТ И РОССИЙСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА: НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ КРЫМОВЕДА

Непомнящий А. А.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
E-mail: aan@home.cris.net*

На основе неизвестных документов Отдела архивных документов Российской национальной библиотеки воссоздана деятельность крупнейшего крымоведа Николая Эрнста в 1918 году. Восстановлены этапы его службы в крупнейшей библиотеке бывшей Империи и научные связи в Петрограде.

Ключевые слова: Н. Л. Эрнст, Российская Публичная библиотека, Э. Л. Радлов

В истории крымоведения 20–30-х годов XX века имя Николая Львовича Эрнста (1889–1956) занимает одно из ключевых мест. Первый директор – можно смело говорить, что и организатор – Центрального музея Тавриды, первый заведующий и, опять таки, организатор Академической библиотеки Таврического университета, выдающийся археолог и подвижник памятникоохранительной работы, профессор Крымского университета (педагогического института имени товарища М. В. Фрунзе), организатор науки, приемник Арсения Ивановича Маркевича на посту председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии – далеко неполный перечень для характеристики деятельности Н. Л. Эрнста в ту эпоху [1]. После ареста Николая Львовича в 1938 году за шпионаж в пользу Германии и германофильскую пропаганду в крымоведении на упоминание его имени на долгие годы было наложено табу. Первым, кто сделал значительный шаг к возвращению правдивой информации о роли Николая Львовича в развитии науки, стал член-корреспондент АН УССР, доктор исторических наук, археолог Сергей Николаевич Бибилов, хорошо знавший

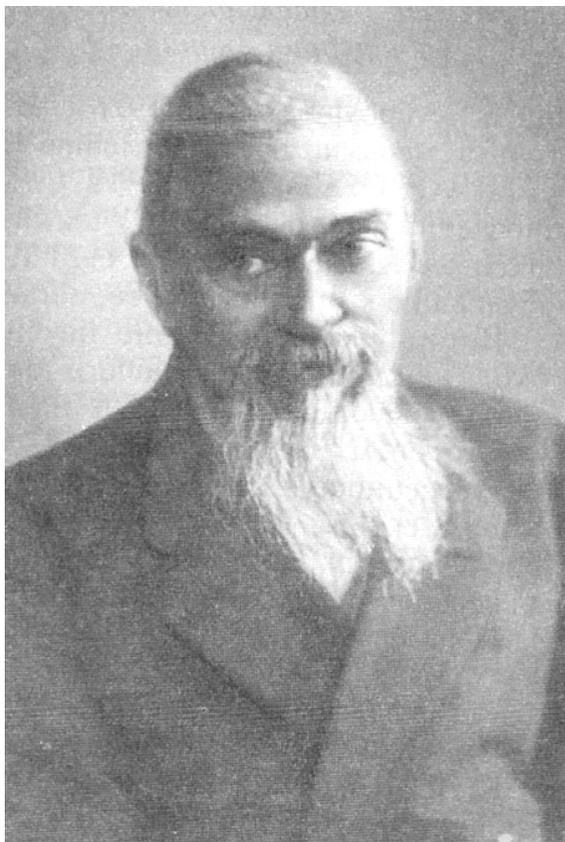
Николай Львович Эрнст

Н. Л. Эрнста по совместным археологическим исследованиям в Крыму в 20-х годах [2]. Более полно значение археологических исследований Н. Л. Эрнста в Крыму раскрыто в публикации профессора Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Игоря Николаевича Храпунова [3]. Названные разработки дают

лишь общую информацию о многогранной деятельности подвижника кримведения.

Из различных этапов жизненного пути ученого до настоящего времени менее всего известным остается петроградский период, когда Николай Львович работал в Российской Публичной библиотеке. Решение уехать из Киева в Петроград созрело у Н. Л. Эрнста в ссылке.

В ссылке среди немцев с ностальгией звучали имена соотечественников, которые остались в столицах, добились признания российских властей, достигли значительных высот на научном поприще. Среди иных, для Николая Эрнста безусловно знакомым было имя Эрнста Львовича (Леопольдовича) Радлова, работавшего в столичной Императорской Публичной библиотеке. Найдя в ссылке общих знакомых Н. Л. Эрнст рассчитывал обратиться к нему с рекомендациями от них и просьбой об устройстве на работу в Библиотеку. Так судьба свела Николая Львовича с крупным ученым той

Эрнест Львович Радлов

эпохи, который в сложный период лихолетья помог ему выжить.

Радловы происходили из саксонского рода и проживали в России с 1806 года. Дед Э. Л. Радлова – Карл-Фридрих – преподавал латинскую словесность в Санкт-Петербургском университете и немецкий язык и словесность в Главном немецком училище Св. Петра. Эрнест рос в высокоинтеллектуальной культурной среде петербургских немцев – его родственном окружении. Интерес к книговедению зародил у Эрнеста дядя – Эдмунд Федорович Радлов, много лет служивший библиотекарем Института инженеров путей сообщения. После окончания 6-й столичной гимназии и историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1877 г.) Э. Л. Радлов был оставлен при кафедре философии для подготовки к профессорскому званию. Он сдал в 1880 году магистерские экзамены, но не стал предоставлять диссертацию. 3 июня 1880 года его причислили к Министерству народ-

ного просвещения с откомандированием для занятий в Императорскую Публичную библиотеку. Но в том же году молодой специалист выехал за границу где в течение двух лет проходил стажировку в университетах Берлина, Лейпцига и Вены – слушал курсы лекций по философии и истории философских наук [4]. После возвращения в Санкт-Петербург Э. Л. Радлов приступил к работе в Императорской Публичной библиотеке в Отделении книг по философии и педагогике. В 1889 году его откомандировали за границу для ознакомления с устройством крупнейших библиотек на Западе, в частности, их отделов инкунабулов и старопечатных изданий. По возвращении Э. Л. Радлов стал одним из ведущих специалистов Библиотеки по первопечатным книгам. В 80-х – 90-х годах XIX века книговед совмещал службу в Публичной библиотеке с преподаванием в ряде учебных заведений столицы: Училище правоведения, Александровском лицее, Высших женских (Бестужевских) курсах [5].

С 1899 года начался качественно новый этап научной и общественной деятельности Э. Л. Радлова. Он был назначен редактором «Журнала Министерства народного просвещения», каковым и оставался до 25 ноября 1917 года. Именно при нем популярнейшее периодическое издание стало по-настоящему междисциплинарным научным сборником, интеллектуальным центром для российских учителей и научных работников. В это время ученый оставил службу в Библиотеке, куда вернулся летом 1916 года на должность заместителя тогдашнего директора Дмитрия Фомича Кобеко [6].

В деятельности в области книговедения и библиотековедения Эрнест Львович смог раскрыться как неординарный ученый и человек. Крупнейший крымовец, историк античности Сергей Александрович Жебелёв (1867–1941) в очерке, посвященном Э. Л. Радлову, который отложился в личном архивном фонде С. А. Жебелёва, вспоминал, что посетители Библиотеки «встречали со стороны Эрнеста Львовича не только полную предупредительность, но и готовность помочь всем и каждому библиографическими справками, потребными указаниями, а для лиц, нуждающихся в руководстве, и полезными советами» [7]. Сергей Александрович заметил, что «Эрнест Львович обладал двумя, пожалуй, самыми главными свойствами, которыми должен обладать библиотековед: во-первых, он был, в полном смысле слова, ученым библиотекарем, то есть знавшим не только книгу как таковую, но и умевшим дать себе отчет и в том, что в книге содержится; во-вторых, Эрнест Львович очень любил книгу как таковую, любил собирать для нужные или вообще представляющие для него интерес книги» [8].

После Февральской революции Империя перестала существовать, а соответственно Публичная библиотека перестал именоваться Императорской. Она теперь получила название «Российская Публичная библиотека». В связи с ухудшившемся здоровьем Д. Ф. Кобеко 1 сентября 1917 года Э. Л. Радлов был назначен исполняющим обязанности директора. При нем была закончена разработка нового устава и штата Библиотеки. Согласно этим документам, Библиотека, впервые за свою историю, получала автономию. Управление учреждением и, в частности, избрание служащих, передавалось ее выборному Совету. Совет учреждался, согласно новому уставу «в целях содействия деятельности Библиотеки и для установления непосредственной связи ее с научными и производственными учреждениями, а также широ-

Сергей Александрович Жебелёв

кими слоями населения» [9]. В состав этого органа входили представители Археографической комиссии, Эрмитажа, Московского публичного и Румянцевского музея, всех вузов Петрограда, Русского библиологического общества, Союза российских архивных деятелей, Русского археологического общества, Русского географического общества, вольного экономического общества, Русского технического общества, Всероссийского учительского союза, союза лекторов педагогических курсов, 10 представителей от студенческих организаций вузов Петрограда, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и ряд представителей от других культурно-просветительских организаций по указанию Наркомпроса, 10 представителей от читателей. Таким образом, Совет – орган громоздкий и, как следствие, малопродуктивный – насчитывал более ста человек и занимался решением принципиальных вопросов научной и административно-хозяйственной деятельности Библиотеки.

В августе 1917 года Николай Львович Эрнст направил письмо в Петроград Э. Л. Радлову, где справлялся о возможности уст-

роиться служащим в Российскую Публичную библиотеку. Отправленное им 23 августа 1917 года официально в Совет Библиотеки прошение оставалось длительное время без ответа. Э. Л. Радлов, которому Николай Львович переслал рекомендательные письма, не мог сразу помочь ему с трудоустройством. Выбранный директором на общем собрании коллектива он только с марта 1918 года был утвержден Наркоматом просвещения [10]. Лишь 6 апреля 1918 года (по другим данным с 8 апреля) Николай Львович был принят сотрудником читального зала Библиотеки [11]. Для изучения этого непродолжительного петроградского периода жизни Н. Л. Эрнста наиболее репрезентативным являются документы, выявленные нами в деле «О службе Н. Л. Эрнста», которое сохранилось в Отделе архивных документов Российской национальной библиотеки. В заявлении в Совет Российской Публичной библиотеки от библиотекаря Н. Л. Эрнста значилось:

«Повторяя сим свое заявление от 23-го августа прошл[ого] года, покорнейше прошу принять меня в число служащих Российской Публичной Библиотеки. С 1911-го года я состоял на службе в библиотеке Киевского Университета, а затем был заведующим библиотекой Киевского Коммерческого Института. По специальности я русский историк и напечатал ряд научных трудов и статей. Работал я в большинстве

крупнейших библиотек России и Запада, имею степень доктора философии Берлинского университета и знаю большую часть европейских языков.

Петроград. 26 марта 1918 г. Николай Эрнст.

Адрес: Петроград, Мытнинская ул., 22, кв. 9. уг[ол] 8-й Рождественской» [12].

Директор библиотеки Эрнест Львович Радлов в письме от 11 апреля 1918 года (№ 390) сообщал Н. Л. Эрнсту:

«Милостивый государь

Николай Львович.

Российская публичная Библиотека имеет честь уведомить Вас, что согласно постановлению Совета Библиотеки Вы определены штатным служащим Библиотеки, с окладом в размере 325 р. в месяц с 6 апреля 1918 г.» [13]. То, что Н. Л. Эрнст свободно владел иностранными языками (немецкий и французский) предопределил его перевод с 19 июня 1918 года в Отделение «Rossica», где была сконцентрирована литература о России на все языках мира [14].

Николай Львович устроился на службу в крупнейшую библиотеку страны в момент принятия нового устава этого учреждения (утвержден Наркомпросом 22 апреля 1918 г.). Документ открывало новое определение: «Российский Публичная библиотека есть автономное ученое и культурно-просветительское учреждение, которое, являясь национальным книгохранилищем, собирает и хранит всякого рода произведения печати, независимо от способа и цели их теснения, а также рукописи и эстампы, чем способствует народному просвещению и развитию научного знания» [15]. Библиотека должна была предоставлять «все возможные удобства и пособия» лицам, «приходящим в ее залы для чтения и для ученых работ» [16].

В связи с тем, что Совет Библиотеки был органом труднособираемым для совещаний, непосредственное управление возлагалось на Комитет. В его состав входили директор, его помощник, все библиотекари и заведующие отделениями, а также представители различных социальных слоев служащих Библиотеки. Вскоре для более оперативного управления был создан усеченный «Малый комитет». Кроме Э. Л. Радлова туда входили два его заместителя, и также три ведущих сотрудника [17].

Конец 1917 – 1918 – страшное время в жизни Петрограда. Газеты пестрели сообщениями о смерти от голода и холода представителей «ученых профессий». В это время численность служащих Библиотеки составляла 60 человек. Квалифицированных специалистов-библиотекарей не хватало. Приток свежих сил был тогда особенно необходим, учитывая потери грамотных сотрудников за годы войны, революции и начавшейся вынужденной эмиграции. Требования к библиотекарям были высокие – обязательное высшее образование, знание иностранных языков, соответствующий культурный уровень. Именно в это время Библиотека стала островком, которому пристали многие «бывшие», уволенные из различных расформированных учреждений. Из-за топливного кризиса Библиотека не могла позволить отапливать новый читальный зал в Воротиловском корпусе и он до конца мая 1921 года оставался закрытым. Под читальный зал были приспособлены помещения секретариата и Отделение общего каталога, где одновременно могли заниматься не более ста человек [18].

Российская Публичная библиотека

В таких сложных условиях в холодных и полутемных залах Отделения «Rossica» Николай Львович занимался каталогизацией новых поступлений сочинений о России, изданных на западноевропейских языках. Работа в Библиотеке давала ему возможность избегать мобилизаций на различные общественные работы для «нетрудовых элементов», получать паек, предназначенный для «советских служащих», а также свидетельство о «лояльности» в отношении к новой власти.

Окончание трудового поприща Н. Л. Эрнста в Петрограде было внезапным и непосредственно связано с политической ситуацией в Украине. Еще 30 марта в 1918 года руководство Украинской Народной Республики предложило Советской России начать мирные переговоры. На протяжении длительного времени правительства не могли прийти к согласию относительно места переговоров. Пока вопрос согласовывался, в Украине произошел государственный переворот – к власти пришел Павло Скоропадский. Не ожидая установления дипломатических контактов с новым государством, 22 мая 1918 года для ведения переговоров из Москвы прибыла делегация, которую возглавляли Х. Раковский и его заместитель Д. Манушский. Председателем украинской делегации на переговорах был профессор С. Шелухин, его заместитель – И. Кистяковский, а с 10 августа – П. Стебницкий. Интересно, что переговоры велись русским и украинским языками с привлечением переводчиков. Обсуждались вопросы военных действий, финансов, транспорта, почтовой связи, обмена, пленными, экономических и культурных отношений. Чрезвычайно болезненным был вопрос о границах. Его решение усложнялось еще и потому, что украинское население, проживавшее компактно в пограничных с Украиной русских губерниях, на-

стаивало на присоединении этих территорий к Украине. 12 июня в 1918 года был подписан мирный договор, согласно которому советская Россия признала независимость Украинского государства. Кроме того, были приняты постановления о прекращении военных действий на фронтах, взаимной эвакуации граждан – россиян в Россию, а украинцев в Украину, об обмене консульскими представительствами. Для выдачи документов желающим вернуться в Украину, было открыто два украинских генеральных консульства в Москве и Петрограде, а также 19 консульских представительств в разных городах России, которые рассматривали вопрос возвращения беженцев в Украину. Эрнсту импонировали перспективы союза правительства П. Скоропадского с германскими властями, как и значительное немецкое присутствие в Украине. Николай Львович обратился в Украинское генеральное консульство в Петрограде, где 14 сентября 1918 года получил удостоверение № 5667 для выезда в Украину.

Согласно книге приказов Библиотеки на заседании Малого Комитета Библиотеки было принято решение об увольнении Н. Л. Эрнста «в связи с распоряжением властей о выезде его на Украину как украинского гражданина» [19]. В служебной документации библиотеки выявлены разночтения в дате окончательного увольнения Николая Львовича [20]. Наиболее позднее из встречающихся распоряжений о его увольнении из Российской Публичной Библиотеки с 1 ноября 1918 года датировано 20 декабря [21].

Николай Львович вернулся в Киев периода Гетманата Павла Скоропадского и значительного немецкого влияния и присутствия в Украине. Директор библиотеки Университета Св. Владимира Вениамин Александрович Кордт, в чьем подчинении Н. Л. Эрнст работал до ссылки, проинформировал своего коллегу об учреждении в Крыму филиального отделения Университета Св. Владимира и порекомендовал Н. Л. Эрнсту продолжить научную и книговедческую деятельность в новом вузе, который довольно скоро заявил об автономии от прославленного киевского прародителя [22]. В. А. Кордт снабдил решившегося на переезд Николая Львовича рекомендательными письмами. Начинались новые, важнейшие страницы биографии ученого.

Список литературы

1. См. подробнее: Непомнящий А. А. Невідомі сторінки репресованого краєзнавства: До біографії Миколи Ернста / А. А. Непомнящий // Чорноморський літопис. – 2010. – № 1. – С. 96–102; Непомнящий А. А. Неизвестные страницы биографии Николая Эрнста: Новые документы архивов Киева, Москвы и Санкт-Петербурга / А. А. Непомнящий // Сіверщина в історії України: Зб. наук. праць / Національний заповідник «Глухів»; Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK. – К. ; Глухів, 2010. – Вип. 3. – С. 281–294.
2. Бібіков С. М. Микола Львович Ернст: До 75-річчя з дня народження / С. М. Бібіков // Археологія. – 1964. – Т. 16. – С. 232–233.
3. Храпунов І. М. Микола Львович Ернст / І. М. Храпунов // Археологія. – 1989. – № 4. – С. 111–115.
4. Грин Ц. И. Радлов Эрнест Львович (Леопольдович) / Ц. И. Грин // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь / Российская нац. б-ка.– СПб., 1995. – Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. – С. 433–434.
5. Там же. – С. 434.

6. Бычкова И. А. 1918–1924 : Эрнст Львович Радлов / И. А. Бычкова, Г. В. Михеева // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005 / Российская нац. б-ка. – СПб., 2006. – С. 215–216.
7. ПФАРАН, ф. 729, оп. 1, д. 15, л. 80.
8. Там же, л. 82.
9. Цит. по: Бычкова И. А., Михеева Г. В. Указ. соч.– С. 216.
10. Бычкова И. А., Михеева Г. В. Указ. соч.– С. 218.
11. РНБ ОАД, ф. 2, оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения, л. 27, № 16.
12. Там же, ф. 10/1, Личное дело Н. Л. Эрнста, л. 1.
13. Там же, л. 3.
14. Там же, ф. 2, оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения, л. 32, № 30.
15. Устав Российской Публичной библиотеки // Грин Ц. И. Публичная библиотека глазами современников (1917–1929): Хрестоматия / Ц. И. Грин, А. М. Третьяк ; Российская нац. б-ка.– СПб., 2003. – С. 83.
16. Там же.
17. Бычкова И. А., Михеева Г. В. Указ. соч. – С. 219–220.
18. Там же. – С. 222–228.
19. Михеева Г. В. Эрнст Николай Львович / Г. В. Михеева // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. – СПб. : Алетейя, 1999. – Т. 2: Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде, 1918–1930. – С. 652.
20. Там же.
21. РНБ ОАД, ф. 2, оп. 1 (1917 г.), приказы и распоряжения, л. 45, № 59.
22. См. подробнее: Непомнящий А. А. Основание Таврического университета / А. А. Непомнящий // Alma Mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції, 1917–1920: Матеріали, документи, спогади : у 3 кн.– Київ: Прайм, 2001. – Кн. 2 : Університет Св. Володимира за доби Української Центральної Ради та Гетьманату Павла Скоропадського. – С. 341–342.

Непомнящий А. А. Микола Ернст і Російська Публічна бібліотека: Невідомі сторінки біографії кримознавця / А. А. Непомнящий // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 140–147.

На підставі невідомих джерел Відділу архівних документів Російської національної бібліотеки відновлено трудову та наукову діяльність відомого кримознавця Миколи Ернста в 1918 році. Репрезентовано інформацію про його наукові зв'язки у Петрограді.

Ключові слова: М. Л. Ернст, Російська Публічна бібліотека, Е. Л. Радлов

Nepomnyashchy A. A. Nicolay Ernst and Russian Public Library: unknown page of crimean study researcher's biography / A. A. Nepomnyashchy // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 140–147.

On the base of unknown documents from Russian national library an activity of the most significant Crimean study researcher Nicolay Ernst has been renewed. His labor activity and scientific relationships in Petrograd have been reconstructed.

Key words: N. L. Ernst, Russian Public Library, E. L. Radlov.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 930.9 (Р 477.22):371.97

**ПОЧЕТНЫЕ ПОПЕЧИТЕЛИ РУССКО-КАРАИМСКИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Прохоров Д.А.

*Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины,
г. Симферополь
E-mail: prohorov1da@yandex.ru*

В статье рассматривается деятельность почетных попечителей и блюстителей русско-караимских учебных заведений Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: караимы, народное образование, попечители, Таврическая губерния.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимо отметить, что в трудах отечественных и зарубежных исследователей рассматривались различные аспекты истории развития российской государственной системы караимского народного образования второй половины XIX – начала XX вв. Однако специально деятельность почетных попечителей и блюстителей русско-караимских учебных заведений в литературе не анализировалась.

Одним из наиболее распространенных и действенных видов благотворительности в караимских общинах Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. являлось оказание помощи учебным заведениям и обучавшихся в них детям. Начиная с 1860-х гг., при общеобразовательных учреждениях Российской Империи создаются попечительные советы – «для ближайшего содействия успешному, со стороны общества», развитию того или иного учебного заведения. Их появление стимулировало меценатскую и благотворительную деятельность, прежде всего, со стороны купечества, которое жертвовало на нужды образования значительные средства. В «Уставе гимназий и училищ уездных и приходских», принятом в декабре 1828 г., деятельность меценатов была оговорена специально: «Награждая усердие и труды учителей и других чиновников учебного ведомства, правительство не оставляет без внимания и посторонних, содействующих благосостоянию учебных заведений. Оно принимает с признательностью все делаемое на пользу их частными людьми, или обществами, приношения». Под «приношениями» подразумевались здания, помещения для училищ, оборудование для кабинетов, библиотеки, учебные пособия, вещи для учащихся, а также денежные средства [1, с. 1125]. Обо всех подобных «приношениях» учебные заведения должны были отчитываться вышестоящему начальству, а о наиболее крупных Министерство народного просвещения (МНП) докладывало непосредственно императору, и, в особых случаях, благотворители получали благодарность монарха. Со временем некоторые из них могли быть включены в состав попечительских советов; благотворителям мог быть

присвоен статус почетного попечителя, смотрителя, блюстителя и звание почетного гражданина города [2].

26 марта 1870 г. российским правительством были утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» [3, с. 314], в 1870 г. последовал указ об учреждении учительских семинарий [4, с. 270–272], а в марте 1872 г. учительские татарские школы были открыты в Уфе и Симферополе [5, с. 348–351]. Перед школами ставилась задача «служить могущественным орудием для распространения знания русского языка между инородцами <...> и самым надежным путем к слиянию их с коренным населением империи» [6, с. 21, 22].

Несколько позже, 25 мая 1874 г. император Александр II подписал «Положение о начальных народных училищах», в котором, в частности, говорилось, что органам земского и местного самоуправления предоставляется право избирать, «для ближайшего заведования» учебными заведениями, «особых» попечителей и попечительниц, которые должны были утверждаться в должности по представлению училищных советов губернскими училищными советами, и подчинялись непосредственно инспектору народных училищ. Кроме того, председателем уездного училищного совета теперь назначался уездный предводитель дворянства; он мог избирать своими помощниками, «в целях более бдительного и постоянного наблюдения» за работой училищ, тех из местных жителей, «которые заявили свое сочувствие к народному образованию учреждением какого-либо народного училища или содействием к поддержанию и улучшению оного денежными взносами, или личной о них заботливостью» [7, с. 837–840].

Согласно «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» от 26 марта 1870 г. было объявлено о создании русско-караимских и русско-татарских министерских училищ (РТМУ и РКМУ). Одной из основных задач, поставленных перед этими учреждениями, являлось распространение русского языка и образованности среди караимского и крымскотатарского населения страны. Официально РКМУ находились в ведении Дирекции народных училищ Таврической губернии.

ПОЧЕТНЫЕ ПОПЕЧИТЕЛИ И БЛЮСТИТЕЛИ РУССКО-КАРАИМСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

В обязанности блюстителей русско-караимских министерских училищ, избиравшихся из числа представителей местных караимских обществ, входило оказание финансовой и материальной помощи училищу – она составляла, в среднем, 50–100 руб. в год. В эту сумму входили: расходы на содержание помещения училища, отопление, на учебные пособия, письменные принадлежности, одежду и обувь для учащихся и т.п. [8, л. 3 об.]. МНП на содержание одного училища выделяло от 300 до 500 руб. ежегодно [9, с. 105]. Помимо этого, на нужды РКМУ определенные суммы жертвовались местными караимскими обществами, земскими и городскими органами самоуправления, а также частными лицами [10, л. 21; 11, л. 8, 29, 61; 12, с. 6, 14, 15; 13, с. 589]. Так, например бюджет Симферопольского РКМУ был равен 1400 руб. в год; более половины этой суммы составляли субсидии и пожертвования – например, в 1911 г. от симферопольской караимской общины поступило 720 руб., частных пожертвований – 100 руб., и от городских властей – 150 руб. [14, с. 85]. Благодаря материальной поддержке почетных блюстителей, караимские училища могли решать во-

просы административно-хозяйственного характера. В разное время почетными блюстителями при РКМУ состояли такие представители караимских общин Таврической губернии, как: купец С.И. Черкез, купец и присяжный поверенный А.Я. Хаджи, И.О. Комен, С.И. Шишман, совладелец симферопольской кондитерской фабрики «Братьев Шишман» М.Я. Шишман, сын Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова присяжный поверенный В.С. Панпулов (все – Симферопольское РКМУ), купцы М.И. Ходжаш, И.М. Туршу, Е. Кефели (Евпаторийское РКМУ), педагог М.И. Казас (попечитель Севастопольского караимского частного мужского училища 3-го разряда) и др. [15, л. 1–11; 16, с. 39, 110; 17, с. 53; 18, л. 7; 19, л. 119; 20, с. 239].

Почетные попечители и блюстители регулярно передавали в библиотеки РКМУ книги, журналы и брошюры, необходимые для использования в обучении и предназначенные для расширения кругозора учеников, а также канцелярские и учебные принадлежности. Например, в 1902 г. почетный блюститель евпаторийского РКМУ, купец и потомственный почетный гражданин И.М. Туршу приобрел для этого учебного заведения 64 экземпляра книг, 500 ученических тетрадей «в клетку» и «в линейку», 5 бутылок чернил и 3 чернильницы, 6 дюжин ручек и 5 коробок перьев к ним; грифельные карандаши. Всего на учебные пособия и хозяйственные нужды им было израсходовано 250 руб. [21, л. 72]. Почетный блюститель Симферопольского РКМУ купец С.И. Черкез, занимавший эту должность в период с 70-х до начала 80-х гг. XIX в., собрал среди членов караимской общины губернской столицы 1 тыс. руб., которые были израсходованы на строительство нового здания для вверенного ему учебного заведения (всего на его постройку было истрчено 1400 руб.), а в 1876, 1877 и 1878 гг. Симферопольское общество взаимного кредита выделило по просьбе С.И. Черкеза 200 руб. для приобретения обуви и одежды для 22 бедных учащихся, причем 14 из них обеспечивал сам почетный блюститель. Он же снабжал РКМУ дровами, мебелью, учебными принадлежностями; в период с 1875 по 1877 гг. на нужды училища С.И. Черкезом было израсходовано более 3 тыс. руб. [22, л. 5 об., 6 об., 8, 8 об., 11]. Назначенный на должность почетного блюстителя в открывавшееся в 1883 г. в Евпатории РКМУ купец М.И. Ходжаш обязался передавать на его нужды ежегодно по 100 руб. [23, л. 2, 21]; в адрес Симферопольского РКМУ в 1911 г. его почетный блюститель передал 50 руб. [14, с. 85].

Учебное начальство внимательно следило за деятельностью почетных попечителей; особо отличившиеся из них даже удостоивались наград. Например, 7 ноября 1896 г. попечитель Симферопольского РКМУ купец А.Я. Хаджи был награжден серебряной медалью для ношения на Станиславской ленте с такой формулировкой: «За отличную и полезную деятельность по учреждениям Министерства народного просвещения» [24, с. 114]. В 1883 г. за добросовестный труд на ниве народного образования были награждены попечители Одесского караимского училища Г. Бейм, М. Сарач и Б. Ага, а в 1892 г. – Мордехай Казас, Самуил Бабаджан и Арон Бабаджан [25, л. 1–13; 26, л. 1–8]. В 1900 г. в ТОКДП поступило ходатайство о представлении к награде почетного блюстителя Евпаторийского караимского училища потомственного гражданина И.М. Туршу; в 1911 г. к награде были представлены попечители Севастопольской караимской школы А. Бурназ и Б. Кальфа, а также учительница С.В. Бейм [27, л. 1–13; 28, л. 1–4].

Благотворители из числа караимов занимали должности почетных попечителей и блюстителей также и в других общеобразовательных учебных заведениях Таврической губернии, оказывая им всестороннюю помощь. Так, попечителем 2-го приходского училища в Евпатории Э.А. Шайтаном для нужд ремесленных классов было пожертвовано 100 руб.; феодосийский караим И.И. Хаджи передал для Дальне-Камышанского училища Феодосийского уезда 50 саженцев деревьев, 1 деревянный стол, 6 стульев, 2 железные лопаты и пр. Что касается попечителя Карасубазарского 2-хклассного народного училища Б.И. Бобовича, состоявшего в этой должности в 1870-х гг., то он неоднократно удостоивался благодарности учебного руководства за свои заслуги. «Он не только исполнял свои обязанности по отношению к училищу, – сообщалось о Б.И. Бобовиче в отчете о съезде народных учителей в Симферополе в 1871 г., – но и сверх того, живо интересуясь образованием жителей города, употребляет все усилия, чтобы возбудить в народе сочувствие к образованию вообще, и в особенности в [Карасубазарском] двухклассном училище <...> Такие действия [Б.И.] Бобовича заслуживают признательности высшего начальства» [29, л. 2 об.].

В 1891 г. известный караимский общественный деятель и меценат С.И. Исакович был утвержден в должности почетного попечителя Одесской мужской прогимназии, причем об этом назначении Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Панпулов лично ходатайствовал перед директором департамента МНП. Дело в том, что С.И. Исакович состоял в должности почетного попечителя Одесской мужской прогимназии еще до своего официального утверждения в ней, однако, как писал гахам в своем ходатайстве, попечитель Одесского Учебного Округа Х.П. Сольский не представил его главе МНП ввиду того, что С.И. Исакович – караимского вероисповедания, «предполагая, что может быть, караимы не допускаются занимать такие должности», хотя в Евпатории и в Феодосии во многих государственных учебных заведениях попечителями состояли именно караимы [30, с. 21].

Необходимо отметить, что караимские благотворители брали на себя расходы по оплате обучения некоторых учащихся – в частности, вдова феодосийского купца Р.С. Коген оплачивала обучение трех бедных учеников в Феодосийском городском трехклассном училище [31, с. 112; 28]. В попечительский совет Симферопольской женской казенной гимназии входили гласный городской Думы присяжный поверенный Ш.В. Дуван, педагог И.И. Казас, который состоял также членом попечительского совета СМКГ. А его сын, врач И.И. Казас входил в состав правления «Общества вспомоществования недостаточным ученикам Симферопольского Николая II реального училища» [14, с. 242; 33]. Другой сын И.И. Казаса, Азарий Ильич был избран представителем от Думы в педагогический совет частной гимназии М.А. Волошенко в Симферополе (в 1909 г.) [34, с. 79]. Многие годы должность почетного попечителя Евпаторийской мужской прогимназии занимал Таврический и Одесский караимский гахам С.М. Панпулов.

Нужно сказать также и о том, что почетные попечители и блюстители караимских училищ не всегда справлялись с возложенными на них обязанностями. Кроме того, и руководство караимских общин реагировало на просьбы и нужды училищ не с должной оперативностью. В частности, это касалось финансирования деятельности педагогов этих учебных заведений. О положении учителей русско-караимских министерских училищ красноречивее всего свидетельствует прошение учителя Симферо-

польского РКМУ Ю.М. Эмельдеша, поданное им в начале 1890-х гг. на имя училищного инспектора Д.И. Писаревского. В частности, педагог указывал на то, что получает месячное содержание в размере всего 25 руб.: «не имея казенной квартиры с отоплением и освещением и находясь, вследствие этого, в стесненных обстоятельствах, вызванных как дороговизной квартир в Симферополе, так и жизненных припасов, я вынужден ходатайствовать о выдаче мне субсидии» [35, л. 62]. Когда же решение о выдаче субсидии было принято учебным начальством, выяснилось, что необходимая сумма выплачена быть не может, т.к. деньги от почетного блюстителя училища не поступали еще с прошлого года [36, л. 61]. Вынужденная вновь вмешаться дирекция народных училищ Таврической губернии поставила вопрос об увольнении почетного блюстителя Симферопольского РКМУ С.И. Черкеза, как «игнорировавшего нужды названного училища»; на его место, согласно прошения, был определен симферопольский купец А.Я. Хаджи [37, л. 7].

В 1895 г. в Евпатории было открыто Александровское караимское духовное училище (АКДУ). Несколько ранее, 3 июля 1894 г., на собрании караимской общины города, на котором присутствовали директор народных училищ Таврической губернии А.Н. Дьяконов, будущий инспектор АКДУ И.И. Казас, евпаторийский уездный исправник А.В. Мордвинов, а также многие известные общественные деятели из числа караимов, состоялись выборы почетного попечителя училища. Большинство голосов на этот пост был избран потомственный почетный гражданин Б.М. Шишман, обязавшийся ежегодно жертвовать на нужды училища по 300 руб. [38, л. 37 об., 45, 80]. За время существования АКДУ должность почетного попечителя в нем последовательно занимали Ю.Ю. Тришкан, А.И. Нейман и М.С. Луцкий. В попечительский совет училища также входили: Таврический и Одесский караимский гахам, инспектор АКДУ и три евпаторийских караима, имевших личное почетное гражданство и избиравшихся на трехлетний срок общим собранием «находящимися в Евпатории во время выборов караимами» [39, л. 34, 39, 53, 53 об.; 40, л. 1–9, 39; 41, с. 118; 42, л. 53, 53 об.]. 4 июля 1894 г. состоялись выборы членов попечительского совета училища. Большинство голосов получили: евпаторийские купцы-караимы И.И. Танагоз и С.М. Бота, а также врач, коллежский советник С.И. Ходжаш [43, л. 43, 44]. Однако кандидатура И.И. Танагоза по не совсем понятным причинам учебным начальством не была утверждена, и на состоявшихся в сентябре 1894 г. повторных выборах третьим членом совета стал гласный Евпаторийского Земского Собрания Э.И. Дуван [44, л. 43, 44]. Следует сказать, что в разные годы в состав попечительского совета входили также евпаторийские купцы А.С. Сарач и С.Ш. Чунун, а казначеем был А.М. Шакай [45, л. 39].

Таким образом, можно констатировать, что финансовая и материальная поддержка, которую на протяжении многих лет оказывали караимским учебным заведениям разного уровня и назначения почетные попечители и блюстители, являлась немаловажным подспорьем в их существовании. Привлекая для поддержания нормального уровня работы школ и училищ доступные им ресурсы и материальные средства, решая многочисленные хозяйственные проблемы, стоявшие перед этими учебными учреждениями, почетные попечители и блюстители способствовали нормальному ходу учебно-воспитательного процесса в них, тем самым, облегчая интеграцию караимской молодежи в российское языковое и культурное пространство.

Список литературы

1. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского, 8 декабря 1828 года, № 2502 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. 1828. – СПб.: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. III. – С. 1097–1129.
2. Прокофьева А.М. История российской благотворительности // История попечительства: ГОУ Лицей информационно-коммуникативных технологий № 590, СПб. – Режим доступа: <http://www.lik590.ru/parents/history.php> - 04.12.2010.
3. Именной [указ], объявленный Сенату Министром Народного Просвещения 7 апреля [1870 г.], № 48185, 26 марта [1870 г.] // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. 1870. – СПб.: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1874. – Т. XLV. Отделение 1-е. – С. 314.
4. № 48147. Высочайше утвержденное Положение о Молодечнянской учительской семинарии // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. 1870. – СПб.: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1874. – Т. XLV. Отделение 1-е. – С. 270–272.
5. № 50660. Марта 27 [1872 г.]. Высочайше утвержденное Положение о татарских учительских школах в Уфе и Симферополе // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. 1872. – СПб.: тип. II отделения Е. И. В. Канцелярии, 1875. – Т. XLVII. Отделение 1-е. – С. 348–351.
6. Обзорение действий МНП за 1872 г. // ЖМНП. – 1873. – Ч. CLXV, отд. 5. – С. 21–22.
7. № 53574. Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета, объявленное Сенату управляющим Министерством народного просвещения 6 июня по проекту нового Положения о народных училищах. Положение. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. 1874. – СПб., 1876. – Т. XLIX. – Отделение 1-е. – С. 834–840.
8. Государственный архив в Автономной Республике Крым (ГААРК). – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 1859. – Л. 3 об.
9. Сведения об учебных заведениях и именной список начальных училищ Таврической дирекции народных училищ. – Симферополь, 1902.
10. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 1924. – Л. 21.
11. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 674. – Л. 8.
12. Справочная книга Одесского учебного округа (по дирекциям народных училищ). Вып. 3: Таврическая дирекция. – Одесса, 1891.
13. Систематический свод постановлений Симферопольской Городской Думы за 41 год (1871–1911) / сост.: секретарь Симферопольской городской управы Л.Я. Александров. Симферополь, 1914. – Т. II.
14. Справочная книга по Симферополю на 1911 год. – Симферополь, 1911.
15. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 1859. – Л. 1–11.
16. Календарь и памятная книжка Таврической губернии. – Симферополь, 1898.
17. Адрес-календарь и справочная книга Таврической губернии. – Симферополь, 1908.
18. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2080. – Л. 7.
19. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2439. – Л. 119.
20. Справочная книга по Симферополю на 1913 год. – Симферополь, 1913.
21. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 674. – Л. 72.
22. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 1859. – Л. 5 об., 6 об., 8, 8 об., 11.
23. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 1924. – Л. 2, 21.
24. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1895, 1896 гг. / сост. директором народных училищ на основании ст. 23 полож. о начальных народных училищах. – Симферополь, 1897.
25. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 1–13.
26. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 567. – Л. 1–8.
27. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 810. – Л. 1–11.
28. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 1202. – Л. 1–4.
29. ГААРК. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 2 об.

30. Прохоров Д.А. Династия караимских благотворителей Исаковичей: К 150-летию со дня рождения Самуила Исааковича Исаковича (1859–1910 гг.) // *Saraimica. Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites*. – Слипери-Рок, США – Симферополь, Украина. – Vol. XII. – С. 18–28.
31. Дьяконов А.Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1887 г. / Сост. директором народных училищ на основании ст. 23 полож. о начальных народных училищах. – Бердянск, 1888.
32. Летопись. Управляющий Одесским учебным округом... [О пожертвованиях Р.С. Коген] // *Салгир*. – 1897. – № 29. – 7 марта.
33. Заседание Думы. 26 июня // *Салгир*. – 1897. – № 78. – 29 июня.
34. Систематический свод постановлений Симферопольской Городской Думы за 41 год (1871–1911) / Сост.: секретарь Симферопольской городской управы Л.Я. Александров. Симферополь, 1914. – Т. I.
35. ГААРК. – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 62.
36. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 593. – Л. 61.
37. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2080. – Л. 7.
38. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 593. – Л. 37 об., 45, 80.
39. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 34, 39, 53, 53 об.
40. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 1359. – Л. 1–9, 39.
41. Хроника текущей жизни. Евпатория. К неутверждению А. И. Неймана // *Караимская жизнь*. – М., 1911. – Кн. 1, июнь. – С. 118.
42. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 79. – Л. 53, 53 об.
43. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 593. – Л. 43, 44.
44. ГААРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 593. – Л. 71.
45. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 39.

Прохоров Д.А. Почесні опікуни російсько-караїмських учбових закладів Таврійської губернії в другій половині XIX – на початку XX ст. / Д.А. Прохоров // *Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки»*. – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 148–154.

У статті розглядається діяльність почесних опікунів російсько-караїмських учбових закладів Таврійської губернії в другій половині XIX – на початку XX ст.

Ключові слова: караїми, народна освіта, опікуни, Таврійська губернія.

Prokhorov D.A. Trustees of the Russian-Karaite's educational establishments of the Taurida Governorate in the Mid-Nineteenth and Early Twentieth Century / D.A. Prokhorov // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University*. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : "History of Ukraine". – P. 148–154.

The article discusses the activity of trustees of the Russian-Karaite's educational establishments of the Taurida Governorate in the Mid-Nineteenth and Early Twentieth Century.

Key words: Karaites, people's education, trustees, Taurida governorate.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 061.235-054.57(477.75)«18/19»

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЯЛТИНСКОМ УЕЗДЕ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Савочка А. Н.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: leopoldstotch@ukr.net*

Статья посвящена генезису общественной благотворительности в Ялтинском уезде Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Осуществлена историческая реконструкция деятельности филантропических объединений общего типа, организаций, оказывавших помощь по этноконфессиональному признаку, а также обществ, которые поддерживали несовершеннолетних Южного берега Крыма. Доказано, что национальные меньшинства региона внесли выдающийся вклад в дело развития филантропии в Ялтинском уезде.

Ключевые слова: благотворительность, национальные меньшинства, Ялтинский уезд.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях развития Автономной Республики Крым как региона, где высоко ценятся достижения в общественной и культурной жизни, особое значение приобретает изучение такого социокультурного феномена как благотворительность. На сегодняшний день филантропия – один из важнейших инструментов борьбы с бродяжничеством, обездоленностью, детской и подростковой преступностью. Благотворительность и меценатство выступают как эффективные механизмы взаимодействия между органами государственной власти и гражданским обществом. В связи с этим, история филантропической деятельности занимает особое место при разработке мер направленных на борьбу с наиболее острыми недугами современной общественной жизни: беспризорностью, преступностью, нищетой. Без учета опыта, накопленного нашими предками, невозможно осуществлять успешную социальную работу, реализовывать социальные инициативы. Именно поэтому история общественной благотворительности является на сегодня актуальной проблемой для всего украинского государства.

Отечественные ученые активно разрабатывают проблемы, связанные с историей общественной благотворительности с начала XXI в. Среди наиболее значительных диссертационных исследований и монографий, появившихся за последний период, отметим разработки Ю. И. Гузенко [1], Г. Л. Махорина [2], Н. А. Колосовой [3], И. С. Гребцовой [4; 5]. Крымские исследователи достаточно активно изучают становление и развитие благотворительности в Таврической губернии, уделяя особое внимание истории филантропических учреждений края [6; 7], оценке вклада национальных меньшинств Крымского полуострова в дело призрения нуждающихся.

ся в XIX – начале XX вв. [8] В то же время, историческая реконструкция процесса зарождения и эволюции общественной филантропии на территории Ялтинского уезда до нынешнего момента не была осуществлена местными историками, что и обусловило выбор темы данного исследования.

Цель данной работы – комплексная реконструкция зарождения и эволюции общественной благотворительности на территории Ялтинского уезда Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX ст.

Основные задачи – осветить историю крупнейших филантропических объединений Ялтинского уезда; выявить основные категории призываемого населения; проанализировать вклад царской семьи в дело развития благотворительности в данном регионе.

1 БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА ОБЩЕГО ТИПА

Ялта – один из уездных центров Таврической губернии, где благотворительность достигла выдающихся успехов в деле поддержки обездоленного и нуждающегося населения. Высокий уровень филантропической активности граждан города связан с комплексом социально-экономических, культурных, этнодемографических факторов, позволивших занять Ялте ведущее место в общегубернской системе призрения, а также получить признание на всероссийском уровне в конце XIX – начале XX вв. История города неразрывно связана с царской семьей, которая активно содействовала развитию Ялты как благоустроенного курортного населенного пункта с развитой инфраструктурой. Еще в 1823 г. новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов избрал небольшой населенный пункт на Южном берегу Крыма для устройства городского поселения. В 1832 г. Михаил Семенович добился от Николая I разрешения на этом месте постройку мола и пристани. Спустя пять лет во время визита императора в Таврическую губернию М. С. Воронцов высказал ему свои соображения по поводу возможности превращения Ялты в административный центр южнобережного Крыма. Получив одобрение царя, населенный пункт, состоявший из тридцати домов и ста двадцати душ населения, получил статус города в 1837 г, после чего началось его благоустройство [9]. В тот же год новообразованный город посетила экспедиция А. Н. Демидова, изучавшая крымский полуостров. Сочинение «Путешествие в Южную Россию и Крым», подготовленное благодаря содействию Анатолия Николаевича, содержит следующее описание: «Все дома в этом местечке, или лучше сказать городе, совершенно новые и прислонены к высокому горному хребту. Ялта, выстроенная очень недавно на месте какого-то Греческого города, довольно обширного, занимает весь северный берег большой бухты, простирающейся между мысами. В ней есть таможня, почтамт, архитектор, аптека и аптекарь, лавки, наполненные гастрономическими предметами» [10, с. 285–286].

В 1839 г. на Южном берегу Крыма был образован Ялтинский уезд, который был выделен из Симферопольского. Тем не менее, до начала 60-х гг. XIX в. Ялта, по мнению современников, «влачила жалкое существование». Лишь после того как соседнее с городом имение Ливадии перешло во владение Министерства Императорского двора, а в Таврической губернии началось осуществление Великих Реформ Александра II, в жизни уездного центра начинается стремительный подъем. Благо-

даря постоянным визитам царской фамилии, представителей знати, деятельности выдающихся врачей С. П. Боткина и В. Н. Дмитриева, в последней трети XIX ст. Ялта становится одним из ведущих курортов Российской империи. К 1884 г. здесь проживало около пяти тысяч жителей, спустя десять лет их число удвоилось, а к 1897 г. уже составляло 13269 человек [11, с. 645].

Активное социально-экономическое развитие города привело не только к повышению уровня благосостояния местного населения, но и увеличению количества лиц, нуждавшихся в материальной помощи. Такое положение дел было обусловлено тем, что с одной стороны в уездный центр в поисках работы отправлялись крестьяне, потерявшие землю в результате реформы 1861 г., с другой стороны сюда приезжало значительное число больных, пытавшихся поправить свое здоровье на Южном берегу Крыма. Кроме того, в результате эпидемий, Крымской войны в городе возросло количество вдов, инвалидов, сирот и беспомощных стариков. К концу 60-х гг. XIX в. на территории Ялты проживало несколько сотен человек, которым требовалась поддержка и опека. Перед общественностью города встал вопрос о необходимости помочь его беднейшим жителям, дабы препятствовать распространению нищенства, обездоленности и преступности.

Первой общественной филантропической организацией основанной во второй половине XIX ст., как в Ялте, так и во всей Таврической губернии, стало Ялтинское благотворительное общество, устав которого был утвержден МВД 16 июня 1869 г. В первый год существования в его состав вошло пятьдесят три человека. Благодаря пожертвованиям членов императорской фамилии (Великие князья Алексей Александрович и Александр Александрович внесли по 300 руб. в кассу общества), проведению благотворительных мероприятий, кружечному и членским взносам, объединению удалось начать выплату первых денежных пособий, а также приступить к сбору средств для открытия первого в уезде детского приюта [12].

Уже к лету 1871 г. организация открывает своё первое заведение на двадцать мест в поселке Алупка, где опекались дети местных рабочих. В тот же год Ялтинское благотворительное общество было принято под покровительство императрицы Марии Александровны, что позитивно сказалось на финансовых возможностях организации, поскольку члены императорской фамилии оказывали щедрую финансовую поддержку различным филантропическим акциям и мероприятиям, проводимым членами объединения [13, л. 5]. В первые годы деятельности общество имело весьма скромный бюджет, не превышавший 3000 руб. В этот период помощь получали лишь тридцать три нуждающиеся ялтинские семьи, а также содержался детский приют [14, л. 23–25].

Здание, которое арендовалось благотворительным обществом в качестве приюта, уже к середине 70-х гг. XIX ст. не вмещало всех детей, нуждавшихся в призрении. В апреле 1875 г. произошла закладка нового двухэтажного сиротского приюта. Строительство, продолжавшееся в течение года, обошлось организации в 6000 руб. и оказалось возможным во многом благодаря финансовой поддержке светлейшей княгини Е. К. Воронцовой, пожертвовавшей более 2000 руб., а также средств, полученных от лотереи-аллегри, которую провели в октябре графиня Е. Ф. Тизенгаузен и

баронесса А. К. Пиллер при участии представителей местных органов власти и царской семьи [15, с. 41].

В новый приют, расположенный на улице Садовой, принимались сироты и полу-сироты в возрасте от двух до восьми лет. Мальчики воспитывались в этом учреждении до двенадцати лет, а девочки до семнадцати. Сохранилось описание этого благотворительного учреждения: «Дом каменный, очень просторный и снаружи, как и внутри, производит хорошее впечатление; кругом большой двор, где устроен не-большой огород. В нижнем этаже помещается спальня для мальчиков (большая комната), затем спальня для маленьких детей, столовая, кухня и уборная; во втором этаже спальня для девочек, мастерские, гардеробные, комнаты надзирательницы и её помощницы. При доме имеются службы: сарай, баня, прачечная с сушилкой». В приюте мальчиков обучали лишь плетению корзин, в то время как девочки учились вязанию чулок, плетению и шитью, что в будущем давало им возможность найти себе работу [16, с. 76–77].

Количество детей, нуждавшихся в прирзении, постоянно росло, детский приют был переполнен, что привело членов благотворительного общества к необходимости открыть в Старой Ялте дневной приют «Ясли», где рабочие оставляли своих детей под присмотром воспитателей и учителей на протяжении рабочего дня. В 1893 г. учреждение, куда принимались мальчики и девочки от двух до восьми лет, было открыто. В первые годы существования заведения суммарное количество ежедневных посещений составляла более одной тысячи, возрастая с каждым годом. Так, к 1905 г. суммарная цифра ежедневных посещений уже превышала шесть с половиной тысяч посещений [17, с. 6–7].

Пик активности организации пришелся на конец 90-х гг. XIX ст., когда она перешла под покровительство Великой княгини Ксении Александровны. В этот период членами общества, которое возглавил князь В. В. Трубецкой, была основана сеть благотворительных учреждений, обеспечивавшая гостей и жителей Ялты социальной и медицинской поддержкой. Эволюция деятельности объединения во многом была обусловлена попыткой справиться с социальными проблемами, с которыми столкнулся город на рубеже XIX – XX вв. В это время в нём, в связи с разбитием новых виноградников, значительно увеличилось число чернорабочих, кроме того возрос поток лиц, приезжавших в Ялту на лечение. Зачастую, такие больные не имели средств для найма жилища и оплаты услуг врачей. Стремясь разрешить неудобства, связанные с бездомными рабочими, благотворительное общество открыло ночлежный приют в наемном доме, где каждый получал место для отдыха, а также чай и хлеб стоимостью 1–3 коп. Желающих остановиться на ночлег в этом благотворительном учреждении оказалось гораздо больше, чем оно могло вместить. В результате чего членам общества при финансовой поддержке Марии Ивановны Воронцовой пришлось организовать строительство отдельного просторного здания для ночлежного приюта на семьдесят пять койко-мест, которое было открыто в 1892 г. Спустя десять лет Ялтинскому благотворительному обществу удалось открыть еще один ночлежный приют, в котором число коек достигло трёх сотен. Число ночлежников, пользовавшихся услугами заведения, постоянно увеличивалось: если в 1899 г. в ночлежке было зафиксировано 16838 посещений, то уже к 1903 г. их коли-

чество достигло 53712. В 1901 г. по инициативе Софьи Владимировны Фортунато, дочери известного русского художественного критика Владимира Васильевича Стасова, в помещении учреждения открылась народная столовая, где простые рабочие и бедняки получали бесплатные и дешевые завтраки и обеды [17, с. 12].

Одной из наиболее острых проблем Ялты конца XIX ст. – отсутствие родильного дома, так как ни земство, ни городская управа не имели возможности содержать учреждение подобного рода. Беднейшие жительницы города вынуждены были рожать дома, что нередко приводило к смерти как самих матерей, так и новорожденных из-за отсутствия необходимого медицинского обслуживания и антисанитарных условий. В 1897 г. благотворительное общество открыло Приют для рожениц им. Е. Ф. Штангеевой и П. К. Смирнова. Благодаря денежному пожертвованию Николая II заведение было расширено, что дало возможность одновременно принимать до восьми беременных. Прием, обслуживание и лечение в нем были бесплатны. Согласно статистическим данным на 1908 г. услугами этого родильного дома пользовались 27% всех рожениц города [17, с. 8–9].

Уже в 90-е гг. XIX ст. Ялтинское благотворительное общество отличалось высокой степенью организации. В его состав входило более ста пятидесяти постоянных членов и около двадцати почетных, среди которых числились известный художник И. К. Айвазовский, выдающийся государственный деятель П. А. Воронцов-Шувайлов и др. Капиталы организации в ценных бумагах и наличных деньгах к 1895 г. превышали 15000 руб. [18] Каждый, кто обращался к организации за помощью, направлялся к участковому попечителю, который собирал информацию о благосостоянии этого лица и членов его семьи по месту жительства. После этого составлялся «справочный листок», содержащий в себе сведения о материальном состоянии нуждающегося, который претендовал на поддержку со стороны объединения. Такие, на первый взгляд бюрократические меры, позволяли обществу не только помогать беднякам города, но и эффективно предупреждать профессиональное нищенство, а также выступать посредником между обездоленными жителями Ялты и частными благотворителями, органами местной власти [19].

Среди проблем, с которыми организация активно боролась в конце XIX – начале XX вв., было значительное количество чахоточных больных, стремившихся поправить своё здоровье на Южном берегу Крыма. Весной 1896 г. в обществе поднялся вопрос о необходимости предоставить помощь несостоятельным приезжим, чтобы те могли получить необходимое медицинское обслуживание, арендовать жилье, приобрести нужные продукты питания и лекарства [20]. На тот момент в поселке Алупка на средства коммерции советника И. Ф. Токмакова и жены потомственного почтенного гражданина Г. И. Тетюшкиной был организован пансион на семь койко-мест, где останавливались в основном больные студенты. Фактически, данное учреждение считалось отделением Ялтинского благотворительного общества, однако организаторы этого заведения не имели от полиции официального разрешения на его открытие. Е. И. Токмакова, хозяйка и распорядительница пансиона, находилась под надзором полиции, так как считалась «политически неблагонадежной» из-за знакомств со студентами, за которыми велся надзор. Несмотря на некоторое противодействие со стороны местной полиции, в ноябре 1896 г. организация сумела добиться разрешения

открыть в Алушке дешевые квартиры для приезжающих больных, а с устроителей пансиона было снято наблюдение. В тот же месяц в Ялте благодаря деятельности активного члена благотворительного общества С. В. Фортунато также открылись первые квартиры для приезжих больных [21, л. 1–13 об.].

Тем не менее, положение приезжих больных по-прежнему оставалось тяжелым. А. П. Чехов, на тот момент проживавший в Ялте, отметил: «Как много здесь чахоточных! Какая беднота и как беспокоило с ними! Тяжелых больных не принимают здесь ни в гостиницы, ни на квартиры, можете же себе представить, какие истории приходится наблюдать здесь. Мрут люди от истощения, от обстановки. От полного заброса – и это в благословенной Тавриде. Потеряешь всякий аппетит и к солнцу и к морю» [22, с. 204]. Такое состояние дел побуждало членов Ялтинского благотворительного общества к активной деятельности – к 1896 г. внутри объединения было окончательно сформировано Попечительство о нуждающихся приезжих больных. В его состав вошли известные общественные деятели: ялтинский врач Б. П. Ножников – председатель, доктор П. П. Розанов – секретарь, известный ялтинский врач И. Н. Альтшуллер, краевед А. Я. Безчинский, писатель А. П. Чехов и др. – члены попечительства. В 1899 г. организации удалось получить от МВД разрешение на открытие благотворительного учреждения для лиц, которые хронически больны туберкулезом – пансион «Яузлар» [23, л. 3–5 об.]. Первоначально он располагалось в наемном доме, что затрудняло призрение больных. В 1903 г. члены попечительства о нуждающихся приезжих больных через органы местной печати обратились к местным жителям с воззванием о пожертвовании средств для строительства отдельного здания для пансиона [24]. В итоге заведение было построено на средства, пожертвованные горожанами Ялты, а также щедрой финансовой поддержке О. М. Соловьевой, владелицы курорта Суук-Су в Гурзуфе, в 1906 г., и могло вместить до шестидесяти больных.

С началом XX ст. Общество прекращает открывать филантропические учреждения, сосредоточив своё внимание на деятельности уже образованных приютов и пансионатов и проведении различных благотворительных мероприятий. Во время Русско-японской войны многие члены организации вошли в состав временного комитета, который оказывал помощь раненым воинам и семьям, потерявшим кормильцев на фронте. В общей сложности членам объединения удалось собрать 15710 руб. 39 коп. Эти средства были направлены на оплату жалованья врачам и сестрам милосердия, опекавшим и лечившим раненых в Аутском приюте, а также на поддержку семей погибших воинов Ялтинского уезда [25]. Политическая нестабильность, активизация революционного движения 1905 г. негативно сказались на финансовом положении организации. В 1909 г. Ялтинское благотворительное общество вынуждено было обратиться через свою покровительницу Великую княжну Ксению Александровну за помощью к Николаю II с просьбой погасить долги объединения. Царь не только выдал 6500 руб. на погашение долгов, но и дополнительно пожертвовал 1000 руб. на нужды общества [26].

Медицинская поддержка местного населения – один из важных аспектов деятельности филантропической организации в начале XX в. Благодаря договоренности, существовавшей между объединением и местными докторами, городские апте-

ки принимали пожертвования в пользу объединения, предоставляли нуждающимся дешевые лекарства. С 1901 г. общество содержало врача для наблюдения за местными и приезжими больными. Во время холерной эпидемии 1910 г. организация сформировала специальный «Холерный фонд для борьбы с болезнью», из которого пострадавшие получали денежную помощь, лекарства и медицинское обслуживание [17, с. 3–4].

Как видно, местное благотворительное общество играло ключевую роль в поддержке местного и приезжего населения Ялты. Благодаря его деятельности в пределах уезда функционировала сеть филантропических заведений, в рамках которой оказывалась помощь пауперизованным социальным группам: бедные больные, вдовы, пострадавшие от войн и эпидемий, несовершеннолетние из несостоятельных семей, чернорабочие. Именно благодаря активности этого объединения Ялте удалось подняться на одно из первых в России мест по относительному количественному развитию благотворительности [27].

Помимо Ялтинского благотворительного общества на Южном берегу Крыма действовало еще одно филантропическое объединение общего типа – Ялтинское общество последователей гомеопатии. Отметим, что подобного рода организации появились в Российской империи во второй половине XIX в. К началу XX ст. объединения подобного типа действовали в Харькове (1891), Полтаве (1893), Семипалатинске, Минске (1894), Тифлисе (1898), Ставрополе (1900), Каменце-Подольском (1901) и других городах страны. В уставе Ялтинского общества последователей гомеопатии, утвержденном МВД 16 июня 1899 г., указывалось: «Общество имеет целью доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных, а также доставление средств для лечения гомеопатическим способом всех лиц различия пола, возраста, званий, состояния и вероисповедания в городе Ялта и ея окрестностях». Основателями этой организации выступили князь В. В. Трубецкой и его супруга Е. М. Трубецкая, княгиня Н. А. Барятинская, а также местные врачи. Предполагалось, что общество будет безвозмездно предоставлять медикаменты и врачебную помощь всем нуждающимся уезда. В перспективе планировалось открыть специальную гомеопатическую аптеку, а также амбулаторию и лечебницу. К сожалению, членам организации так и не удалось в полном объеме реализовать все эти проекты. Тем не менее, к началу 1900 г. в городе начала небольшая гомеопатическая аптека, в которой неимущие получали различные гомеопатические средства [28, л. 22].

2. ОРГАНИЗАЦИИ, ПРЕДОСТАВЛЯВШИЕ ПОМОЩЬ НЕСОВЕРШЕНОЛЕТНИМ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Весомый вклад в развитие общественной благотворительности в Ялте во второй половине XIX – XX ст. сыграли организации, оказывавшие помощь ученикам и детям дошкольного возраста. 11 июня 1880 г. в МВД был утвержден устав Общества пособия недостаточным ученикам и ученицам Ялтинской мужской и женской прогимназии. Основными направления деятельности данной организации были: оплата за обучение учащимся этого заведения; приобретение одежды, обуви и меди-

каментов для них; предоставление единовременных денежных пособий в объеме 50 руб. выпускникам в случае необходимости [29, с. 1–3]. К началу XX ст. в составе Общества пребывало более ста человек. Среди наиболее известных его членов отметим выдающегося ученого и общественного деятеля А. Л. Бертъе-Делагарда, княгинь Н. А. Бяратинскую и Е. М. Трубецкую, графа С. В. Орлова. С помощью этих благотворителей, а также благодаря активному проведению выставок, спектаклей и других мероприятий, организация ежегодно предоставляла помощь пятидесяти – шестидесяти ученикам из несостоятельных семей. Кроме того, в годы Русско-японской войны А. Г. Готлиб, директор гимназии и глава этого благотворительного объединения, сформировал фонд помощи детям воинов, которые были призваны на фронт.

В 1901 г. в Ялте основывается 4-х классное училище им. Н. В. Гоголя. Ежегодно в учебное заведение набирался один класс учеников, которые по окончании образовательного курса получали возможность продолжить своё обучение в технических или педагогических училищах страны. 20 августа 1902 г. при этом учреждении было основано Общество вспомоществования нуждающимся ученикам. В состав новообразованного филантропического объединения вошло сто пять человек. Организация содействовала получению и завершению образования ялтинских детей, семьи которых не имели достаточно материальных средств, приобретала учебные пособия и оплачивала питание нуждающимся ученикам. Благотворительную деятельность общества поддержали представители еврейской общины города, которые взяли на себя часть расходов по содержанию бедных мальчиков этого учебного заведения [30, с. 3–5]. В 1905–1906 гг. в работе объединения наблюдался некоторый спад, что было связано с общим упадком российской экономики после событий революционных событий тех лет. Застой в торговле и промышленности в Таврической губернии сказался на благосостоянии многих жителей Ялты. В условиях ухудшения материального положения многих учеников, члены организации приняли решение увеличить им денежные пособия с 48 до 180 руб. Кроме того, на средства филантропического объединения удалось закупить канцелярские принадлежности, учебники, а восемнадцать наименее обеспеченных учащихся ежедневно получали горячие завтраки [31, с. 3].

Помимо благотворительных обществ, предоставлявших помощь беднейшим учащимся, в Ялте была создана организация, которая поддерживала детей дошкольного возраста. В 1895 г. баронесса М. П. Фредерикс при поддержке княгинь М. С. Лаппо-Данилевской и Л. А. Долгорукой открыли для детей Заречья (район западной Ялты) «Ясли» или «денной приют» на даче С. В. Дараган. Необходимость открытия этого учреждения была обусловлена тем, что дневной приют Ялтинского благотворительного общества находился в старом городе, слишком отдаленном от Заречной части. В связи с этим рабочим западных окраин города было затруднительно им пользоваться [32].

Первоначально в детски приют «Ясли Заречья» приняли лишь десять детей, но уже спустя год их количество возросло до двадцати пяти. В заведение принимали мальчиков и девочек в возрасте от двух до восьми лет. Детей обучали рукоделию, пению, арифметике, русскому языку и Закону Божию в отдельных возрастных

группах. В период с 1895 по 1906 г. приют посетил сто тридцать один ребенок, суммарное количество посещений превышало 73500 [33, с. 3–8]. Впоследствии при заведении образовалось Попечительное общество, члены которого обеспечивали деятельность «Яслей», собирали сведения о нуждающихся семьях Ялты, помогали их детям. Успешную работу заведения обеспечивали пожертвования Великой княгини Александры Михайловны, княгини М. В. Барятинской, а также пособия Ялтинской городской управы. К началу Первой мировой войны число воспитанников в приюте увеличилось до сорока четырех, двадцать семь из них были детьми из семей лиц, призванных на войну. До 1918 г. Общество продолжало свою работу, поддерживая семьи обездоленных и нуждающихся [34, с. 3–6].

Этнические и религиозные группы, проживавшие на территории Ялтинского уезда, отличались высоким уровнем филантропической активности. Так, к началу Первой мировой войны на Южном берегу Крыма функционировал ряд благотворительных организаций, предоставлявших материальную поддержку по этноконфессиональной принадлежности: Алуштинское еврейское благотворительное общество; Алуштинское мусульманское благотворительное общество; Армянское благотворительное общество (г. Ялта); Аутское церковно-приходское попечительство; Греческое благотворительное братство (г. Ялта); Караимское благотворительное общество (г. Ялта); Общество для пособия бедным татарам деревни Корбеклы Ялтинского уезда, Общество пособия бедным евреям г. Ялты, Общество пособия бедным татарам Южного берега Крыма (г. Ялта); Римско-католическое благотворительное общество (г. Ялта) [35, л. 43].

Среди организаций, оказывавших помощь по национальному признаку, особой активностью отличалось Греческое благотворительное общество г. Ялты в главе с И. К. Попандопуло, устав которого был утвержден в МВД 10 августа 1899 г. Среди наиболее важных общественных инициатив, реализованных членами организации отметим: охрану и ремонт православных храмов уезда, просветительскую деятельность и медицинскую обслуживание больных греков города. В 1901 г. на приобретенном у А. И. Базильо земельном участке была построена школа, которую оформил и украсил местный художник Н. П. Краснов. 22 октября 1906 г. в присутствии городского головы генерал-майора И. А. Думбадзе членами братства было заложено здание нового городского училища. Основание этого учебного учреждения стало возможным благодаря щедрой финансовой поддержке греческой общины Таврической губернии. Так, например, супруга известного керченского табачного промышленника И. К. Месаксуди Мария Константиновна пожертвовала 3000 руб. на его строительство [36, с. 4]. Становление Греческого благотворительного братства совпало с экономическим кризисом в Российской империи в 1900–1903 гг. и событиями Русско-японской войны, что весьма негативно сказалось на финансовых возможностях организации. В этот период сократилось количество членов, снизились доходы от мероприятий и акций. В то же время расходы на содержание школы и строительство училища росли, превысив к 1909 г. 3000 руб. [37, с. 4] Тем не менее, членам организации за счет привлечения новых членов и активного сбора пожертвований удалось переломить ситуацию еще к 1907 г.

Представители крымско-татарского народа также активно занимались филантропической деятельностью на территории Ялтинского уезда. Так, Общество пособия бедным татарам Южного берега Крыма, основанное в Ялте еще в 1900 г., являлось одним из наиболее многочисленных и состоятельных благотворительных объединений, созданных в уезде. Основными задачами организации были борьба с бедностью и неграмотностью среди крымских татар. Уже в первый год существования членам общества удалось учредить в память о трехсотлетию царствования Дома Романовых в с. Дерекоей профессиональную школу кройки и шитья. Здание, построенное в мавританском стиле по проекту архитектора Н. Г. Тарасова, было построено за счет средств Али Булгакова, который пожертвовал 12500 руб., а также добился субсидий от городских властей и вакуфной комиссии. Спустя год в с. Никита была открыта школа русско-татарской грамоты. Учебное заведение, спроектированное архитектором А. А. Селичевым, открылось во многом благодаря стараниям Исмаила Гаспринского и финансовой поддержке бакинского нефтепромышленника Шамси Асадулаева [38, с. 3–13].

Начиная с 1914 г., общество оплачивало обучение бедных крымскотатарских мальчиков в учебных заведениях Алупки, Гаспры, Гурзуфа, Партенита, Симеиза и других населенных пунктах Ялтинского уезда. С началом Первой мировой войны организация взяла на себя расходы на образования детей крымских татар, родители которых были призваны в действующую армию. В этот период финансовое положение Общества пособия бедным татарам Южного берега Крыма значительно ухудшилось, так как в уезде стремительно распространялась бедность, а из состава самой организации вышли многие члены, призванные на фронт. Тем не менее, в течение 1914–1917 гг. нуждающиеся крымские татары из девятнадцати сёл Ялтинского уезда продолжали получать материальную помощь. Данная организация была одним из немногих филантропических объединений, просуществовавших до 1920 г. Согласно архивным данным уже к 1918 г. активная деятельность организации была прекращена, и в течении последующих двух лет она была чисто формальной [39, л. 11, 45, 67].

В 1908 г. начало свою работу Общество для пособия бедным татарам деревни Корбеклы. Данная организация была одним из немногих филантропических объединений Таврической губернии, которые сформировались и функционировали за пределами города. Члены общества сосредоточили свою деятельность на материальной поддержке беднейших односельчан, оказывали содействие крымскотатарской молодежи, желавшей получить образование [40, с. 3].

Среди других национальных меньшинств, принимавших участие в развитии благотворительности на территории Ялтинского уезда, отметим еврейскую общину, которая в 1899 г. основала Общество пособия бедным евреям. Спустя несколько лет организации удалось открыть детскую школу (хедер) на двадцать мест, где обучались мальчики из бедных еврейских семей. К сожалению, представителям еврейской общины не удалось привлечь в состав организации крупных меценатов, что негативно сказывалось на его финансовых возможностях. Тем не менее, беднейшие евреи Ялты регулярно получали от членов благотворительного общества денежные пособия, медицинскую помощь, топливо и т.п. [41]

ВЫВОД

Всего на территории Ялтинского уезда действовало более пятнадцати благотворительных обществ различных типов. Благодаря их активной филантропической деятельности в конце XIX – начале XX вв. пауперизованные социальные группы как в Ялте, так и в других населенных пунктах уезда, получали необходимую материальную поддержку, медицинскую помощь, а также возможность получить образование. Особая роль в деле развития общественной филантропии принадлежала представителям различных этнических групп края: армянам, грекам, евреям, караимам, крымским татарам, которые к началу XX в. сформировали целый ряд благотворительных объединений, с помощью которого их несостоятельные соплеменники получали необходимую помощь и призрение. Также отметим весомый вклад представителей императорской семьи, поскольку именно члены Дома Романовых постоянно поддерживали пожертвованиями, как благотворительные организации Южного берега Крыма, так и непосредственно местное население этого региона. Благодаря высокому уровню диверсификации благотворительной помощи, массовому участию представителей городской общественности, совокупность общественных филантропических организаций Ялтинского уезда Таврической губернии в конце XIX – начале XX вв. выступала в качестве одного из главных регулятивов социальных отношений в регионе, эффективно предупреждала и боролась с наиболее острыми проблемами Южного берега Крыма: бедностью, профессиональным нищенством, преступностью.

Список литературы

1. Гузенко Ю. І. Становлення і діяльність благодійних об'єднань на півдні України в другій половині XIX – на початку XX ст. : На матеріалах Херсонської губернії : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Юрій Іванович Гузенко. – К., 2004. – 241 с.
2. Махорін Г. Л. Благодійна діяльність на Волині (1793–1917): Історичний аспект: дис. канд. наук : 07.00.01 «Історія України» / Геннадій Леонідович Махорін. – Луганськ, 2007. – 208 с.
3. Колосова Н. А. Благодійницька діяльність в культурі України (кін. XX – поч. XXI ст.) в контексті вітчизняних і європейських традицій : дис. ... канд. ист. наук : 17.00.01 / Наталія Анатоліївна Колосова. – К., 2006. – 172 с.
4. Гребцова И. С. Становление государственного попечительства и общественной благотворительности в Одессе в конце XVIII – 60-е гг. XIX ст. / И. С. Гребцова, В. В. Гребцов. – Одесса : Астропринт, 2006. – 320 с.
5. Гребцова И. С. Очерки развития женского благотворительного движения на юге Российской империи (первая половина XIX ст.) / И. С. Гребцова, С. А. Накаева. – Одесса : Астропринт, 2007. – 280 с.
6. Бобкова О. М. Организация и деятельность Сиротского дома тайного советника А. Я. Фабра / О. М. Бобкова // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 85. – С. 100–105.
7. Савочка А. Н. Благотворительные заведения досоветского Симферополя (XIX – начало XX в) / А. Н. Савочка // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 18. – С. 144–156.
8. Прохоров Д. А. История развития благотворительности в караимских общинах Таврической губернии в XIX – начале XX века (по документам Государственного архива в АР Крым) / Д. А. Прохоров, А. В. Прохорова // Караимика. – Симферополь ; Слипери Рок, 2010. – Вып. 14. – С. 14–24.
9. Очерки Ялты // Ялта. – 1893. – 12 сент.

10. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, членом имп. Санкт-Петербургской Академии наук и искусств, имп. Санкт-Петербургского университета, и Академий Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской, украшенной рисунками художника Рафе / А. Н. Демидов. – М., 1853. – 543 с.
11. Ялта // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1904. – Т. 41. – С. 644–647.
12. Годовой отчет о деятельности Ялтинского благотворительного общества за 1869/1870 год // Таврические губернские ведомости. – 1871. – 4 февр.
13. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), ф. 26, оп. 1, д. 26889, 12 л.
14. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 25478, 40 л.
15. Пятидесятилетие Ялты (1837–1887 гг.) : Исторический конспект и памятная книжка, с приложением трех последовательных фотографий. – Ялта, 1887. – IV, 74 с.
16. Отчет по командировке старшего помощника начальника отделения канцелярии Совета министров Н. К. Ди-Сеньи в Бессарабскую, Волынскую, Киевскую, Могилевскую, Полтавскую, Таврическую, Харьковскую и Херсонскую губернии и Терскую область для ознакомления с деятельностью некоторых учреждений, получающих от Романовского комитета пособия на дело призрения крестьянских сирот и детей воинов. – Пг., 1916. – 115 с.
17. Отчет правления Ялтинского благотворительного общества, состоящего под Августейшим покровительством Ея Императорского Высочества Великой княгини Ксении Александровны, за 1912 год. – Ялта, 1913. – 102 с.
18. Общее собрание Ялтинского благотворительного общества // Ялта. – 1896. – 25 апр.
19. А. Д. Ялтинское благотворительное общество / А. Д. // Крым. – 1893. – 5 сент.
20. В среде благотворительности // Ялта. – 1896. – 3 апр.
21. ГААРК, ф. 26, оп. 2, д. 3939, 15 л.
22. Долгополова Ю. Г. «... Общее дело всех истинно добрых русских людей»: Благотворительная деятельность в Ялте в бытность Чехова / Ю. Г. Долгополова // Брега Тавриды. – 2010. – № 1. – С. 204–208.
23. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА), ф. 1287, оп. 19, д. 2317, 16 л.
24. Воззвание Ялтинского благотворительного общества к жителям и приезжим Ялты о пожертвовании средств для строительства отдельного здания для пансиона Яузлар // Крымский курьер. – 1903. – 30 окт.
25. Попова В. Ю. Денежный отчет состоящего под Августейшим покровительством ея Императорского Высочества Великой княгини Ксении Александровны, Временного Комитета по оказанию помощи на Южном берегу Крыма больным и раненым, пострадавшим в действующей армии на Дальнем Востоке / В. Ю. Попова, А. Ф. Фролов-Багреев, И. Н. Альтшулер // Крымский курьер. – 1905. – 3 ноябр.
26. Павловский В. А. Высочайший дар Ялтинскому благотворительному обществу / В. А. Павловский // Русская Ривьера. – 1910. – 9 янв.
27. О благотворительности в Ялте // Ялта. – 1894. – 1 марта.
28. РГИА, ф. 1287, оп. 19, 25 л.
29. Устав общества пособия недостаточным ученикам и ученицам Ялтинской мужской и женской прогимназий. – Одесса, 1880. – 9 с.
30. Отчет правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Ялтинского городского 4-х классного Гоголевского училища за первый отчетный год. – Ялта, 1904. – 16 с.
31. Отчет правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Ялтинского городского 4-х классного Гоголевского училища за третий отчетный год. – Ялта, 1906. – 15 с.
32. Безпризорные дети // Ялта. – 1896. – 25 дек.
33. Отчет денного детского приюта «Ясли Заречья» с 1895 по 1906 гг. – Ялта, 1906. – 10 с.
34. Попечительное общество о детском приюте «Ясли Заречья» в Ялте. – Ялта, 1917. – 16 с.
35. ГААРК, ф. 2, оп. 1, д. 564, 52 л.

36. Отчет правления Греческого благотворительного братства за 1906 г. – Ялта, 1907. – 29 с.
37. Отчет правления Греческого благотворительного братства за 1908 г. – Ялта, 1909. – 39 с.
38. Краткий обзор деятельности правления Общества пособия бедным татарам Южного берега Крыма за 1913 г. – Ялта, 1914. – 46 с.
39. ГААРК, ф. 657, оп. 1, д. 1, 69 л.
40. Устав Общества для пособия бедным татарам деревни Корбеклы Ялтинского уезда. – Симферополь, 1908. – 23 с.
41. Общее собрание Ялтинского еврейского благотворительного общества // Крымский курьер. – 1905. – 19 мая.

Савочка А. М. Становлення та розвиток громадських благодійних товариств Ялтинського повіту (друга половина XIX – початок XX ст.) / А. М. Савочка // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 155–167.

Статтю присвячено генезі громадської благодійності в Ялтинському повіті Таврійської губернії в другій половині XIX – на початку XX ст. Здійснено історично реконструкцію діяльності філантропічних об'єднань загального типу, організацій, що надавали допомогу за етноконфесійною приналежністю, а також товариств, котрі підтримували неповнолітніх Південного берегу Криму. Доведено, що національні меншини регіону зробили визначний внесок у справу розвитку філантропії в Ялтинському повіті.

Ключові слова: благодійність, національні меншини, Ялтинський повіт.

Savochka A. N. Formation and Development of Public Charity Organizations of Yalta District (second part of 19th – to the early 20th century) / A. N. Savochka // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 155–167.

The article is devoted to the genesis of public charity in Yalta district of Taurida province in the second part of 19th – to the early 20th century. Historical reconstruction of activity of philanthropic organizations of the general type, unions that had provided aid by ethnic and religion belonging, societies that had supported non-adults of South coast of Crimea, had been accomplished. It was proved that national minorities of Taurida province had made remarkable contribution in the case of development public philanthropy in the Yalta district.

Keywords: charity, national minorities, Yalta district.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 94(477.75)“192/193”:061.12

**ИЗУЧАЯ ДРЕВНОСТЬ И СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ:
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ
ПАМЯТНИКОВ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ КРЫМА (1922–1932 гг.)**

Севастьянов А. В.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: spu_crimea@mail.ru*

В статье на основе анализа массива научных публикаций членов Российского общества по изучению Крыма воссоздается активный исследовательский процесс изучения истории материальной культуры и охраны памятников в Крымской АССР в 20-х – начале 30-х гг. XX в. Представляется историографическая оценка научного наследия А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича, Ю. Ю. Марти.

Ключевые слова: Российское общество по изучению Крыма, археология, памятники, А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, Ю. Ю. Марти

Одной из актуальных тем в контексте восстановления объективной истории изучения Крыма, является реконструкция вклада научных сообществ разного уровня представительства, проводивших свою работу в период всплеска регионоведческих исследований 20-х – начала 30-х гг. XX в. Местная инициатива подвижников-краеведов досоветского периода после установления Советской власти получила государственную поддержку. В годы Гражданской войны наблюдалось активное сотрудничество крымоведов с авторитетнейшими представителями отечественной науки из столичных центров (наиболее ярко этот синтез проявился в деятельности Таврической ученой архивной комиссии и ее преемника – Таврического общества истории, археологии и этнографии). Одновременно с этим в первые годы после установления Советской власти в Крыму возникали новые учреждения и общественные организации, ставившие своей целью всестороннее изучение прошлого и настоящего полуострова. Среди таковых ключевую роль играло Российское общество по изучению Крыма (РОПИК) [1].

РОПИК – общественная организация, объединявшая в своих рядах группу авторитетных советских ученых и организаторов науки 20-х гг. XX в., массы краеведов-энтузиастов, популяризаторов крымоведческих знаний. Научное общество, созданное на волне бума краеведческих исследований, смогло интегрировать в своей деятельности традиции столичных научных школ и новые методологические приемы организации регионоведческих исследований [2].

Интерес предшественников исследователей краеведческого движения в Крыму к работе РОПИК был фрагментарным. Богатейшее научное наследие членов Общест-

ва не стало предметом целенаправленного всестороннего изучения. Ученые и краеведы останавливались в своих разработках на сюжетах деятельности РОПИК, касавшихся общих тенденций развития краеведения в Крымской АССР (КрАССР) в период работы Общества: этнологические штудии, участие столичных исследователей в научных экспедициях в Крым, развитие научной периодики. Это объясняет **актуальность** исследования деятельности РОПИК в крымском краеведении, создания полного очерка научной и популяризаторской деятельности организации и определения ее роли в краеведческом движении СССР 20-х – начала 30-х гг. XX в. Ключевой **задачей** исследования истории деятельности РОПИК является анализ научного наследия членов организации, выявление основных направлений исследовательского поиска ученых и краеведов, определение влияния некоторых концепций и дискуссий вокруг отдельных тем исследований на дальнейшее развитие исторических и этнографических штудий в контексте крымоведения.

Целью данной публикации является обзор, анализ и систематизация массива научного наследия членов РОПИК по вопросам изучения истории материальной культуры и охраны памятников в Крыму на основе малоизвестных опубликованных и архивных источников.

В начале 20-х годов XX века наблюдалось значительное оживление археологических исследований в Крыму. Это было связано с началом активной деятельности общегосударственных учреждений, призванных регулировать и курировать изучение и сохранность памятников истории и культуры: Главнауки Наркомпроса РСФСР (г. Москва), Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, г. Ленинград), регионального подразделения – КрымОХРИСа. В контексте археологического изучения Крыма оригинальные исследования членов РОПИК можно разделить на четыре направления: первобытная археология, изучение античных памятников Херсонеса и Керченского полуострова, раскопки мусульманских памятников Солхата и Бахчисарая, исследование материальных остатков пребывания в Крыму генуэзских колонистов в средневековый период.

В 1923–1924 гг. по поручению Этнографического отдела Русского музея (г. Ленинград) раскопки стоянок периода древнего и среднего палеолита произвел научный сотрудник этого учреждения, член Правления Ленинградского отделения РОПИК Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943). Их результаты были опубликованы в журнале «Крым» в очерке «Доисторические культуры Крыма» и стали вехой в развитии отечественной археологической науки [3]. Кратко осветив роль предшествовавших исследователей в изучении пребывания первобытного человека в Крыму (Н. И. Дубровский, П. П. Ефименко, С. И. Забнин, Н. Н. Клепинин, К. С. Мережковский, А. С. Моисеев, Н. И. Репников), автор очерка остановился на составе своей экспедиции. В ней принимали участие выдающийся крымовед, профессор Крымского университета Н. Л. Эрнст (1889–1956), член ТУАК и ТОИАиЭ, археолог-любитель С. И. Забнин, студенты ленинградских и симферопольских вузов. В 1923 г. тщательному исследованию в крымских предгорьях подверглась пещера Кош-Коба. В ней удалось найти остатки ископаемых костей животных, не прямые следы пребывания первобытного человека. На следующий год исследование проходило уже в 14 пещерах в районе между Бахчисараем и Инкерманом. Цен-

ный материал по эпохе верхнего палеолита удалось выявить только в одной из них – в Сюреньской пещере [3, с. 74–76]. Тогда же, при завершении экспедиции, в районе, не предполагавшемся к изучению, случайно были сделаны «совершенно исключительные по своему значению» находки в гроте Киик-Коба в предгорной части Крыма. В слое четвертичного периода вместе с костями животных, кремневыми орудиями были найдены два человеческих костяка – ребенка и взрослого в самом нижнем геологическом слое. Остатки человеческих костей были расположены в специальном углублении грота, что говорило об осознанности погребения. В нетронутom положении остались только кости обеих стоп и правой голени взрослого, остальные кости были выброшены из могилы поздними жителями грота [3, с. 77].

Ввиду крайней важности находок в Киик-Кобе, в 1925 году экспедиция продолжила свою работу на средства Русского музея, Главнауки и КрымОХРИСа в том же составе. При дальнейшем вскрытии грунта в пещере были обнаружены масса кремневых орудий, костей животных, несколько костных фаланг руки взрослого человека, практически неповрежденные [3, с. 78].

Кроме публикации отчета экспедиции, Г. А. Бонч-Осмоловский сформулировал в очерке оригинальную концепцию классификации археологических культур древнего Крыма. Значительное место в ней автор уделял анализу собственных находок в Киик-Кобе. Анализировалась местность, стратиграфия геологических слоев, строение очагов и каменных орудий [3, с. 79–84]. Отдельному описанию подверглись найденные человеческие кости, констатировалось отсутствие ключевого элемента в исследовании останков первобытного человека – черепа – позволяющего точно датировать находки по антропологическим данным. Отдельно характеризовалась могила, специально выдолбленная в скальной породе грота для погребения. Все объективные данные захоронения позволили Г. А. Бонч-Осмоловскому отнести его к эпохе древнего палеолита, времени существования людей неандертальского типа (в современной археологической науке произошла коррекция терминов – время жизни неандертальцев выделяют в отдельную эпоху – мустье, которая также имеет название среднего палеолита). Также исследователь сформулировал особо ценное научное значение открытия: впервые стопы человека-неандертальца были найдены в целом виде; погребение было совершено специально в гроте, следовательно, это указывало на наличие у древнейших обитателей Крыма примитивных сакральных представлений о загробной жизни. Наиболее важным результатом экспедиции стало выявление первых человеческих останков эпохи древнего палеолита на территории СССР на тот момент [3, с. 84–86].

Также Г. А. Бонч-Осмоловский в очерке охарактеризовал памятники эпохи верхнего палеолита, основываясь на исследованиях К. С. Мережковского второй половины XIX века и современных на тот период работах П. П. Ефименко. Краткий очерк был посвящен и «веку металлов» (раннему железному веку), в основе его содержания был обзор находок предметов кизил-кобинской культуры, совершенных совместно с Н. Л. Эрнстом при раскопках в селении Нейзац, в Кизил-Кобинском и Кош-Кобском поселениях [3, с. 87–94].

В общем выводе Г. А. Бонч-Осмоловский констатировал наличие в Крыму памятников эпох древнего палеолита, ориньякского периода верхнего палеолита,

культур конца бронзового и раннего железного века [3, с. 94]. В дальнейшем ученый значительно развил свои исследования в вопросе древнейшего прошлого Крыма по антропологическим и археологическим источникам, которые отразились в классической монографии «Палеолит Крыма» [4], публикация которой была завершена уже после смерти ученого. Значение исследований и открытий Г. А. Бонч-Осмоловского в полной мере были оценены в процессе дальнейшего развития штудий в области палеолита. Исследователи биографии и научной деятельности выдающегося археолога (В. В. Бунак [5], С. Н. Бибиков [6], С. В. Смирнов [7], Г. П. Григорьев [8], С. А. Васильев [9], У. К. Мусаева [10]) отмечали однозначную прогрессивность выводов Г. А. Бонч-Осмоловского для развития археологической науки в целом и эволюционного направления в антропологии. Редактор посмертно изданной третьей части монографии «Палеолит Крыма», первый биограф Г. А. Бонч-Осмоловского, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Бунак (1891–1979) подчеркивал, что Г. А. Бонч-Осмоловский, стремясь наметить общую картину эволюции древних палеолитических орудий, благодаря исследованиям крымских памятников, особое внимание уделял способам изготовления и функциям каменных орудий в жизни людей, сформулировал общую концепцию грота как основного и естественного местопребывания коллективов первобытных людей. Дискуссионными, по мнению В. В. Бунака, являлись предположения Г. А. Бонч-Осмоловского относительно развития кисти руки и стопы древнего человека, что отражало уровень его эволюции от высших приматов. Однако данная дискуссионность выводов могла быть отнесена и на счет ограниченности средств и материалов, имевшихся в распоряжении Г. А. Бонч-Осмоловского при проведении исследований и формулировании выводов [5, с. 391–393]. Доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук УССР С. Н. Бибиков (1908–1988) обращал внимание на полемичность многих положений работ Г. А. Бонч-Осмоловского, прежде всего касавшихся принципов датировки находок в Киик-Кобе, которые имели исключительное значение при оценке места данного памятника в древнейшей истории. Оценивая общее значение работ Г. А. Бонч-Осмоловского, С. Н. Бибиков отмечал значение комплексности исследований ученого, неразрывность археологического контекста с биологическими условиями существования древнего человека, влиянием природного фактора на развитие предков современных людей. Также С. Н. Бибиков проследил судьбу основных положений концепции Г. А. Бонч-Осмоловского в развитии истории науки о древнейшем прошлом человечества. Основной ревизии подверглась датировка найденных в Киик-Кобе останков человека – с периода древнего палеолита данные кости были переведены в период среднего палеолита (эпохи мустье), а останки человека – окончательно отнесены к неандертальскому антропологическому виду. Также коррекции подвергся вывод ученого о слабом развитии охоты среди жителей Киик-Кобы, который был сделан на основании количественного соотношения костей ископаемых животных в нижнем и верхнем слоях грота. Данные поправки, по мнению С. Н. Бибикова, не меняли главного существа открытия в Киик-Кобе, определенные же неточности, потребовавшие корректировки в дальнейшем, исследователь относил на излишнюю исследовательскую увлеченность Г. А. Бонч-Осмоловского (которую отмечали и его сотрудники-современники) общеэволюци-

онными теоретическими построениями [6, с. 279–281]. Подводя итоги, можно сделать вывод о значительности открытия Г. А. Бонч-Осмоловского в контексте комплексных исторических исследований, которые включали в себя скрупулезные археологические, антропологические, геологические, биологические штудии и привели к созданию оригинальной концепции организации жизни первобытных людей, основные положения которой остаются актуальными и в современных условиях развития исторической науки.

Характеристике микролитической археологической культуры эпохи мезолита и ее памятникам в Крыму посвятил свои исследования доцент Первого МГУ, заведующий лабораторией Государственного центрального музея народоведения, заведующий археологическим подотделом Главнауки НКП РСФСР, член Правления РОПИК Борис Сергеевич Жуков (1892–1934) [11]. Охарактеризовав отличительные черты микролитической культуры и ее место в археологии Европы, ученый в своем очерке «Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской яйле в июне 1927 г.: Предварительное сообщение» представил краткий анализ ее изучения в досоветский период в России: в очерке представлены исследования К. С. Мережковского, А. С. Моисеева и современника П. П. Ефименко [11, с. 99–100].

Непосредственным объектом работ Б. С. Жуков выбрал район Ай-Петринской яйлы (горное побережье от Ялты до Алупки). В 1926 году он провел там предварительные разведки. Одновременно в этом районе по плану работ Главнауки разведки провел директор Ялтинского музея краеведения, заместитель председателя Ялтинского отделения РОПИК Г. Я. Россилевич. В 1927 году после обращения Г. Я. Россилевича к Б. С. Жукову усилия исследователей были объединены, московский ученый встал во главе единой экспедиции [11, с. 101]. Результатами работ в 1927 году стали многочисленные находки микролитической индустрии, позволившие установить местонахождение еще двух мезолитических стоянок первобытных людей – у скалы Ат-Баш и в урочище Балин-Кош. Все найденные материалы были отправлены на экспертизу в Антропологический институт им. Д. Н. Анучина при Первом МГУ, после которой должны были пополнить фонды Ялтинского музея краеведения [11, с. 102–107]. Вклад Б. С. Жукова в развитие археологических исследований долгое время оставался вне поля внимания исследователей – это было связано с арестом ученого в 1931 г. в рамках разгромной кампании в советской науке и его гибелью в лагерном заключении в 1934 г. Единственной подробной работой, содержащей анализ роли ученого в развитии археологических исследований является современная статья кандидата исторических наук Александра Александровича Формозова, однако в ней раскопки в Крыму только упоминаются в контексте комплексности штудий Б. С. Жукова, касавшихся, прежде всего, памятников Центрального региона Европейской России и Поволжья [12].

В 1928 году работы на Ай-Петринской яйле продолжились в рамках комплексной Крымской экспедиции Московского отделения РОПИК. Их проводил по поручению организатора старший ассистент Ленинградского государственного университета Тарасий Федорович Гелах, который продолжил изучение наиболее богатой стоянки района – Балин-Кошской. Были раскопаны кремневые орудия и примитивная керамика эпохи неолита [13].

Организатором постоянных комплексных исследований памятников античного и средневекового времени в Севастополе был директор раскопок в Херсонесе, член правления Ленинградского отделения РОПИК, член Севастопольского отделения РОПИК, профессор Константин Эдуардович Гриневич (1891–1971). В информационной заметке «Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом (Корсуни – наших древних летописей)», опубликованной в 1926 году, ученый представлял сжатую картину истории древнего города, рассказывал о последовательности его научного изучения с конца XIX и до начала Первой мировой войны в 1914 году. К. Э. Гриневич информировал о возобновлении раскопок в совершенно неизученном участке городища – в районе т. н. «Башни Зенона», содержащего слои, насыщенные богатыми археологическими памятниками [14].

В 1926 году экспедиция под руководством К. Э. Гриневича начала исследования по подтверждению или опровержению предварительных сведений экспедиции 1909–1910 годов под руководством Р. Х. Лепера о существовании поселения VII–VI веков до н. э. на территории Гераклеийского полуострова, в районе «Базилики Св. Лаврентия», то есть в центре южной части городища [15]. Согласно стратиграфическому исследованию, возможным представлялось выделить 4 геологических слоя: 1-ый – содержал предметы XV–XIX веков; 2-ой – относился к X–XI векам; 3-ий – к позднеэллинистическому времени (рубеж эр); 4-ый – к IV–II векам до н. э. [15, с. 115–116]. Автор также дал отдельную характеристику каждому из 6 строительных периодов, в разное время присутствовавших на данной территории: они начинались с III века до н. э. и сменяли друг друга до конца XIII века, когда средневековый город был окончательно разрушен монголами [15, с. 118–121]. Главными выводами из раскопок К. Э. Гриневича были подтверждение версии К. К. Косцюшко-Валюжинича о существовании на исследуемой территории в X–XII веках монастыря и опровержение гипотезы Р. Х. Лепера о существовании эллинского поселения на Гераклеийском полуострове в VII–VI веках до н. э.: оно было основано не ранее III века до н. э., скорее всего, самими жителями Херсонеса [15, с. 121].

Продолжением исследований древностей неизученных районов Херсонеса Таврического стали раскопки 1927–1928 годов. Отчеты этих экспедиций под руководством К. Э. Гриневича, опубликованные в журнале «Крым», показывают комплексность задач, формулировавшихся при начале раскопок [16; 17]. В 1928 году объектом работ стали остатки масштабного многоуровневого здания, содержащего в себе 4 культурных слоя (от V века до н. э. до находок времен Крымской войны 1853–1856 годов), находившегося на территории бывшего «хутора Бермана», в античное и средневековое время не входившей в городскую черту [16, с. 47–71]. Параллельно К. Э. Гриневич руководил обследованием оборонительных сооружений Херсонеса римского периода (первые века нашей эры), используя при этом материалы работ А. Л. Бертье-Делагарда, как первого серьезного их исследователя [17, с. 18–32]. Последующие исследователи Херсонеса (В. И. Кадеев, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко, С. Б. Сорочан), проводившие археологические исследования античных и средневековых памятников городища, а также предпринявшие попытки создания очерков истории изучения одного из крупнейших археологических памятников Крыма, отмечали ключевую роль К. Э. Гриневича в возобновлении система-

тических научных исследований на территории Херсонеса, что позволило создать на территории СССР эталонный памятник греко-римского и византийского периодов. Кроме того, в историографии отдельно подчеркивается исключительная роль К. Э. Гриневича в становлении музея на территории городища, как специализированного профессионального научного учреждения, которое выполняло не только экспозиционную функцию, но и проявило себя как самостоятельный научно-исследовательский центр. Авторы исследований также соглашаются с выводами К. Э. Гриневича, которые он сформулировал относительно предназначения и роли объектов раскопок под его руководством во второй половине 20-х годов XX века, эти данные заняли прочное место в реконструкции истории древнего города и не были опровергнуты или подданы сомнению [18; 19].

Отчет о начале раскопок городищ Керченского района в 1927 году содержится в очерке директора Керченского историко-археологического музея, председателя Керченского отделения РОПИК Юлия Юльевича Марти (1874–1959) «Раскопки Керченской экспедиции 1928 года: Предварительное сообщение», который был написан на основании отчета, поданного исследователем в ГАИМК и текст которого сохранился в фондах Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук [20; 21]. Более всего из группы городищ на бывшей территории европейской части Боспорского царства на Керченском полуострове исследователем выделялся Китей. В своем отчете–очерке Ю. Ю. Марти остановился на общей характеристике состояния городища до начала обследования, представил археологический план Китея, уточнил локализацию городища, основываясь на критике сообщений античных авторов и иностранных путешественников конца XVIII – первой половины XIX века [21, л. 6–7]. Далее ученый подробно описал ход раскопок оборонительных сооружений в 1928 году, позволивший определить время жизни на городище в античную и раннесредневековую эпохи – с V века до н. э. по V–VI века н. э. [21, л. 8–9]. Интересные детали совмещения греческих и варварских (скифо-сарматских) форм погребального обряда были представлены в разделе отчета, касавшегося характеристики погребений некрополя Китея [21, л. 9–11]. Также Ю. Ю. Марти в своем очерке опубликовал описание ценной находки с экспедиционных раскопок на горе Митридат в 1928 году – сохранившийся деревянный детский саркофаг, предположительно созданный в I веке н. э. [21, л. 11–13]. Значительным недостатком в истории изучения памятников Керчи и Керченского полуострова до сегодняшнего времени является отсутствие научного очерка этого процесса. Как исключение можно назвать лишь популярную работу главного хранителя Керченского государственного историко-культурного заповедника В. Н. Боровковой «Коллекционеры и торговцы керченскими древностями» (1999 г.), в которой предпринята попытка создания очерка истории изучения боспорских памятников. Однако деятельность и оценка вклада Ю. Ю. Марти на посту директора Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина представлены в этом исследовании фрагментарно, краткий очерк реконструирует только общие моменты биографии исследователя и членов его семьи, анализ наследия ученого остается вне контекста исследования [22].

Материалом для организации штудий, посвященных археологическому изучению мусульманских памятников средневековых городов Крыма – Солхата и Бахчисарая, стали результаты экспедиции, организованной Совнаркомом и ЦИКом Крымской АССР в 1925–1926 годах. Ее возглавил член Правления РОПИК, профессор Илья Николаевич Бороздин (1883–1959). Публикацию материалов экспедиции осуществил член Правления РОПИК, профессор Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) [23]. В экспедиции также принимали участие заведующий художественным отделом ЦМТ, профессор П. И. Голландский (1865–1939) и преподаватель Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе О.-Н. А. Акчокраклы (1879–1938), помощь в проведении экспедиции оказывал Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Интересы исследователей, согласно очеркам А. С. Башкирова «Сельджукизм в древнем татарском искусстве» и «Художественные памятники Солхата», были сосредоточены на исследовании памятников архитектуры древней столицы крымских татар – Солхата (Старого Крыма). Одним из главных выводов экспедиции стала концепция о значительном влиянии на архитектуру крымских татар в XIV–XVI веках сельджукского компонента, имевшего происхождение из Малой Азии. А. С. Башкиров выделял это влияние, как в памятниках монументального зодчества, так и в деталях декоративной орнаментальной резьбы на каменных сооружениях [23, с. 108]. В качестве примера для подтверждения гипотезы приводилось подробное описание солхатской медресе-мечети «времен хана Узбека», датированной 1314 годом. Она представляла собой два, тесно связанные между собой, но самостоятельные по назначению, сооружения. Оба имели квадратную форму, помещение мечети в 4 раза превосходило по площади медресе. Мечеть была построена в характерной для сельджукизма манере 3-нефного комплекса, с входом в северной стене, михрабом (молитвенной нишей) – в южной, перекрытым плоским потолком. А. С. Башкиров проводил аналогии солхатской мечети Узбека с другими памятниками сельджукской архитектуры Малой Азии и останавливался на общих чертах орнаментации этих памятников [23, с. 109–115]. В заключение очерка, ученый сформулировал основные сходные черты техники строительства солхатской медресе-мечети и сельджукских памятников: использование белого зернистого известняка, как в кладке стен, так и в орнаментации деталей; техника кладки стен массивными блоками (квадрами); полное сходство проектирования и орнаментации порталов, михраба мечети и надгробий похороненных на ее территории [23, с. 122–123].

В своем более позднем очерке А. С. Башкиров предпринял попытку реконструкции первоначального облика исследованной медресе-мечети и привел еще один пример сельджукского влияния в архитектуре – мечеть Куршум-Джами в Старом Крыму, сохранявшую основные архитектурные черты сельджукизма, и, вместе с тем, отличавшуюся планировкой от медресе-мечети Узбека [24]. Значительная часть очерка была посвящена обзору массива солхатских и бахчисарайских надгробий, исследованных экспедицией. Благодаря характерному орнаменту сельджукского происхождения, А. С. Башкиров датировал 10 надгробий XIV–XV веков [24, с. 136–144].

Если в задачу А. С. Башкирова входило только описание результатов раскопок и формулирование общих предварительных заключений, то построение теоретических заключений на основании результатов экспедиции принадлежало И. Н. Бороз-

дину. Кандидат исторических наук У. К. Мусаева в своей монографии «Подвижни- ки крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки» формулирует вывод о том, что И. Н. Бороздин в своих публикациях по исследуемой проблеме настаивал на тесной связи, которая прослеживалась в памятниках крымскотатарского зодчества ордынского периода с влиянием архитектурных традиций памятников Малой Азии, завоеванной в тот период сельджуками, мамлюкского Египта, Византии и итальянских городов-государств Средиземноморья. Это переплетение традиций создавало, по мнению И. Н. Бороздина, синкретический, «своеобразный культурный облик» городов Крыма эпохи средневековья, а также опровергало устоявшееся в науке мнение о закрытости друг от друга культур Западной Европы и мусульманского Востока. Итогами работ экспедиции 1925–1926 гг. под руководством И. Н. Бороздина в Старый Крым стали публикации как теоретического характера, предлагавшие методику проведения соответствующих исследований, так и проведение специализированной выставки, на которой были представлены либо сами оригиналы раскопанных памятников, либо их репродукции [25].

Изучение средневековых археологических памятников Генуэзской крепости в Судаке стало предметом исследовательского интереса профессора Перового МГУ, члена Правления РОПИК Николая Дмитриевича Протасова. В обзорном очерке «Памятники Судака», изданном в 1926 году [26] ученый остановился на описании развалин Судакской крепости, определял время ее строительства, ссылаясь на письменные источники (1385–1414 годы), приводил архитектурные аналогии с памятниками зодчества средневековой Италии [26, с. 95–101]. Автор также анализировал взаимоотношения генуэзских колоний в Крыму с крымскими татарами через призму захватов Судака в 1222, 1299 и 1327 годах при ханах Чингисхане, Ногае и Узбеке соответственно. Также в очерке была представлена характеристика структуры и краткая политическая история генуэзской республиканской администрации в Крыму [26, с. 102–105]. В заключение Н. Д. Протасов обращал внимание общественности на необходимость охраны уникального архитектурного и исторического памятника.

Статья Н. Д. Протасова о раскопках в Судаке в 1928 году [27] представляла отчет о предварительном исследовании совместно с членами Судакского отделения РОПИК одного из христианских церковных сооружений крепостного комплекса – т. н. «храма на кронштейнах», построенного во второй половине XIV века.

Таким образом, в течение 1923–1928 годов члены РОПИК в рамках экспедиций, организованных центральными государственными памятникоохранительными учреждениями совершили ряд археологических исследований и открытий, позволивших сформулировать значительные концепции в области первобытной, античной и средневековой археологии Крыма. Результаты некоторых полевых исследований предопределили пути развития отдельных отраслей советской археологической науки на последующие десятилетия, дали необходимые материалы для создания широких теоретических выводов. Публикации А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича, Б. С. Жукова, Ю. Ю. Марти, Н. Д. Протасова, предпринятые в периодическом научном органе РОПИК, способствовали становлению советской археологической науки, создавали историографическую основу для последующих исследователей. Однако, в условиях гонений на академи-

ческую науку в 30-х годах XX века, репрессий против ученых (им подверглись А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, Б. С. Жуков пал их жертвой) наследие исследователей на некоторое время – от одного десятилетия до нескольких – оставалось невостребованным, либо использовалось в далеко неполном, а порой и искаженном виде. Несмотря на это, результаты археологических и памятниковедческих экспедиций под руководством членов РОПИК в Крыму в 20-е годы XX века стали значительной вехой в дальнейшем развитии археологических исследований в Крыму.

Список литературы

1. О тенденциях развития крымского краеведения в 20-е гг. XX в. см.: Непомнящий А. А. Арсений Маркевич : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. – (Библиография крымоведения ; вып. 3). – 432 с; Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2006. – (Библиография крымоведения; Вып. 7). – 324 с.; Непомнящий А. А. «Еще держится у нас старая культурность...» : Новые материалы по истории крымоведения в переписке местных историков с академиком И. Ю. Крачковским / А. А. Непомнящий // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 19. – С. 181–202; Непомнящий А. А. «Поки оберігаємо та рятуємо, там де можна, але це дуже важко...» : невідомі матеріали з історії пам'яткоохоронної роботи в Криму за матеріалами листування А. І. Маркевича та С. Ф. Платонова / А. А. Непомнящий // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України ; УТОПК. – Київ, 2008. – Вип. 13. – С. 201–227; Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь : СГТ, 2008. – Т. 2 : TAURICA ORIENTALIA. – (Библиография крымоведения ; вып. 12). – 600 с.
2. О деятельности РОПИК подробно см.: Севастьянов А. В. «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...» : Документы архивов свидетельствуют / А. В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. – 2006. – № 12/13. – С. 128–152; Севастьянов А. В. «На переломе» : Российское общество по изучению Крыма в 1926–1928 гг. : цели, мероприятия, результаты / А. В. Севастьянов // Историческое наследие Крыма. – 2009. – № 25. – С. 185–203; Севастьянов О. В. Десять років на службі краєзнавству : Російське товариство з вивчення Криму (1922–1932 рр.) / О. В. Севастьянов // Краєзнавство. – 2009. – № 3/4. – С. 96–102; Севастьянов А. В. О научном наследии Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) : историографический аспект / А. В. Севастьянов // Крымский архив. – 2009. – № 11. – С. 251–264.
3. Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма / Г. А. Бонч-Осмоловский // Крым. – 1926. – № 2. – С. 74–94.
4. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма : в 3 вып. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР. – Вып. 1 : Грот Киик-Коба. – 1940. – 226 с.; Вып. 2 : Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба. – 1941. – 172 с.; Вып. 3 : Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба / Г. А. Бонч-Осмоловский; Под ред. и доп. В. В. Буняка. – 1954. – 399 с.
5. Бунак В. В. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943) : Биографические сведения и краткий очерк научной деятельности / В. В. Бунак // Палеолит Крыма / под ред. и доп. В. В. Буняка. – Вып. 3 : Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 388–393.
6. Бибиков С. Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский / С. Н. Бибиков // Советская археология. – 1990. – № 1. – С. 277–283.
7. Смирнов С. В. Г. А. Бонч-Осмоловський і сучасна археологія / С. В. Смирнов // Археологія. – 1990. – № 1. – С. 146–153.
8. Григорьев Г. П. Место Г. А. Бонч-Осмоловского в становлении и развитии отечественной школы изучения палеолита / Г. П. Григорьев // Проблемы истории отечественной археологии : тез. докл. конф., 11–13 декабря 1990 г. / СПб. гос. ун-т. – 1993. – С. 33–35.

9. Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и становление технологического подхода к изучению каменной индустрии эпохи палеолита / С. А. Васильев // Проблемы истории отечественной археологии : тез. докл. конф., 11–13 декабря 1990 г. / СПб. гос. ун-т. – 1993. – С. 35–36.
10. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941 : Историографические очерки / У. К. Мусаева ; Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского ; под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего. – Симферополь : Таврия, 2004. – С. 51–70. – (Библиография крымоведения ; вып. 2).
11. Жуков Б. С. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской яйле в июне 1927 г. : предварительное сообщение / Б. С. Жуков // Крым. – 1927. – № 2 (4). – С. 99–107.
12. Формозов А. А. О Борисе Сергеевиче Жукове : Материалы к биографии / А. А. Формозов // Формозов А. А. Статьи разных лет / Курский гос. мед. ун-т – Курск, 2008. – С. 176–192.
13. Предварительный отчет об экспедиции МОПИК в Крым в 1928 году : работы на яйле // Крым. – 1929. – № 2 (10). – С. 87–88.
14. Гриневич К. Э. Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом : Корсуни – наших древних летописей / К. Э. Гриневич // Крым. – 1926. – № 2. – С. 195–196.
15. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. / К. Э. Гриневич // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 112–113.
16. Гриневич К. Э. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г. : предварительный отчет с описанием архитектурного комплекса / К. Э. Гриневич // Крым. – 1928. – № 2 (8), вып. 2. – С. 34–71.
17. Гриневич К. Э. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. : предварительный отчет / К. Э. Гриневич // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 14–32.
18. Кадеев В. И. К 75-летию К. Э. Гриневича / В. И. Кадеев // Советская археология. – 1967. – № 4. – С. 187–189.
19. Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков : Майдан, 2001. – С. 42–45.
20. Марти Ю. Ю. Раскопки Керченской экспедиции 1928 года : предварительное сообщение / Ю. Ю. Марти // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 5–13.
21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1929 г.), оп. 1, д. 155, л. 2–9.
22. Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями / В. Н. Боровкова ; под ред. В. Н. Зинько. – Керчь : Дементра, 1999. – С. 145–148.
23. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве / А. С. Башкиров // Крым. – 1926. – № 2. – С. 108–125.
24. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата / А. С. Башкиров // Крым. – 1927. – № 1 (3). – С. 123–135.
25. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии... – С. 73–76.
26. Протасов Н. Д. Памятники Судака / Н. Д. Протасов // Крым. – 1926. – № 2. – С. 95–107.
27. Протасов Н. Д. Раскопки в Судаке летом 1928 г. : предварительное сообщение / Н. Д. Протасов // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 86–97.

Севастьянов О. В. Вивчаючи старовину та зберігаючи пам'ять: Проблеми історії матеріальної культури та охорони пам'яток в науковій спадщині членів Російського товариства з вивчення Криму (1922–1932 гг.) / О. В. Севастьянов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 168–179.

В статті на підставі аналізу масиву наукових публікацій членів Російського товариства з вивчення Криму відтворюється активний дослідницький процес вивчення історії матеріальної культури та охорони пам'яток у Кримській АСРР у 20-тих – на початку 30-х рр. XX ст. Репрезентується історіографічна оцінка наукової спадщини О. С. Башкірова, Г. А. Бонч-Осмоловського, І. М. Бороздіна, К. Е. Гриневича, Ю. Ю. Марті.

Ключові слова: Російське товариство з вивчення Криму, археологія, пам'ятки, О. С. Башкіров, Г. А. Бонч-Осмоловський, І. М. Бороздін, К. Е. Гриневич, Ю. Ю. Марті.

Sevastyanov A.V. Studying an antiquity and holding in remembrance: Problems of history of material culture and protection of monuments in a scientific heritage of members of the Russian society on studying of Crimea (1922-1932) / A.V. Sevastyanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 168–179.

In article on the basis of the analysis of a file of scientific publications of members of the Russian society on studying of Crimea active research process on studying of history of material culture and protection of monuments in Crimean ASSR in 20 is recreated – the beginning of 30th XX century. Is represented a historiographic estimation of a scientific heritage of A.S.Bashkirov, G.A.Bonch-Osmolovsky, I. N. Borozdin, K.E.Grinevich, Ju.Ju.Marti.

Keywords: the Russian society on studying of Crimea, archeology, monuments, A.S.Bashkirov, G.A.Bonch-Osmolovsky, I.N.Borozdin, K.E.Grinevich, Ju.Ju.Marti.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 325.54+314(477.75)“19”1944–1970

СИСТЕМА ЛЬГОТ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В КРЫМ В 1944–1964 ГОДАХ

Сеитова Э. И.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: elvina_seitova@mail.ru*

В итоге Великой отечественной войны Крым понес значительные людские потери. Для восстановления демографического потенциала, инфраструктуры и народного хозяйства, Государственный комитет обороны признал необходимым переселить в Крым из различных областей РСФСР и УССР трудоспособных колхозников. С целью, как можно более активного заселения, а также успешной и быстрой адаптации прибывших была разработана и введена в действие система льгот для переселенцев. Она включала компенсацию всех видов затрат связанных с перевозкой людей из мест выезда до мест вселения, расходов, связанных с благополучным прибытием и расселением новоселов, а также их максимально комфортного проживания на полуострове.

Ключевые слова: миграция, система льгот, демографический потенциал, народное хозяйство, переселение, переселенцы

Миграция населения – сложный социально-демографический процесс, который воздействует на все стороны социально-экономической жизни общества. Она способна влиять не только на значительные экономические, социальные, демографические и этнические процессы, но и выступает в роли важного звена государственной политики [1, с. 8]. Рассматривая миграции, в разных ее проявлениях, чрезвычайно важно определить теоретическое наполнение исследуемой категории. Миграция, как разновидность социальной мобильности населения, предполагает, что – это вид, способ и формы перемещения лиц без гражданства или граждан во внутрисоциальном или транснациональном пространстве, что обуславливаются на практике социально-экономическими и политико-культурными причинами, а не естественными факторами [2].

В Советском Союзе движение населения и рабочей силы планировалось. Но, целенаправленное воздействие государства на этот процесс распространялось лишь на какой-то процент миграционного движения (прежде всего обусловленную экономическими мотивами), в то же время как оставшаяся его часть была по существу неуправляемой [3, с. 47].

Крым, в свою очередь, в полной мере ощутил на себе методы демографической политики СССР. Спецификой этого региона, в демографическом отношении, было то, что летом 1941 и весной 1944 годов из полуострова были насильственно депортированы сначала немцы, а затем крымские татары, болгары, армяне, крымские греки. Это, наряду со значительными людскими потерями в результате военных действий, и мобилизации, привели к тому, что полуостров практически обезлюдил, встала необходимость принятия мер для восстановления народного хозяйства и полно-

ценной жизнедеятельности этого края. Вследствие чего было принято решение заселить Крым колхозниками-переселенцами из различных областей УССР и РСФСР.

Переселенческое управление при Совете Министров РСФСР и Главное управление по организованному набору работников и переселению семей при Совете Министров УССР при тесном сотрудничестве с Переселенческим отделом при Совете Народных Комиссаров Крымской АССР (с 1945 г. – Переселенческий отдел Исполнительного комитета Крымского областного Совета депутатов трудящихся). Согласно приказу Государственного комитета обороны, должны были организовать переселенческий процесс на полуостров. Успешность этой политики обеспечивалась, прежде всего, благодаря системе льгот, которая была направлена на укрепление экономической основы и улучшения бытовых условий переселенцев. Она заключала в себе следующие компоненты: компенсация всех видов затрат, связанных с переселением; выделение (строительство) жилья; кредитование; обучение (переподготовка) тем специальностям, в которых нуждался Крым; выделение сельскохозяйственного оборудования и скота; налоговые каникулы.

В соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР № 115/2043 от 17 ноября 1937 года «О льготах по сельскохозяйственному переселению» колхозникам за счет государства предоставлялся бесплатный проезд, провоз скота и имущества, а расходы по организации всего процесса должны были производиться полностью за счет государственного бюджета [4]. Приказом Министерства финансов РСФСР крымский переселенческий отдел был освобожден от уплаты государственной пошлины [5].

Постановлением Совета Народных Комиссаров Крымской АССР и областного комитета ВКП(б) от 18 августа 1944 года «О заселении Ялтинского, Алуштинского, Балаклавского, Бахчисарайского, Куйбышевского, Старо-Крымского и Судакского, Карасубазарского районов Крымской АССР» обязали наркома торговли (товарища Швецова) обеспечить питанием колхозников переселенцев в пунктах приемки и разгрузки эшелонов и организовать торговлю продуктами, товарами и предметами первой необходимости. Наркому здравоохранения Крымской АССР (товарищу Демидову) было приказано организовать медицинское обслуживание прибывающих колхозников на всех пунктах приемки эшелонов, а также изоляторы для заболевших в пути следования переселенцев, выделить для этого необходимое количество медперсонала и медикаментов, обязали председателей горрайисполкомов: Бахчисарайского, Джанкойского, Севастопольского, Сейтлерского, Симферопольского, Феодосийского районов выделить соответствующие помещения для оборудования простейших бань, дезкамер, изоляторов и выделить транспортные средства для перевозки больных [6]. Льготы являлись инструментом для вербовки потенциальных переселенцев. Это следует из приказа по переселенческому управлению при Совете Министров РСФСР «О льготах по переселению на 1952 год». Начальникам переселенческих отделов приказывалось довести в десятидневный срок до сведения райисполкомов, производящих отбор и прием колхозников, информацию о льготах, установленных на текущий год. Им также необходимо было разъяснить существующую систему поощрений среди населения в местах выхода и колхозах вселения путем докладов на общих собраниях, проведения групповых и индивидуальных бесед среди населения, выступлений по

радио и организации информационно-справочной работы в сельсоветах, изба-читальнях, сельских клубах и т. д. [7]. Таким образом, все расходы, связанные с перевозкой переселенцев из мест выхода до мест вселения и затраты, связанные с благополучным прибытием и расселением новоселов государство взяло на себя [8].

Финансирование жилищного строительства велось, как правило, за счет льготных кредитов Госбанка СССР, а в ряде случаев – за счет собственных средств хозяйств. Под планы строительства жилья выделялись материально-технические ресурсы. Сооружение домов велось по типовым проектам хозяйственным способом, то есть силами самих хозяйств вселения. Плану строительства домов соответствовал и план переселения семей. В первых же документах, регламентирующих миграционный процесс на полуостров, рекомендовалось наделить переселяемых в Крым людей домами с имеющимися надворными постройками и приусадебными участками. Также требовалось выдать им по оценочной стоимости районного финансового отдела ручной сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода, ранее принадлежавшие спецпереселенцам [9]. В объяснительной записке к отчету по форме № 4 за 1946 год значится, что все семьи, работавшие в колхозах в количестве 10220 хозяйств, имели новые или отремонтированные дома. Они за ними были закреплены по акту на вечное пользование и наделены приусадебными участками, согласно уставу сельхозартели от 0, 10 до 0, 5 га. Переселенцы, значившиеся за совхозами, предприятиями и госучреждениями, приусадебными участками не наделались, а пользовались земельными участками (огородами) по существующим нормам для рабочих и служащих [10]. К 1954 году была уже сформирована достаточно прочная экономическая и организационная основа. Следовательно, сложились более благоприятные условия для жизни вновь прибывших. Была организована широкая работа для закрепления приезжих колхозников. В ее основе лежало расширение переселенческого строительства. В 1950–1954 годах было построено 7152 жилых дома, выстроено и капитально отремонтировано 3895 домов [11, с. 123].

Несмотря на это многие переселенцы не были обеспечены жилыми домами, не имели в личном пользовании коров, не использовали установленные льготы. Значительная часть переселенцев, будучи хозяйственно неустроенна в местах вселения, возвращалась назад – в места их прежнего проживания. Так они наносили большой ущерб государству [12]. Учитывая этот факт, были приняты дополнительные меры к ускорению строительства жилых построек. К тому же, был введен в райисполкомах поименный учет хозяйственного устройства переселенцев и установлен строгий контроль над обеспечением каждой семьи домом (или квартирой в совхозах и леспромхозах), приусадебным участком, скотом личного пользования, другими льготами и преимуществами. Проверялся каждый случай ухода переселенцев из мест вселения, а лиц, виновных в плохом хозяйственном устройстве колхозников, привлекали к ответственности [13].

Что касается темпов строительства домов, то необходимо отметить, что на 1955 год был установлен план в количестве 3050, фактически было построено на 1 января 1956 года – 1660 домов или 54,4%, находилось на стадии строительства 988, и не начато было строительство 404 домов. Сдерживающей причиной строительства являлась задержка лимита кредитования. Областной союз потребительских сообществ

не обеспечивал своевременного завоза строительных материалов, особенно леса, цемента и стекла, что тормозило выполнение работ. Также управление по строительству не оказывало достаточной организационно-технической помощи, не проводило должного контроля над качеством и стоимостью строительства, вследствие чего многие дома имели недостатки и значительные технические дефекты [14].

Одной из проблем в деле обеспечения переселенцев домами было халатное отношение чиновников к своим обязанностям. Так, из решения Исполнительного комитета Крымского областного Совета депутатов трудящихся №153 от 17 марта 1959 года «О ходе строительства домов для колхозников-переселенцев в колхозах Зуйского и Евпаторийского районов», следует, что произведенной проверкой установлено формальное отношение обозначенных райисполкомов к организации выполнения задания по строительству домов. В результате чего план строительства домов в первом квартале не был выполнен. В колхозах Зуйского района из 48 домов не было построено ни одного дома, при наличии в колхозах 276 домов переходящих с 1958 года. В Евпаторийском районе из 40 домов было построено лишь 5, при наличии в колхозах 166 домов, которые перешли с 1958 года.

Пользуясь бесконтрольностью со стороны райисполкомов, руководители колхозов этих районов не подготовились к работе в зимний период, не использовали в полной мере выделенные им фонды на материалы и не завезли их на строительные площадки [15]. Также, в распоряжении от 3 июля 1959 года № 459-р значится: «в связи с неудовлетворительным ходом строительства домов для переселенцев в колхозах Евпатории и Черноморского районов было решено уменьшить план строительства домов, установленный на 1959 год» [16]. Бюро обкома КПУ и облисполком отметили, что в колхозах и совхозах ряда районов области строительство домов для переселенцев велось крайне низкими темпами. Вследствие чего в целом по области на 15 июля 1959 года из годового плана 6000 домов было построено только 1390 или 23,1%, а около 500 домов еще даже не начинали строить. Крайне неудовлетворительно было оценено строительство домов в Раздольненском районе, где план ввода в эксплуатацию домов был выполнен на 8%, в Джанкойском – на 12%, в Первомайском – на 14%, в Кировском – на 6%, в Симферопольском – на 20%, в Красноперекопском – на 21%. В совхозе «Большевик» Красногвардейского района из плана строительства 60 домов построено только 4 дома. Во многих колхозах и совхозах рабочие из строительных бригад часто отвлекались на другие работы, вследствие чего строительство велось слабыми темпами.

Низкая оценка была поставлена работе строительных трестов. Например, Крымский областной строительный трест в Первомайском районе не сдал ни одного дома из годового плана 120 домов. Взыскания получили и другие тресты [17]. Бюро обкома КПУ и облисполком неоднократно обращали внимание райкомов партии и райисполкомов на усиление темпов строительства домов для переселенцев, как на выполнение важнейшей хозяйственной задачи, однако секретари райкомов партии и представители райисполкомов продолжали относиться к этому процессу не с должной ответственностью. В связи с этим Бюро обкома КПУ и облисполком постановили: обязать секретарей райкомов КПУ, председателей райкомов, начальника управления сельским хозяйством, начальника управления совхоза, управляющего Кры-

минтрестом, управляющего консервтрестом и руководителей строительных трестов в разы улучшить руководство над строительством домов. Также обязали райкомы партии, райисполкомы повысить контроль над руководителями и первичными парт-организациями колхозов в деле переселенческого строительства и хозяйственного устройства переселенцев. И расследовать каждый случай отъезда семей переселенцев. Руководителей же, проявлявших невнимательное отношение к закреплению переселенцев, привлекать к строгой ответственности [18]. О дальнейшем ходе хозяйственного устройства и закреплении колхозников и строительстве домов узнаем из Решения Исполнительного комитета Крымского областного совета депутатов трудящихся №946 от 26 июля 1959 года. В колхозах и совхозах района медленно велось строительство домов для новоселов и не уделялось достаточного внимания их хозяйственному устройству. Не были использованы все имеющиеся возможности для оказания помощи переселенцам: особенно в благоустройстве приусадебных участков, в приобретении скота. Из льготного фонда помощи в сумме 464 тысяч рублей было использовано лишь 136 тысяч рублей [19].

На 1 октября 1964 года было построено 3198 или 60,3%, в том числе колхозы по плану 3869, построено 2291 или 58,2%, совхозы Главного управления совхозов 726 домов при плане 1226 или 59,2%, совхозы совнархоза 188 домов при плане 208 или 87,8% к плану. Из 3198 домов сданных в эксплуатацию 1356 домов построено в 3 квартале и 400 за это время заложено вновь. К концу 1964 года в стадии строительства находились 1875 домов, из них 1562 с готовностью свыше 50% [20].

Еще одним ключевым моментом в деле закрепления переселенцев в Крыму было, безусловно, льготное кредитование. Начав переселенческий процесс, государство распорядилось выдать колхозникам единовременное пособие в размере 2500 рублей на каждую семью, а также позаботилось об освобождении на 1944–1945 года хозяйства колхозников от всех государственных денежных налогов, страховых платежей и от поставки государству сельскохозяйственных продуктов и продуктов животноводства [21]. На протяжении всех лет вселения прибывшим предоставлялись льготные кредиты [22].

Нуждающимся семьям выдавалась денежная ссуда до 5000 рублей [23]. В решении исполнительного комитета Крымского областного Совета депутатов трудящихся №8 от 10 января 1956 года «О кредитном плане сельхозбанка на 1956 год» значится, что в этом году колхозам области была оказана значительная помощь кредитами Сельскохозяйственного банка предназначенные на капитальное строительство. Например, в 1955 году колхозам было выдано кредитов 78183 руб., в том числе на строительство производственных объектов 29392 рублей, электрификацию 3800 руб., прочие производственные нужды 12628 руб. и на переселенческие мероприятия 32363 рублей [24]. Однако многие колхозы области не эффективно использовали кредиты Сельхозбанка и денежные средства кредитных фондов, допускались случаи их расхода не по целевому назначению. Ввиду этого факта, не были выполнены планы строительства и ввода в эксплуатацию производственных объектов. Райисполкомы, директора МТС и работники Сельхозбанка осуществляли недостаточный контроль над правильностью образования и расходования денежных

средств фондов колхозов и использованием кредитов, а при выявлении случаев расходования ресурсов не по целевому назначению – виновных не наказывали [25].

Совет Министров СССР своим постановлением от 22 мая 1957 года № 548 установил следующий порядок выплаты денежной помощи: сумму в размере до 1000 карбованцев положено было выплачивать в два этапа: 50% по прибытии работника на предприятие и 50% после завершения двухмесячного срока работы. Денежную помощь в размере более 1000 карбованцев положено было выплачивать в три этапа: 40% по прибытии работника на предприятие, 30% после завершения двухмесячного срока работы и остальные 30% после завершения шестимесячного срока работы [26]. На семьи рабочих и служащих (начиная с января 1956 года) из городов, рабочих поселков и райцентров в пределах области на работу и постоянное жительство в малоземельные колхозы, нуждающихся в пополнении рабочей силы, должны были распределяться все льготы и преимущества, предусмотренные постановлением Совета Министров СССР от 19 февраля 1953 года №517. Эти правила действовали за исключением предоставления им бесплатного проезда, провоза имущества и выдачи единовременного денежного пособия [27].

Исполнительный комитет Крымского областного совета депутатов трудящихся своим распоряжением №776–р от 6 ноября 1958 года обязал областную контору Сельхозбанка открыть дополнительные кредиты для материального обеспечения колхозов в сумме 5000 руб. и на переселенческие мероприятия в сумме 23600 руб. [28]. Во исполнение постановления Совета Министров Украинской ССР от 19 января 1959 года №64 «О кредитном плане Сельхозбанка по Украинской ССР на 1959 год», исполком областного Совета депутатов трудящихся решил распределить долгосрочный кредит Сельхозбанка для колхозников на капиталовложения и на переселенческие мероприятия 46000 рублей [29].

Таким образом, переселенческий процесс долгое время служил одним из наиболее эффективных форм трудоустройства и перераспределения трудовых ресурсов как, в общем, в СССР, так и в Крыму в частности. Он осуществлялся советским государством, и имел целью комплектование кадрами работников и специалистов предприятий и различных организаций преимущественно – в населенных пунктах, где чувствовался недостаток рабочей силы. Крым, после завершения Великой Отечественной Войны, ощущал острую необходимость в людских ресурсах. В связи с этим полуостров стали заселять колхозниками-переселенцами из различных областей РСФСР и УССР. Успешность этого процесса гарантировалась разработанной и введенной в действие системой льгот, направленной на социально-бытовую адаптацию колхозников-переселенцев.

Список литературы

1. Ярмиш О. Н. Міграційні процеси як державно-і правоутворюючий чинник / О. Н. Ярмиш // Міграційні процеси в Україні і світі: історійко-юридичні аспекти: Мат-ли XIV Міжн. іст.-прав. Конф. / ред. кол. : О. В. Тимошук, Д. В. Велігодський, О. Н. Ярмин та ін. – Сімферополь: ДіАйПі, 2005. – 430 с.
2. Міграційні процеси в сучасному світі: світовий, регіональний та національний виміри. Понятійний апарат, концептуальні підходи, теорія та практика: енциклопедія / [за ред. Ю. Римаренка]. – К. : Довіра, 1998. – С. 153
3. Миграция сельского населения / под ред. Т. И. Заславской. – М. : Мысль, 1970. – 348 с.

4. ГААРК, ф. 2888, оп. 1, д. 19, л. 72
5. Там же, л. 19
6. ГААРК, ф. Р-2887, оп. 1, д. 1, л. 2
7. ГААРК, ф. Р-2888, оп. 1, д. 103, л. 1
8. ГААРК, ф. Р-2888, оп. 1, д. 7, л. 4; д. 18, л. 20
9. ГААРК, ф. Р-2887, оп. 1, д. 1, л. 4
10. ГААРК, ф. Р-2888, оп. 1, д. 6, л. 40
11. Максименко М. М. Местные Советы Крыма в послевоенный период: 1954–1958 / М. М. Максименко. – К. : Наукова думка, 1972. – 266 с.
12. ГААРК, ф. Р-2888, оп. 1, д. 103, л. 140
13. Там же, л. 141–142
14. ГААРК, ф. Р-3508, оп. 1, д. 18, л. 17
15. Там же, д. 90, л. 10
16. Там же, л. 25
17. Там же, л. 26
18. Там же, л. 27
19. Там же, л. 51
20. ГААРК, ф. Р-3508, оп. 1, д. 159, л. 13
21. ГААРК, ф. Р-2887, оп. 1, д. 1, л. 5
22. ГААРК, ф. Р-2888, оп. 1, д. 1, л. 56, 63, 66, 67, 71; д. 4, л. 10, 74, 75, 90, 143, 153, 200, 241
23. Там же, д. 6, л. 40
24. ГААРК, ф. Р-3508, оп. 1, д. 19, л. 2
25. Там же, л. 3
26. ГААРК, ф. Р-3508, оп. 1, д. 38, л. 50
27. Там же, д. 19, л. 9
28. Там же, д. 69, л. 120
29. Там же, д. 90, л. 1

Сейтова Е. І. Система пільг для переселенців в Крим в 1944–1964 роках / Е. І. Сейтова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історія України» – С. 180–186.

В наслідок Великої вітчизняної війни Крим претерпів значних людських втрат. Задля відновлення демографічного потенціалу, інфраструктури та народного господарства, Державний комітет оборони визнав необхідним переселення до Криму з різних областей Росії та України працездатних колгоспників. З метою, якомога активнішого заселення, а також успішної та швидкої адаптації прибулих була розроблена та впроваджена в дію система пільг. Вона мала на увазі компенсацію всіх видів видатків пов'язаних з прибуттям та заселенням колгоспників, а також їх максимально комфортного проживання на півострові.

Ключеві слова: міграція, система пільг, демографічний потенціал, народне господарство, переселення, переселенці

Seitova E. The System of Privileges of the Settlers to Crimea from 1944-1964 / E. Seitova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 180–186.

As a result of the Great Patriotic War, Crimea had major human losses. To restore the demographic potential, infrastructure, and national farming, the Governmental Committee of Defense recognized the need to resettle able-bodied collective farm workers to Crimea from different regions of Russia and Ukraine. With the goal of active settling and also a successful and quick adaptation of the arriving people, a system of privileges was introduced and implemented. It implied the compensation of all kinds of costs connected with transportation of the resettlers from places where they used to live to places where they were going to live; costs connected with their successful arrival and settlement; and also their maximal comfortable living on the peninsula.

Key words: migration, system of privileges, demographic potential, national farming, resettlement, resettlers

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

УДК 94:358.42+355.425.4 «1942/1944»(477.75)

АНАЛИЗ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ ПО СНАБЖЕНИЮ КРЫМСКИХ ПАРТИЗАН В ИЮНЕ 1943 – АПРЕЛЕ 1944 гг.

Ткаченко С.Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: tkserg1@yandex.ru*

В статье исследованы действия советской авиации по разнообразному снабжению партизан Крыма в третий период их боевой деятельности, раскрывается проблематика авиационной составляющей взаимодействия, представлены сведения об аварийности в процессе авиационного обеспечения партизанских соединений Крыма.

Ключевые слова: партизаны, авиация, Крым, снабжение, взаимодействие, источники.

Введение и историография проблемы. Партизанское движение в Крыму 1941-1944 годов в последнее время находится под определённым вниманием исследователей. Однако, если крымские историки – А.Мальгин, Е.Мельничук, О.Романько, В.Брошеван и другие, с конкретных различных сторон рассматривают феномен крымского партизанства [6; 10; 16; 19; 20; 21; 28; 29; 30], то их российские коллеги ограничиваются общими проблемами и внимание больше уделяют тенденциям в масштабе всего партизанского движения на оккупированной территории СССР, не выделяя, как правило, каких-то особенностей партизанской войны в Крыму [4; 5; 24; 25]. На материковых украинских землях изучение истории борьбы крымских партизан практически не ведётся, а то, что есть не всегда адекватно в современных условиях [15; 32; 34].

Но есть тема, которую никто из историков любых стран в основном не поднимал. Это – проблематика взаимодействия крымских партизан и советской авиации в её различной ведомственной подчиненности и организационной принадлежности. За редкими научными статьями, давно опубликованными в специализированных изданиях, и несколькими обобщающими работами с упоминанием о снабжении партизан посредством авиации [2; 13; 17; 35], тема остаётся малоизученной и почти неизвестной своей конкретикой. Зато в опубликованных мемуарах партизан, их отчётах и воспоминаниях, хранящихся в Государственном Архиве АР Крым, и нескольких документальных работах Героя Советского Союза, летчика и писателя В.И.Емельяненко [11; 12], эта тема проходит красной нитью. Ведь основным и единственным путём эвакуации на «Большую землю» раненых, больных и обессиленных, как и разнообразного снабжения, был воздушный. Недаром те партизаны, кто подлежал отправке, называл этот путь «путём жизни» [43, л. 12].

Актуальность данной статьи обусловлена потребностью фундаментальной разработки исторических аспектов организации и развития авиационного обеспечения партизанского движения в Крыму в 1942-1944 гг. с помощью авиационных частей и подразделений различной подчинённости.

Целью статьи является создание комплексной, целостной и научной картины взаимодействия авиачастей с крымскими партизанами в указанный период. Новизна данной статьи состоит в первую очередь, в постановке самой проблемы и решении конкретных исследовательских задач, касающихся деятельности авиации по снабжению партизанского движения в Крыму, а также в более широком смысле – изучения взаимодействия партизан и авиаторов. Представленная работа основана главным образом на крымских материалах, которые находятся в различных местных учреждениях (государственный и ведомственные архивы, фонды музеев и комнат боевой славы воинских частей, библиотеки, редакции газет). Документы по теме исследования, хранящиеся за пределами Крыма, приводятся по опубликованным изданиям; исследование архивов армейской подчиненности будет проводиться в дальнейшем.

Именно на основе этих положений и анализируется деятельность советской авиации в третий период партизанского движения, хронологические рамки которого (июль 1943 – апрель 1944 гг.) установлены в Отчёте Крымского Штаба Партизанского Движения (КШПД) о действиях партизан в Крыму за период с ноября 1941 по апрель 1944 года [37, л. 440]. Это практически совпадает со временем действия авиации в июне 1943 – апреле 1944 гг., о котором есть конкретные архивные сведения. Указанный период избран по принципу последовательности – два предыдущих этапа рассматривались автором в других изданиях, результаты исследований докладывались на международных научных конференциях. Кроме того, по периоду в Государственном архиве АР Крым хранятся уникальные документы, из которых можно с высокой степенью точности привести разнообразный количественный материал (в отношении других периодов сводные данные в крымских архивах пока не найдены и являются предметом дальнейшего исследования).

Состав сил и средств авиации. В Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., наряду с тремя «силовыми» наркоматами – Народным Комиссариатом Обороны, Народным Комиссариатом Военно-Морского Флота и Народным Комиссариатом Внутренних Дел - принимали участия военизированные формирования других тогдашних советских министерств и ведомств. Одним из них было Главное Управление Гражданского Воздушного Флота (ГУ ГВФ) при Совете Народных Комиссаров Союза ССР, приравненное к отдельному наркомату [3, с. 106]. А непосредственно с июня 1943 года на материальное обеспечение крымских партизан действовал (или, как говорят в авиации, работал) 1-й авиационный транспортный полк ГВФ из состава 1-й авиационной транспортной дивизии ГВФ (*атд ГВФ*) [17, с. 70]. Командир полка – подполковник Константин Александрович Бухаров. На вооружении имел средние военно-транспортные самолёты Ли-2 и их американские аналоги С-47 (несколько совершеннее по характеристикам) [31, с. 38].

Ввиду того, что возможна путаница в наименованиях частей, кратко остановимся на предыстории и последующих преобразованиях соответствующего авиаполка и дивизии. Сформировано соединение как Московская авиагруппа особого назначения ГВФ (МАОН ГВФ) в первые дни войны из опытных летчиков гражданской авиации [14, с. 28]. Имела семь отрядов (с конца 1941 г. назывались эскадрильями). Основной аэродром базирования – Внуково Московской области. МАОН была оснащена самолетами ПС-84 (с сентября 1942 г. изменено наименование на Ли-2). Выполняла самые

разнообразные задания по доставке грузов и людей, в т.ч. в тыл противника. С сентября 1942г. авиагруппа была преобразована в 1-ю авиатранспортную дивизию ГВФ. Командиром 1-ой *атд ГВФ* с того времени по март 1944 г. был генерал-майор авиации М.П. Казьмин. Преобразована Приказом НКО СССР №0361 от 05.11.1944 г. в 10-ю гвардейскую авиационную транспортную дивизию ГВФ [9, с. 28].

В ходе операций по освобождению Правобережной Украины весной-летом 1944 года экипажи различных авиаполков ГВФ совершили около 24 тыс. самолетовылетов, перевезли около 15 тыс. человек, свыше 2600 т боеприпасов и горючего. Успешные боевые действия авиачастей ГВФ получили высокую оценку командования. Особо отличившиеся части были удостоены почетных наименований, в том числе и 1-й авиаполк 10-й гвардейской транспортной авиадивизии ГВФ получил наименование Херсонский [22, с. 197].

Кроме названного авиаполка, в интересах крымских партизан в рассматриваемый период летало ещё две группы самолётов из различных авиачастей. Летали на посадочные площадки в горнолесной части Крыма экипажи А.Л.Москалина и Б.Г.Китаева на Ли-2 из 11-го гвардейского дальнебомбардировочного авиаполка [33] и группа У-2 (С-2) и ПР-5 из 8-го отдельного авиаполка ГВФ [17, с.71].

Первая воинская часть за всю войну имела несколько наименований: 14-й тяжёлый бомбардировочный авиационный полк (22.06.1941 – 14.01.1942), 14-й авиационный полк дальнего действия (06.03. 1942 – 26.03.1943), 11-й гвардейский Сталинский Краснознаменный авиационный полк дальнего действия (26.03. 1943 – 26.12.1944), 11-й гвардейский бомбардировочный Сталинский Краснознаменный авиационный полк (26.12. 1944 – 09.05.1945гг.).

В мае 1940 г. на вооружение 2-й авиаэскадрильи полка стояли бомбардировщики ТБ-7 (Пе-8). На вооружении 1-й и 3-й эскадрилий были бомбардировщики ТБ-3. В сентябре 1942 г. устаревшие бомбардировщики ТБ-3 были заменены самолетами Ли-2, которые использовались в качестве бомбардировщиков.

К 13.08. 1941 г. полк был введен в состав 22-й авиационной дивизии (ад) и он приступил к действиям в интересах Южного и Юго-Западного фронтов. В ноябре-декабре 1941 г. и начале января 1942 г. пять экипажей ТБ-3 полка доставляли продовольствие в осажденный Ленинград. С января 1942 г. пять экипажей ТБ-3 действовали в составе транспортной авиагруппы особого назначения майора Поликарпова, которая до мая 1942 г. совершала ночные вылеты для снабжения крымских партизан.

В марте 1942 г. был в составе 22-й авиадивизии, когда на ее основе была сформирована новая 62-я авиационная дивизия дальнего действия (позже преобразована в 9-ю гвардейскую авиадивизию дальнего действия, затем в 22-ю гвардейскую бомбардировочную авиационную дивизию). В составе этой дивизии полк прошел всю войну.

Относительно изучаемого периода, то официально полк преобразован приказом Наркома обороны СССР № 137 от 26.03. 1943 г. в 11-й гвардейский авиационный полк дальнего действия. Переименован Директивой Генерального штаба № Орг/10/315706 от 26.12. 1944 г. в 11-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк [9, с. 31].

Группу в два самолёта от этого полка возглавлял гвардии капитан В.Д.Савельев. Наиболее прославился гвардии лейтенант Александр Леонтьевич Москалина, этот отважный лётчик совершил более 70 результативных полётов к

партизанам. А всего, по данным музейных фондов, экипаж Ли-2 во главе с Москалиной летал в Крым с 25 июня по 26 октября 1943 года, сделал 32 посадки, более сорока сбросов грузов, освоил 16 августа 1943 г. новую посадочную площадку «Иваненкова казарма» в северной части нагорья Долгоруковская яйла, привёз с «Большой земли» командный состав, награды партизанам и новое оружие – наземные установки реактивных снарядов [44, л. 22, 25, 31].

8-й отдельный авиационный полк ГВФ (08.11.1942 – 24.11.1944) назывался далее 23-й отдельный авиационный Берлинский орденов Александра Невского и Богдана Хмельницкого 2-й степени полк ГВФ. Именно звено 5-й эскадрильи этого полка под командованием И.Я.Нижника совершило беспримерные полёты на посадочные площадки крымских партизан на легкомоторных самолётах типа У-2 и ПР-5 в изучаемый период. В звене были самолёты У-2, С-2 (санитарный вариант У-2) и ПР-5 (санитарный вариант разведчика Р-5). Пилотами были И.Я. Нижник, Н.А. Огарков, Л.К. Краснов, В.И. Царевский, В.И. Булгаков, Я.М.Фадеев, Ф.Мордовец [41, л. 26-27, 29, 31-33].

Согласно приказу Начальника ГУГВФ от 19.08.1942 № 58 в Тбилиси была сформирована Особая Закавказская авиагруппа ГВФ. Приказом Начальника ГУГВФ от 04.11.1942 № 0105 Закавказская особая авиагруппа переформирована в 8-й отдельный авиационный полк ГВФ. По директиве ГШ № орг/10/313978 от 19.10.1944 полк переименован в 23-й отдельный авиационный полк ГВФ [9, с. 30]. Приказом ВГ № 0109 от 04.06.1945 полку присвоено наименование «Берлинский». Указами Президиума Верховного Совета от 26.04.1945г. и 04.06.1945г. награжден орденами Александра Невского и Богдана Хмельницкого 2 степени. В тыловом отношении полк обслуживала 16-я рота аэродромного обслуживания 8-го Отдельного авиационного полка ГВФ (08.11.1942 – 12.04.1943 гг.) – далее 91-й батальон аэродромного обслуживания 23-го Отдельного авиационного Берлинского орденов Александра Невского и Богдана Хмельницкого 2-й степени полка ГВФ [9, с. 31]. Полк имел в своём составе четыре эскадрильи легкомоторных самолётов У-2 и одну эскадрилью транспортных самолётов ПС-41 (СБ), АНТ-9, К-5, ПС-84 (Ли-2). Большую роль авиаторы авиаполка выполнили при боях за перевалы Большого Кавказа (выполняя по 12-15 боевых вылета в день для доставки различных грузов в высокогорные районы и эвакуации оттуда раненых). Одновременно с транспортной работой 8-й оап ГВФ проводил разведывательные полёты в горах в интересах ВВС Закавказского Фронта и других штабов [44, л. 6-7, 9].

Количественный состав самолётного парка названных полков пока не поддаётся точному подсчёту – в крымских архивах таких данных нет, вероятно, закрыта численность авиатехники и в других специализированных архивах. Однако анализ косвенных данных позволяет говорить минимум как о 12-15 самолётах Ли-2 (С-47), до десяти самолётов У-2, С-2, ПР-5, привлекаемых к полётам в Крым в исследуемый период.

Указанные типы летательных аппаратов принадлежали: Ли-2 (до сентября 1942г. назывался ПС-84, производился в Советском Союзе) и его аналог С-47, изготовленный в США и поставляемый по ленд-лизу в СССР, в авиационном обиходе называемый «Дуглас» – к средним транспортным самолётам; легкомоторные У-2 (и

его санитарная модификация С-2) и ПР-5 – к соответствующим учебным и разведывательным самолётам.

Общая характеристика маршрутов полётов и посадочных площадок.

Самолёты указанных типов летали на партизанские посадочные площадки и возвращались назад преимущественно с двух аэродромов – «Сочи» (или географически правильнее, Адлер) и «Агой», находящихся на Кавказском побережье. С первого летали в основном самолёты группы 8-го авиаполка ГВФ, а впоследствии – и из других частей. В единичных случаях, некоторые рейсы происходили с аэродромов возле станицы Крымской и города Краснодара, что отслеживается по архивным документам [41, л. 30].

Маршрут Адлер (Агой) – партизанские площадки в горнолесной части Крыма проходит во 2-м и 3-м часовых поясах. Магнитное склонение в начале маршрута $+4^\circ$, в конце его $+5^\circ$. Протяженность маршрута 624 км. Высота полета 6000-9000 м. Маршрут проходит преимущественно над водной поверхностью Черного моря, а на первом и двух последних этапах – над горной местностью высотой 1000-1545 м [1, с. 192].

Береговая черта Черного моря способствует ведению ориентировки. При выходе с моря на берег экипаж легко может определить место самолета, используя в качестве ориентиров характерные мысы, бухты и населённые пункты (к ним относятся Ялта, Геленджик, Новороссийск и сам Адлер). Советские лётчики использовали для ориентирования ночью также проблесковый огонь маяка, который находился на мысе Меганом вблизи крымского города Судак с характерной амплитудой сигнала [18, с. 192–195].

Город Адлер расположен на побережье Черного моря на берегах устья реки Мзымта. Непосредственно северо-восточнее города на правом берегу реки находится аэродром. В 23 км северо-западнее города Адлер раскинулся курортный город и порт Сочи.

Аэродром «Сочи» (Адлер) расположен на берегу Черного моря в 1 км северо-восточнее города Адлер. Высота аэродрома над уровнем моря 14 м. Магнитное склонение $4-6^\circ$. Летное поле сейчас состоит из двух взлётно-посадочных полос - бетонированной (длина 2000 м, ширина 50 м) и грунтовой (длина 1200 м, ширина 100 м, находится южнее и параллельно бетонированной). Вокруг аэродрома встречаются препятствия в виде линий электропередач, на побережье со всех сторон в радиусе от одного до пятнадцати километров – горы высотой от 100 до 1260 м. Лётное поле построено на месте ликвидированного семеноводческого совхоза «Черноморец» 8 июля – 1 сентября 1941 года для размещения авиационных частей [1, с. 194–195].

Аэродром «Агой» находится в 108 км на северо-запад от аэродрома «Сочи» (Адлер), на побережье Чёрного моря в устье реки Агой, в 12 км северо-западнее Туапсе на автотрассе Туапсе – Новороссийск, на территории села Агой, непосредственно примыкая к морю. В настоящее время аэродром для полётов авиации не используется.

Согласно современных наставлений по безопасности полётов, из-за горного характера местности и обширного водного пространства по маршрутам полётов с Кавказа в Крым и обратно посадка самолетов вне аэродромов исключена [1, с. 192]. Но авиаторы в период боевых действий больше руководствовались чувством долга и принципом необходимости, и совершали полёты на необорудованные площадки.

По воспоминаниям «партизанских» лётчиков, некоторые пилоты считали такие вылеты – ночью, без разведки погоды и обстановки – «полётами на смерть» [42, л. 12].

В третьем периоде партизанского движения в Крыму использовались три посадочные площадки для приёма и выпуска самолётов [39, л. 175–178]. Это «Большой Баксанский аэродром» (Караби-Яйла, северо-западная часть, координаты: 44° 54' 40" северной широты, 34° 28' 10" восточной долготы, средняя высота над уровнем моря 781 м); «Малая площадка» (нагорье Орта-Сырт, координаты: 44° 52' 34" северной широты, 34° 25' 59" восточной долготы, средняя высота над уровнем моря 887 м); «Иваненкова казарма» (урочище Даир-Алан, нагорье Долгоруковская яйла, северная часть, координаты: 44° 54' 10" северной широты, 34° 20' 76" восточной долготы, средняя высота над уровнем моря 874 м). На «Малую площадку» ввиду её небольших размеров прилетали только лёгкомоторные самолёты. «Иваненкова казарма» действовала с 16 августа 1943 года по 11 апреля 1944 года, хотя на неё принято больше самолётов, чем на «большой аэродром» [12, с. 336–337].

Все указанные площадки не были оборудованы радиотехническими средствами, в качестве примитивного светотехнического оборудования применялись комбинации костров и ручные фонари (на взлёте и посадке – и фары самолётов). Аэродромного покрытия они не имели, являясь грунтовыми, с минимальным уходом за полосами приземления и взлёта (уборка камней и кустов, заравнивание ям партизанской «стартовой командой»).

На эти же площадки и вблизи них проводились основные парашютные и беспарашютные сбрасывания грузов в исследуемый период. Кроме того, сбрасывания осуществлялись по четырём целям (установлены в октябре 1943 г.), а именно: цель №1 – зуйские леса (для партизанских бригад №1, №5, №6), цель №2 – леса заповедника (для партизанской бригады №4), цель №3 – старокрымские леса (для партизанской бригады №3), цель №4 – карасубазарские леса (для партизанской бригады №2) [40, л. 107–108].

Выходы на площадки и заходы на посадку проходили по трём путям – мыс Меганом служил узловым пунктом, откуда летчики в разных направлениях заходили на партизанские «пяточки» [11, с. 76]. Первый путь был прямо от мыса Меганом к плато Караби-яйла, на «большой аэродром». В случае закрытия плато облачностью и визуальной невидимости посадочных площадок, маршрут лежал через Карасубазар, хотя постоянным заход был с севера, от Баксана (ныне село Межгорье Белогорского района). Второй путь – от мыса Меганом к Алуште, где по межгорью Демержи-Чатырдаг выходили на север, или перевалив горы – затем на «Иваненкову казарму», тоже с заходом с севера от Симферополя [12, с. 336]. Третий – к Алуште и западнее к Ялте, в горы заповедника, для сброски грузов (с лета 1942 года там самолёты не садились).

Боевая деятельность. Все указанные эскадрильи и группы выполняли задания Северо-Кавказского фронта и КШПД, доставляли крымским партизанам боеприпасы, вооружение, горючее, продовольствие, вещевое имущество, иные грузы, центральную, фронтную и армейскую печать и пропагандистские материалы. Вместе с тем, доля продовольствия в снабжении неуклонно уменьшалась, крымские партизаны с начала осени 1943 г. уже могли обеспечить себя продуктами хоть и минимально, но стабильно. Так, в радиограмме №1820 начальнику Центральной Оперативной Группы П.Р.Ямпольскому от Военного совета Северо-Кавказского фронта

за 16.11.1943 г. говорится: «Высылаем вам основу – оружие. Пошлём и ещё, самолётов сейчас достаточно. Войска прочно закрепились на керченском берегу и сейчас успешно ведут боевые действия...» [36, л. 31]. Перевозили командный и инструкторский состав, рядовых партизан в лес и личный состав спецгрупп в тыл противника. Совершали разведку погоды, линии фронта, железнодорожных и автомобильных путей и инфраструктуры, в том числе по разведанным, полученным партизанами и переданными через командиров экипажей. Обеспечивали авиасвязью штабы фронта со штабами наземных частей и штабом крымских партизан. Задания выполнялись преимущественно в сложной фронтовой и метеорологической обстановке, зачастую под огнем противника и при блокировании партизанских районов [8, с. 280–281], посадки совершались на ограниченные площадки в горнолесной части Крыма. Обратными рейсами после взлёта с партизанских площадок все самолёты обычно брали раненых и больных партизан, эвакуируемых мирных жителей (в частности детей), командный состав, вызванный на «Большую землю».

Так, только звено из 8-го отдельного авиационного полка ГВФ выполнило 463 полёта к партизанам, в основном к крымским, а за всю войну полк налетал 116295 часов, перевёз 425 десантников, 42594 офицера истребительной авиации при их перебазировании, 5453 раненых. За весь период боевых действий авиаполк потерял 38 человек, и не менее 22 самолётов [44, л. 34–35]. Наиболее известные в крымском лесу лётчики из этого полка – Иван Яковлевич Нижник и Владимир Пантелеевич Паршиков совершили свой незаметный подвиг. Первый сделал 1307 боевых вылета и 75 удачных посадок на партизанские «аэродромы» (в основном эксплуатируя самолёты ПР-5 и У-2), а второй из 375 боевых вылетов совершил 79 успешных полётов к партизанам Крыма (во все периоды обеспечения партизан) [44, л. 17]. Как подчеркивалось в отзыве о боевой работе отдельного авиаполка ГВФ за 10.01.1944 г. именно И.Нижник, заслуженно названный «воздушным партизаном», при 25 вылетах с июня 1943 по 1 января 1944г., двадцать три совершил успешно – с риском и непомерным трудом лётчика, чувством долга и выдающимися личными моральными и волевыми качествами [39, л. 33].

В период с 01.06.1943 по 06.04.1944 гг. всеми группами и частями ГВФ было совершено 359 полётов по боевым заданиям в тыл противника в район Крыма [41, л. 26–41]. Из них – выявлено 291 вылет самолётами типа Ли-2 (С-47), 49 вылетов самолётами типа У-2 и С-2, 19 вылетов самолётами типа ПР-5. Увы, в архивных документах невозможно однозначно сказать обо всех полётах с посадкой или только на сбрасывание грузов – не везде отмечены посадки. Хотя общее выполнение задания всегда отмечалось. По подсчётам всего было не выполнено 58 заданий, что составило 16,1% от общего числа самолётовывлетов. Не выполнение заданий происходило по нескольким причинам: большей частью из-за сложных метеорологических условий и закрытой облачностью цели, реже – «противник на площадке», или «цель не дала сигналов». По типам самолётов невыполнение поставленной задачи распределилось так: Ли-2 – безуспешно сделано 47 полётов, или 16,1% от всего числа, У-2 и С-2 – не выполнили задание в 9 случаях (18,7% от общего числа), ПР-5 – 2 полёта безрезультатно, или 10,5% . Кроме того, были случаи изменения заданий, когда из-за отсутствия сигналов на одной из целей, проводился сброс грузов над другой целью [41, л. 36].

Авиационные происшествия. Увы, не обошлось без аварий и катастроф (градация аварий (поломка техники без гибели людей) или катастрофа (любое авиационное происшествие с гибелью или последующей смертью человека) прослеживается с довоенных времён, и давно закрепились в руководящих документах по авиации [27, с. 53; 26, с. 4]). В указанный период авиапроисшествий было несколько, все с самолётами Ли-2.

Так, 25 июня 1943 года, Ли-2 (бортовой номер 26) под командованием гвардии лейтенанта Б.Г.Китаева вылетел с аэродрома Адлер с заданием произвести посадку у партизан, доставить 18 человек, и вывезти группу больных и раненых партизан. В ночь 26 июня самолёт прилетел, посадка была произведена, люди доставлены. После загрузки самолёт вырулил на взлёт. Но при взлёте отказал левый двигатель, самолёт упал и потом сгорел. Экипаж и вывозимые партизаны остались живы, покинув упавший самолёт [41, л. 27, 91].

В Государственном архиве АР Крым сохранились акты на списание самолёта, потерянного в результате другой аварии [41, л. 92]. В ночь с 3 на 4 октября самолёт Ли-2 (бортовой номер 5810, командир экипажа гвардии лейтенант А.Л.Москалина) при посадке на высоте 900 метров резко упало давление масла в левом двигателе, с уменьшением оборотов винтов удалось самолёт успешно посадить. Но в конце пробега двигатель заклинил. Осмотром на земле обнаружена стружка в маслофильтре, к чему привели поворот и полное разрушение коренного подшипника. По условиям местности и ввиду близости противника решением комиссии (командир корабля гвардии лейтенант И.И.Москалина, начштаба партизанской бригады старший лейтенант Н.К.Котельников, командир партизанского отряда И.И.Москалёв, бортехник гвардии старшина А.Т.Скибин, начальник связи эскадрильи гвардии старшина Анашкин) самолёт и секретная радиотаблица сожжены, радиостанция, автопилот и зимнее обмундирование забазировано в лесу.

15.11.1943 г. Ли-2 вылетев из Краснодара накануне, произвёл посадку, доставил горные установки реактивных снарядов и один комплект мин, 9 человек команды. Но самолёт на аэродром взлёта не вернулся. Обстоятельства аварии неизвестны. Но в эту же ночь произошла ещё одна авария: самолёт Ли-2 под управлением Гуляева доставил в Крым 180 винтовок, 15000 патронов, 200 гранат, но при взлёте зацепился за лес, упал и сгорел [41, л. 30].

Согласно архивным документам [41, л. 93–96], в частности акту расследования аварии самолёта от 19.01.1944 г. (подписан начальником политотдела Центральной Оперативной Группы Н.Д.Луговым, командиром 5-й бригады Соловьём, комиссаром 5-й бригады старшим лейтенантом Маркиным, комиссаром 6-го отряда 5-й бригады Думановым, начальником боепитания 5-й бригады Овечкиным) в ночь на 19 января 1944 года Ли-2 потерпел аварию: при посадке сломал шасси, повредил левую плоскость крыла, левый винт, левый двигатель и систему его маслоснабжения. Причинами аварии названы неправильно выложенные посадочные знаки и костры со смещением. В итоге именно грубое нарушение самими партизанами порядка расположения посадочных знаков привело к укорачиванию посадочной площадки, и аварийному выкатыванию самолёта на пробеге.

23 января 1944 года Ли-2 (командир экипажа Комашкин) произвёл посадку, доставив взрывчатку, патроны и гранаты. Но из-за аварии, характер которой выяснить из крымских архивных документов не удалось, задание по вывозу раненых не выполнил [41, л. 34].

Возможно, были и другие авиационные происшествия, не столь масштабные – поломки оборудования и систем летательных аппаратов. Но сведений об этом в крымских архивных фондах не найдено. Вместе с тем, нет данных – ни архивных, ни мемуарных, что какие-либо самолёты были сбиты противником. Сохранились лишь отрывочные сведения, что самолёт «Дуглас», бортовой номер 839, командир экипажа В.П. Михайлов, при посадке наскочил на камень, и «уничтожен противником», однако времени этого происшествия из документа установить не удалось, как и других обстоятельств аварии [39, л. 43].

Выводы. Авиация в третий период партизанского движения в Крыму постоянно взаимодействовала с крымскими партизанами. Характерными чертами такого взаимодействия были снабжение оружием и различными грузами, перевозка на посадочные площадки партизан и военнослужащих специальных групп, эвакуация раненых и больных на «Большую землю». По разведывательным данным, представляемым партизанами и спецгруппами, проводилось планирование военных операций по захвату плацдармов и освобождению Крыма. Группы самолётов из преимущественно авиаполков ГВФ в исследуемый период сделали сотни вылетов, обеспечивших развёртывание партизанского движения на полуострове.

Авиация сыграла существенную роль в боевых действиях крымских партизан в исследуемый период, не говоря уже о той огромной моральной поддержке, которую ощущали советские люди в оккупированном Крыму – партизаны и гражданское население. Как отметил первый секретарь Крымского обкома ВКП(б), начальник Крымского штаба партизанского движения В. С. Булатов в отзыве на боевую работу 8-го отдельного авиаполка Гражданского Воздушного Флота за 1943 год «Отличная организация боевой работы, героизм и самоотверженность летчиков, согласованная работа технического состава, который готовил материальную часть к полетам, определили успех всех заданий, выполненных партизанами Крыма. Помощь авиаполка, сделанная партизанам Крыма, который доставил боеприпасы, оружия и продовольствие, во многом способствовала усилению борьбы с немецко-румынскими захватчиками в Крыму» [39, л. 34]. А в письме за 14.04.1944 года от В.С.Булатова и заместителя начальника КШПД Г.Л.Северского генерал-лейтенанту А.З.Устинову, начальнику штаба 4-й воздушной армии, о выполненных спецзаданиях по обеспечению партизанских отрядов в течение двух лет полками 1-й *атд ГВФ*, имеется ходатайство о представлении на почётное наименование этих полков названиями крымских городов, а личного состава – к правительственным наградам [39, л. 42]. Это ещё раз подчеркивает особую благодарность авиаторам от крымских партизан, которая явилась результатом тесного взаимодействия в непростой обстановке 1942–1944 годов, в борьбе за выживание в оккупированном Крыму, в боевой деятельности и разноплановом обеспечении.

Список литературы

1. Аэронавигационное описание Болгарии, Румынии и Советского побережья Чёрного, Азовского и Каспийского морей. – М. : Управление Гидрографической службы ВМФ, 1965. – 296 с.
2. Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945 / А. В. Басов. – М. : Наука, 1987. – 336 с.
3. Борисов В. А. Высшие органы военного руководства СССР, 1923–1991 гг. / В. А. Борисов // Правоведение. – 1996. – № 2. – С. 100–115.
4. Боярский В.И. Партизанская война : история утраченных возможностей / В. И. Боярский. – Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2001. – 304 с.
5. Боярский В.И. Партизанство вчера, сегодня, завтра : историко-документальный очерк / В. И. Боярский. – М. : Граница, 2003. – 448 с.
6. Брошеван В.М. Крымский штаб партизанского движения / В. М. Брошеван. – Симферополь, 2001. – 103 с.
7. Великая Отечественная: сб. документов / Ин-т воен. истории МО РФ. – М. : Терра, 1999. – Т. 9 : партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / авт.-сост. А. С. Князьков. – 671 с.
8. Диксон Ч. О. Коммунистические партизанские действия / Ч. О. Диксон, О. Гейльбрунн. – М. : Издательство иностранной литературы, 1957. – 291 с.
9. Директива ГШ СССР 1960г. №Д-8240 «О перечне воинских частей, штабов и учреждений, входивших в состав действующей армии в годы Великой Отечественной войны. Перечень №36. Части и учреждения военно-топографической службы; представительства штабов и оперативных групп партизанского движения при военных советах направлений, фронтов и армий; соединения и части Гражданского Воздушного Флота; иностранные формирования на территории СССР». – М., 1981. – 98 с.
10. Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха / Под ред. К. К. Семенова. – М. : АСТ ; Астрель, 2009. – 848 с.
11. Емельяненко В.Б. Воздушные тропы: Докум. повести. – М. : ДОССАФ, 1985. – 198 с.
12. Емельяненко В.Б. Воздушный мост. – М. : Сов. Россия, 1998. – 35с.
13. Жариков В.И. «Большая земля» снабжает партизан // Вопросы истории. – 1973. – №4. – С. 121–129.
14. История гражданской авиации СССР / под ред. Б. П. Бугачева. – М. : Воздушный транспорт, 1985. – 110 с.
15. Кентій А. Війна без пощади і милосердя : партизанський фронт у тилу Вермахту в Україні (1941–1944) / А. Кентій, В. Лозицький. – К. : Генеза, 2005. – 408 с.
16. Кондранов И.П. Крым, 1941–1945 : хроника / Крымская академия гуманитарных наук. – Симферополь, 2000. – 224 с.
17. Кондранов І.П. Роль радянської авіації в допомозі кримським партизанам у роки Великої Вітчизняної війни // Український історичний журнал. – 1972. – №1. – С. 69–72.
18. Лоция Чёрного моря. – М. : Управление Гидрографической службы ВМФ, 1963. – 465 с.
19. Мальгин А.В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос», 1941–1944. – Симферополь : СОНАТ, 2008. – 188 с.
20. Мельничук Е.Б. Партизанское движение в Крыму : накануне. Кн. 1. – Львов : Гриф Фонд, 2008. – 163 с.
21. Мельничук Е.Б. Чужие среди своих... (Боевые действия разведчиков ЧФ на территории оккупированного Крыма в 1943–44 гг.) // Москва-Крым : историко-публицистический альманах. Спецвыпуск : Крым в Великой Отечественной войне: дневники, воспоминания, исследования / Фонд «Москва-Крым». – М., 2003. – Вып. 5.– С. 386–462.
22. Освобождение городов : справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945 / М.Л.Дударенко, Ю.Г.Перечнев, В.Т.Елисеев и др. – М. : Воениздат, 1985. – 598 с.
23. Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. 1941–1944 гг. / сост.: А.В.Мальгин, Л.П.Кравцова, Л.Л.Сергиенко. – Симферополь : СОНАТ, 2006. – 268 с.

24. Партизанское движение: по опыту Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: военно-ист. очерк / под общ. ред. В. А. Золотарева. – М. : Кучково поле, 2001. – 464 с.
25. Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 383с.
26. Правила расследования авиационных происшествий и инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации (в ред. Постановления Правительства РФ от 02.12.1999 №1329). – М., 2000. – 126 с.
27. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. (Русский архив: Великая Отечественная). – М. : Terra, 1994. – Т. 13 (2–1). – 368 с.
28. Романько О. В. Крым. 1941–1944 гг. Оккупация и коллаборационизм : Сб. статей и материалов. – Изд. 2-е (перераб. и дополн.). – Симферополь : Антикава, 2005. – 204 с.
29. Романько О. В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). – Симферополь : Антикава, 2009. – 272 с.
30. Романько О. В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. – М. : Эксмо ; Яуза, 2006. – 640 с.
31. Рычило Б., Морозов М. Гвардейские авиационные дивизии, корпуса, эскадрильи 1941–45 гг. // Мир авиации. – 2003. – № 3. – С. 48, 50.
32. «Создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников». Красные партизаны Украины, 1941-1944: малоизученные страницы истории. Документы и материалы / Авт.-сост.: А. Гогун, А. Кентий. – К. : Украинский издательский союз, 2006. – 430 с.
33. Тебенко М. Крылатые партизаны // Правда Украины. – 1984. – 25 апр.
34. Турба Н.Н. Опыт и особенности партизанских действий в Крыму. 1941–1944 гг. (Социально-политический аспект) : Монография. – Одесса : Пед.ун-т, 1998. – 140 с.
35. Шамко Е. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. – Симферополь : Крымиздат, 1956. – 159 с.
36. Государственный архив в АР Крым, ф. П-1, оп. 6, д. 33.
37. Там же, ф. П-151, оп. 1, д. 23.
38. Там же, ф. П-151, оп. 1, д. 328.
39. Там же, ф. П-151, оп. 1, д. 329.
40. Там же, ф. П-151, оп. 1, д. 330.
41. Там же, ф. П-151, оп. 1, д. 331.
42. Там же, ф. П-8417, оп. 1, д. 85.
43. Фонды Народного музея Ичкинского партизанского отряда. – инв. № 802.
44. Там же. – инв. № 859.

Ткаченко С. Н. Аналіз дій радянської авіації по постачанню кримських партизан в червні 1943 – квітні 1944 рр. / С. Н. Ткаченко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Історія України». – 2010. – Т. 23 (62), № 1 : спецвипуск «Історичні науки» – С. 187–197.

В статті досліджені дії радянської авіації з різноманітного постачання партизан Криму в третій період їх бойової діяльності, розкривається проблематика авіаційної складової взаємодії, представлені відомості про аварійність в процесі авіаційного забезпечення партизанських з'єднань Криму.

Ключові слова: партизани, авіація, Крим, постачання, взаємодія, джерела.

Tkachenko S. Analysis of actions of soviet aviation on a supply Crimean partisan in June 1943 – April 1944 / S. Tkachenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2010. – Vol. 23 (62), No 1 : “History of Ukraine”. – P. 187–197.

Summary: In the article, operating of soviet aviation is investigational under a various supply partisan of Crimea in a third period of their battle activity, problems of aviation constituent of co-operation opens up, information is presented about an accident rate in the process of the aviation providing of partisan connections of Crimea.

Keywords: partisans, aviation, Crimea, supply, co-operation, sources.

Поступила в редакцію 01.10.2010 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абибуллаева Диляра Ильясовна	кандидат исторических наук, старший преподаватель Крымского инженерно-педагогического университета
Асанова Улькера Кязимовна	кандидат исторических наук, доцент, докторант Одесского национального университета имени И. И. Мечникова
Аулин Богдан Сергеевич	магистр кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Бобков Владимир Витальевич	кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общей и прикладной политологии Таврического гуманитарно-экологического института
Громенко Сергей Викторович	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Задерейчук Алла Анатольевна	кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Задерейчук Иван Афанасьевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института Одесского государственного университета внутренних дел
Ильницкая Оксана Ивановна	ассистент кафедры экономической теории Киевского национального экономического университета имени Вадима Гетьмана
Калиновский Владимир Витальевич	аспирант Центра памятниковедения НАН Украины
Кармазина Наталья Валериевна	кандидат исторических наук, проректор по учебно-методической работе Университета экономики и управления
Каушлиев Геннадий Сергеевич	соискатель кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Латышева Елена Владимировна	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского; докторант Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Ломакин Дмитрий Анатольевич	соискатель Крымского отделения Института востоковедения имени А. Е. Крымского НАН Украины
Молочко Евгения Валентиновна	аспирант Центра памятниковедения НАН Украины
Непомнящий Андрей Анатольевич	доктор исторических наук профессор кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Прохоров Дмитрий Анатольевич	кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского отделения Института востоковедения имени А. Е. Крымского НАН Украины
Савочка Антон Николаевич	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Севастьянов Александр Валерьевич	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Сеитова Эльвина Изетовна	аспирант кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Ткаченко Сергей Николаевич	соискатель кафедры истории Украины Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

СОДЕРЖАНИЕ

Абибуллаева Д. И.	
Проблема эмиграции крымских татар на страницах газеты «Терджиман»	3
Асанова У. К.	
Новые документы по истории музейного дела в Крымской АССР в 20-е годы XX века из фондов Государственного архива Российской Федерации	10
Аулин Б. С.	
Съезды Таврической научной ассоциации в общественно-культурной жизни Крыма (1917–1920)	22
Бобков В. В.	
Феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев: Основные вехи административной деятельности	32
Громенко С. В.	
Адам Сераковський – польський мандрівник по Криму та його подорожні листи	42
Задерейчук А. А.	
Внесок роду Фальц-Фейнів у соціально-економічний та суспільно-політичний розвиток Півдня України	50
Задерейчук И. А.	
Участие немцев в работе земских органов Таврической губернии как пример межнационального сотрудничества	62
Ильницкая О. И.	
Появление и развитие движения за реформирование письменности тюрко-мусульманских народов (втор. пол. XIX – нач. XX вв.)	68
Калиновский В. В.	
Православное духовенство Крыма и Херсонес: Малоизвестные страницы истории исследования памятника	76
Кармазіна Н. В.	
Питання охорони історико-культурної спадщини України в дисертаційних дослідженнях останніх років	88
Каушлиев Г. С.	
Английские путешественники в историко-краеведческом изучении Крыма конца XVIII – начала XIX века	100
Латишева О. В.	
Радянська система добровільного страхування в 30-х роках	114

Ломакин Д. А.	
К истории изучения мусульманских памятников XIII – XV века в Старом Крыму: В. Д. Смирнов	125
Молочко Е. В.	
Путеводители второй половины XIX – начала XX века как форма популяризации памятников истории и культуры Крыма.....	133
Непомнящий А. А.	
Николай Эрнст и Российская Публичная библиотека: Неизвестная страница биографии крымоведа	140
Прохоров Д. А.	
Почетные попечители русско-караимских учебных заведений Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX века	148
Савочка А. Н.	
Становление и развитие общественных благотворительных организаций в Ялтинском уезде (вторая половина XIX – начало XX века).....	155
Севастьянов А. В.	
Изучая древность и сохраняя память: Проблемы истории материальной культуры и охраны памятников в научном наследии членов Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.)	168
Сеитова Э. Р.	
Система льгот для переселенцев в Крым в 1944–1964 годах.....	180
Ткаченко С. Н.	
Анализ действий советской авиации по снабжению крымских партизан в июне 1943 – апреле 1944 г.	187
Сведения об авторах	198